

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

№ 3 (33) 2020

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2020

Остров Лето

В детстве у меня был свой собственный отсчет времени. Год начинался 1 сентября и длился до 31 мая. А потом год кончался и наступало Лето. Оно никогда не входило в перечень времен года, оно существовало само по себе, как остров посреди океана. Я весь год с нетерпением ждала возвращения в этот волшебный мир. И вот наступал долгожданный час, и я сходила на остров под названием Лето, чтобы пребывать в блаженном состоянии целых три месяца. На острове меня непременно ждали новые открытия и впечатления, которых было больше, чем за весь прошедший год. Удивительно, но так и было!

Лето. Я лежу на деревянных мостках и смотрю сквозь щели в досках на воду. В прозрачной воде скользят мальки, водоросли, похожие на еловые ветки, тянутся к солнцу, а по поверхности воды, словно на коньках, скользят водомерки. Но я знаю, что где-то рядом плавают крохотные речные феи. Я могу часами высматривать их и ждать, когда они попадут в поле моего зрения. Мне шесть лет.

Лето. Мы возвращаемся с подругой из леса с полными корзинами черники. Жарко, хочется пить. Мы идем по пыльной желтой дороге через поле, где среди созревающих колосьев синеют васильки. Наконец деревня и колодец. Пока ведро, позвякивая цепью, опускается в темную прохладу колодца, жажда становится нестерпимой. И вот долгожданная вода. Такая вкусная, сладкая, ледяная. Можно пить ее вечно и все равно не напиться. А потом мы долго смотрим в колодец, пытаюсь увидеть в колышущейся воде звезды. Мне десять лет.

Лето. Бабушка печет пироги. Они стоят в печи за заслонкой и благоухают на весь дом. Пироги с капустой и с рисом и яйцами. Я то и дело забегаю в дом узнать, не готовы ли. Бабушка смотрит на меня строго, но не сердито. Наконец противень извлечен из печи, я хватаю обжигающе горячий пирог. Бабушка сердится и кричит, что нужно дать пирогам остыть. А я перекидываю пирог с ладони на ладонь, чтобы остудить, и мчусь на реку купаться. Где-то далеко-далеко гремит гроза, и пахнет свежескошенным сеном. Мне четырнадцать лет.

Лето. Я лежу на сеновале рядом с *ним*. Моя первая любовь. Он берет меня за руку и говорит, что мои волосы пахнут ветром. Но они пахнут шампунем, я это знаю, но все равно приятно. Мы смотрим на звезды, которые видны сквозь дырявую крышу. А может, звезд и нет и крыша вовсе не дырявая, просто нам так кажется. Рядом наши друзья залезают на перекрытия под крышей и прыгают вниз, в душистые сухие травы. Мы тоже вот только-только упали оттуда и совершенно случайно вдруг оказались рядом. Мне шестнадцать лет...

А потом я стала взрослой и Лето закончилось. Точнее, оно превратилось в одно из времен года. Остров ушел под воду, и год стал начинаться как у всех – 1 января. Но остались воспоминания о том сказочном удивительном мире, где мне всегда было хорошо.

И все же Лето не исчезло окончательно. Просто оно повзрослело. Оно стало строже и упорядоченнее, продуманнее и бережливее. Каждая минута имеет свою цену. Все рассчитано по дням и часам. Но остались неподвластные расчету грозы, и запах свежескошенной травы, и

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

пение жаворонка высоко над головой, и цветущий луг, и море, и ветер, и шелест волн. И воспоминания. Как возвращение на остров под названием Лето....

Этот год оказался для всех непредсказуемым и тревожным. Пришлось отказаться от запланированных поездок, носить маски и забыть про театры и музеи. Мир переместился в интернет. Мир наполнил страх. И как-то особенно грустно от того, что все эти события выпали именно на лето. Но рано или поздно все закончится. Пусть даже вместе с летом. И мы снова будем жить новыми планами, надеждами, будем смотреть новые спектакли и посещать новые выставки. И снова будем мечтать об острове под названием Лето, на который мы обязательно вернемся.

P. S. В послесловии хочу напомнить нашим читателям о двух важных датах в мире литературы, выпавших на это лето.

110 лет назад, 21 июня 1910 года, родился Александр Трифонович Твардовский, писатель, поэт, журналист, главный редактор журнала «Новый мир» (1950 – 1954 и 1958 – 1970), культовый автор военного поколения, подполковник. Его перу принадлежат пронзительные и горькие строки о войне; за поэмы «Василий Теркин» и «Дом у дороги» был награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

*Я не слышал разрыва,
Я не видел той вспышки, –
Точно в пропасть с обрыва –
И ни дна ни покрышки.*

*И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей.*

*Я – где корни слепые
Ищут корма во тьме;
Я – где с облачком пыли
Ходит рожь на холме;*

*Я – где крик петушиный
На заре по росе;
Я – где ваши машины
Воздух рвут на шоссе...*

Александр Твардовский. Я убит подо Ржевом

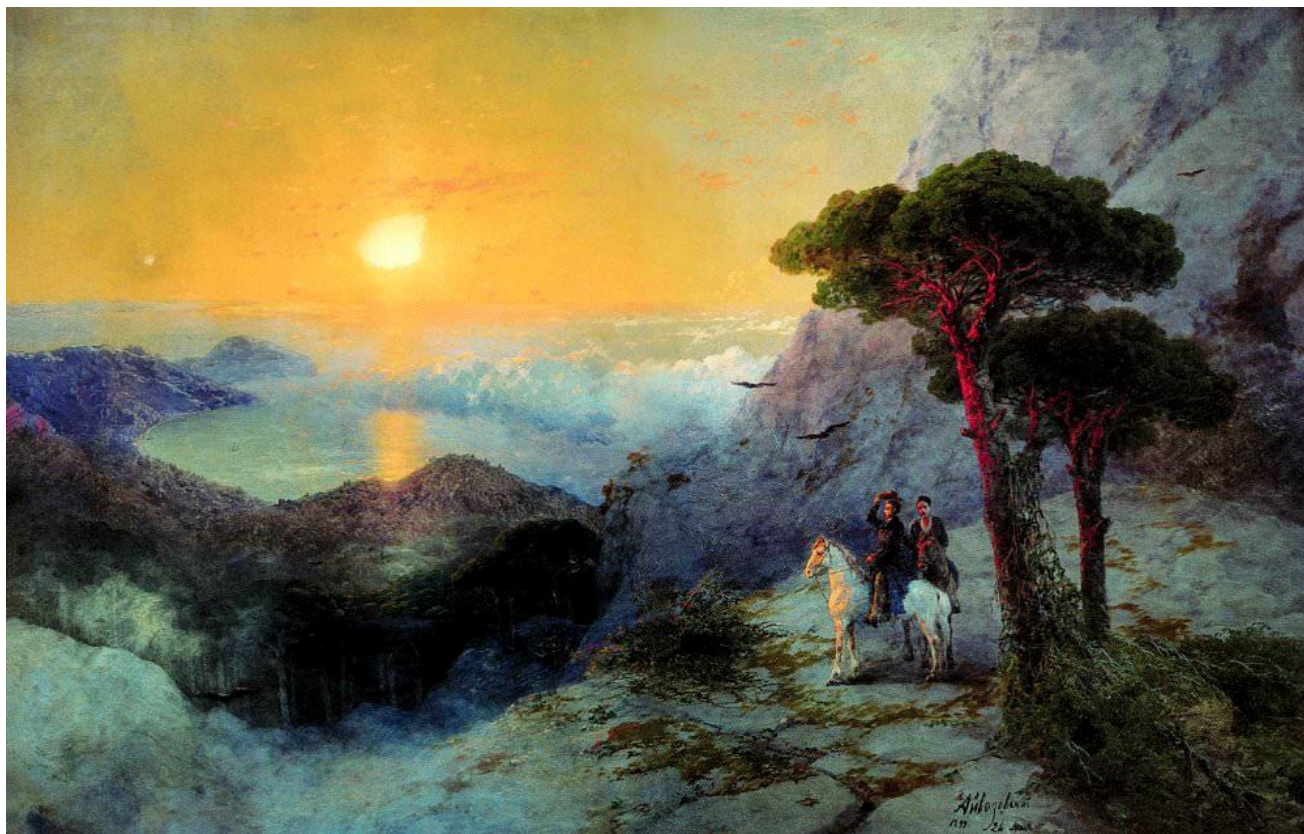
Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

120 лет назад, 29 июля 1900 года, родился французский писатель, поэт, эссеист профессиональный летчик Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери (Antoine Marie Jean-Baptiste Roger vicomte de Saint-Exupéry). Он тоже писал о войне, был награжден Военным крестом Французской республики. Он из тех, кто не вернулся с той страшной войны. Лишь в мае 2000 года ныряльщик и водолаз Люк Ванрель на большой глубине в Средиземном море обнаружил обломки самолета, принадлежавшего де Сент-Экзюпери. Тело пилота найдено не было. И все-таки он улетел к своему Маленькому Принцу...

Смысл не в том, чтобы нажить запасы, сесть и не спеша ими пользоваться, смысл в неостывающих стремлениях, пути и переменях. Путь побежденного, что копит силы под сапогом победителя, удачливее, чем у его хозяина, который потребляет припас вчерашней победы и близится к смерти.

Антуан де Сент-Экзюпери. Цитадель

Ваша Светлана Сударикова

И. К. Айвазовский. А. С. Пушкин на вершине Ай-Петри при восходе солнца. 1899 г.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 110-летию со дня рождения А. Т. Твардовского

МАРИЯ ТВАРДОВСКАЯ. Внуково в жизни Твардовского (из книги «Внуково. "Московский писатель". В тени больших деревьев»)

7

ПРОЗА

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

- В МАЙСКОМ ЛЕСУ

ПЕТР ДУБЕНКО (Самарская обл.)

- ЕДИНЫМ РОСЧЕРКОМ ПЕРА
- У НЕЗНАКОМОГО ПОСЕЛКА

ТАТЬЯНА ПОПОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- НА БОЛОТЕ

МАРИ ВЕГЛИНСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- ИНКВИЗИЦИЯ СОВЕСТИ

ВЛАДИСЛАВ КУРАШ (Варшава, Польша)

- ВОЛК

17

19

22

26

29

34

ИНТЕРВЬЮ

«МОГУ СЫГРАТЬ И ХРИСТА, И ИУДУ, И ПЕТРА ПЕРВОГО...»

АЛЕКСАНДР КОРОТКОВ, АКТЕР, РЕЖИССЕР, СЦЕНАРИСТ.

Беседу ведет Светлана Куликова специально для «МВ»

39

ПОЭЗИЯ

АЛЕКСАНДР ЧЖОУ (Москва)

ЕВГЕНИЙ АГУФ (МОССАЛИТ, Москва)

ЛЮДМИЛА ЧЕБОТАРЕВА (ЛЮЧЕ) (Ноф-ха-Галиль, Израиль)

ОЛЬГА ФЛЯРКОВСКАЯ (Москва)

ИНЕССА ИВАНЦОВА (Москва)

ЛИЛИЯ СЛАТВИЦКАЯ (Владимир)

46

48

50

55

58

61

BazArt

АЛЁНА ГРОШЕВА (Одесса)

- «РАДУГА» ИВАНА АЙВАЗОВСКОГО. К 120-летию со дня смерти И. К. Айвазовского

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- 水墨最為上. ТУШЬ ПРОСТАЯ ВЫШЕ ВСЕГО (Продолжение)

65

83

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- РЕПЛИКА

99

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ЕЛЕНА ГАЛУСТОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ЧАПАЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОК. Альтернативный путеводитель

100

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

АДЕЛА ВАСИЛОИ (Кишинев, Молдова). Сюжетные скороговорки

АЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ (МОССАЛИТ, Балашиха). Стихи

НАТАЛЬЯ АБРАМЦЕВА (Москва)

- ГОЛУБАЯ СКАЗКА

ОЛЬГА ФЛЯРКОВСКАЯ (Москва). Стихи

110

112

114

116

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- СКНЯТИНО. ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШИХ ГОРОДОВ

117

В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. Эшера, И. Айвазовского, И. Бурдонова,
фотографии из семейных и авторских архивов М. Твардовской,
С. Судариковой, Е. Галустовой.

На обложке: И. К. Айвазовский. Вид на Москву. Воробьевы горы. 1848 г.

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

Руководитель проекта Ольга Грушевская

Главный редактор Светлана Сударикова

Редактор-корректор Ирина Чижова

Художественный редактор Ольга Грушевская

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова, Всеволод Круж

«Поэзия» – Евгений Агуф, Ольга Уваркина, Алексей Казарновский

«Культурное наследие» – Светлана Сударикова, Ольга Грушевская

«Частная территория» – Наталья Орлова

«Городской альбом» – Елена Галустова

«VazArt» – Ольга Грушевская

«Записки на манжете» – Ольга Рыбакова, Ирина Чижова

«Детское чтение» – Зинаида Кокорина, Ольга Уваркина

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

К 110-летию со дня рождения А. Т. Твардовского

Мария Твардовская
(Москва)

ВНУКОВО В ЖИЗНИ ТВАРДОВСКОГО

Из книги «Внуково. “Московский писатель”.
В тени больших деревьев»

Мне славы тлен – без интереса
И власти мелочная страсть.
Но мне от утреннего леса
Нужна моя на свете часть;
От уходящей в детство стёжки
В бору пахучей конопли;
От той берёзовой серёжки,
Что майский дождь прильёт в пыли...
Александр Твардовский

Внуковский период А. Т. Твардовского продлился почти пятнадцать лет (с 1946 по 1962 год) и был плодотворным: две поэмы «За далью – даль» и «Тёркин на том свете», много стихов: «Я убит подо Ржевом», «В тот день, когда окончилась война», «Кремль зимней ночью», «Жестокая память», «Снега потемнеют синие» и другие. Твардовский начал работу главным редактором журнала «Новый мир». Здесь, во внуковский период, он пережил первый разгром «Нового мира» в июне 1954 года.

В 1944 году, ещё не демобилизовавшись, приехав с фронта в командировку, Александр Трифонович снял у Сурковых дачу для семьи: жены, Марии Илларионовны, и дочерей, Валентины и Ольги.

*Александр Трифонович с дочерьми,
Ольгой и Валентиной. Середина 1940-х гг.*

*Мария Илларионовна Твардовская.
Начало 1930-х гг.*

Александр Трифонович Твардовский (1910–1971) — поэт, писатель, общественный деятель, главный редактор журнала «Новый мир».

Родился в Смоленской губернии на хуторе Загорье в семье сельского кузнеца. В 1924 году, в год В. И. Ленина, он вопреки воле отца вступил в комсомол. С 1925 года его стихи периодически появляются в местной печати. Одновременно Александр становится и селькором, публикуя заметки о достижениях и неурядицах в деревенской жизни. Отец, Трифон Гордеевич, не одобряет его общественной деятельности. В 1928 году, в стремлении учиться и работать в литературе, Александр Твардовский уезжает в Смоленск, где начинается его самостоятельная трудовая и трудная жизнь. В его отсутствие в 1931 году семья Твардовских была признана кулацкой и выслана на Северный Урал. По анкете поэт стал числиться сыном кулака. В 1935 году он написал поэму «Страна Муравия», в которой смоленские литераторы обнаружили кулацкие тенденции (они и раньше находили их в его стихах). Но при обсуждении в Союзе писателей в Москве поэма Твардовского заслужила самые высокие оценки (в том числе Б. Пастернака, В. Ф. Асмуса, Н. Асеева, М. Голодного, В. Инбер и других видных поэтов и критиков). Поэт переехал в Москву, где продолжил обучение в ИФЛИ, начатое в Смоленском педагогическом институте.

В 1936 году ему удалось вернуть из ссылки семью родителей в Смоленск. По окончании филологического факультета ИФЛИ в 1939 году Твардовский сразу же становится участником военных походов в Западную Белоруссию и Западную Украину. Затем поэт — на войне с Финляндией как фронтовой корреспондент газеты Ленинградского фронта «На страже Родины». Здесь в 1940 году он вступает в ВКП(б). С первых дней Отечественной войны Твардовский — на Юго-Западном фронте как корреспондент газеты «Красная Армия», с июля 1942 года — на Западном, в газете «Красноармейская правда», где начинает печатать поэму «Василий Тёркин». Огромное количество благодарных писем от фронтовиков убеждает его в значимости этой работы, которую он закончил в дни Победы. В послевоенные годы поэт неоднократно избирается депутатом ВС РСФСР. Кандидат в члены ЦКПСС (1961–1966). В 1950–1954, 1957–1970 гг. Твардовский — главный редактор журнала «Новый мир».

А. Т. Твардовский — трижды лауреат Сталинской премии (за поэмы «Страна Муравия», «Василий Тёркин», «Дом у дороги»), Ленинской премии (за поэму «За далью — даль»), Государственной премии (за книгу «Из лирики последних лет»), трёх орденов Отечественной войны I и II степени, Боевого и Трудового Красного Знамени.

В 2013 году на Страстном бульваре А. Т. Твардовскому был открыт памятник. Это знаковое для него место: рядом — редакция журнала «Новый мир», а неподалёку — памятник любимому им А. С. Пушкину.

Литературное наследие Твардовского продолжает разрабатываться. Ежегодно выходят сборники статей и документов по итогам Твардовских чтений в Смоленске. Особое место в наследии занимают дневники, которые он вёл более сорока лет. Дочери поэта Валентина и Ольга подготовили к печати и прокомментировали дневники 1950–1960-х гг. и 1941–1945 гг., а также выпустили ряд публикаций, писем и документов из личного архива Твардовского. Свет увидели издания: «Я в свой ходил атаку... Дневники. Письма. 1941–1945» (2005), «Новомирский дневник» в 2-х томах (2009), «Дневник. 1950–1959» (2013); «О войне. Дневники 1941–1945. Стихи и поэмы» в 2-х томах (2015), «Письма с войны. 1941–1945» (2015). К выпуску готовится новый том дневников Твардовского 1930-х гг., ранее не публиковавшихся.

Помимо новых текстов поэта продолжают переиздаваться его стихи и поэмы.

Поженившись в 1930 году, Александр Трифонович с женой прожили вместе сорок лет, до самой его смерти. Это о ней он написал, что жизнь его не обделила «любовью, что во второй не встретишь раз». В 1944–1945 годы на съёмной даче с ними жили мама Марии Илларионовны — Ирина Евдокимовна, с внуком Вовой, сыном погибшей сестры, которых Александр Трифонович вывез с освобождённой Смоленщины. Внуковские места всем пришлись по душе. Думая о постройке своего дома, прадед остановился на Внукове, отказавшись от Переделкина. В 1946 году М. В. Исаковский получил гектар земли во Внукове. Участок для него, жившего вдвоём с женой, был велик, половину он предложил другу и земляку Твардовскому.

В верхней части участка, граничившей с шоссе, тогда безлюдным, на котором редко можно было встретить машину, рос настоящий лес. Александру Трифоновичу достался склон к пруду, заросший орешником. Этот заброшенный пустырь за несколько лет он превратил в прекрасный смешанный лес. Много сил и времени ушло у прадеда на то, чтобы расчистить место для сада, огорода, для посадки любимых деревьев на этом глинистом спуске к пруду. Он сам корчевал пни и кустарники, сжигал их и золой щедро удобрял каменистую, глинистую почву. Любимейшей работой Александра Трифоновича на участке была косьба.

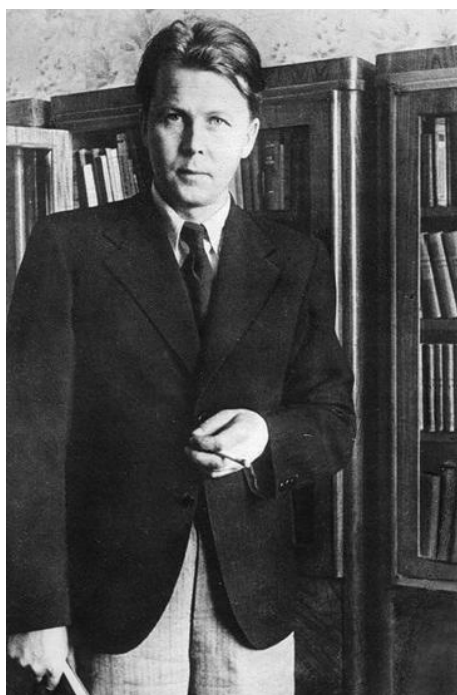

Первый дом А. Т. Твардовского (финский)

Он обожал запах свежего сена. Косил прадед умело («гривенничек был виден»), у него не оставалось на участке заросших уголков. Александр Трифонович приносил из соседнего леса рябинки, ёлочки, черёмуху, на участке росли дубки и единственная липа. Прадед рассчитал строительство основного дома так, чтобы липа оказалась перед окном его кабинета. Ей тогда было, по определению прадеда, сорок лет. Сейчас это липа вековая, как в песне. Выросли и дубы, от которых, как справедливо считают, исходит своя энергетика.

Из строений первым на участке в 1947 году появился типовой финский домик, который Александр Трифонович, как и Исаковский, приобрёл у Литфонда. Дом состоял из двух комнат и кухни: в маленькой комнате был кабинет и спальня поэта, жена Маша с дочками обитали в общей комнате. Отопление было печное, водопровода не было, туалет – во дворе. Пока строился основной дом, семья проживала летом в этой так называемой сторожке.

Прадед начал строительство основного дома по своему замыслу без промедления. При нём дом был одноэтажным, но второй этаж был задуман, это было видно по плоской форме крыши дома. Строительство шло постепенно. Прадед каждый год что-то делал. Так, полы сначала были дощатые, некрашенные, на другой год их красили. Тогда и банку краски с трудом доставали, всё было в дефиците. Сначала появилась незастеклённая терраса, потом сделали две застеклённые.

Александр Трифонович на фоне первого книжного шкафа в квартире на ул. Горького, 15 (ныне Тверская). 1940 г.

Кабинет А. Т. Твардовского на даче (книжный шкаф из Москвы)

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

В кабинете Александра Трифоновича сохраняется обстановка, которая была при его хозяине: письменный стол у окна, тахта (матрас на ножках, покрытый гардиной), рядом с ней столик, на котором находились книга, очки, пепельница. Всю стену справа от письменного стола занимает книжный стеллаж, уставленный его книгами и сделанный по заказу прадеда: от пола до потолка, а высота потолков первого этажа более трёх метров. Здесь среди прочих книг полное собрание сочинений В. И. Ленина (3-е издание с пометками Александра Трифоновича, последнее, 5-е, находилось на квартире), позже появился ещё книжный шкаф, привезённый из квартиры. Прадед не пользовался печатной машинкой, писал от руки. На столе стоял мраморный чернильный прибор, которым он перестал пользоваться с появлением авторучек. На машинке печатала жена, Мария Илларионовна, которая была не только машинисткой, но и его секретарём, курьером, при необходимости медсестрой, но главное – его первым читателем и критиком.

В 1948 году семья уже жила летом в основном доме, хотя его строительство продолжалось. В 1949 году Александр Трифонович на зиму остался в сторожке, начав работу над поэмой «За далью – даль»: во Внукове работать удавалось больше, чем в Москве. Перебираться в большой дом не стал, в сторожке было теплее. Память войны всё ещё не отпускает поэта, переход от военной темы к проблемам послевоенной действительности оказывается для него мучительно трудным, что отразилось во внуковских записях в дневниках на рубеже 40–50-х годов. (Здесь и далее стихотворения приводятся в авторской редакции. – Примеч. составителей.)

«9.IX-57. Третьего дня, закончив отбелку главы, пошёл после обеда в грибы (эта глава вообще – во второй своей части обязана грибам – пойду утречком, наберу корзинку и несколько строф и строк – для очередного присеста), набрал корзиночку, вспоминая отбелённую главу – какие в ней ещё неувязки, недостатки, натяжки, длиннотки и т. п. ...» Той ночью в «Правде» вышла эта «главица» поэмы «За далью – даль» на две трети полосы. Прадед всю ночь провёл в редакции, вычитывая и корректируя главу для печати, вернувшись со свежим номером под утро на дачу к неспавшей и взволнованной жене, Марии Илларионовне.

Дом, построенный по эскизу Александра Трифоновича. Конец 1940-х – 1950-е гг.

На дачной кухне. Конец 1950-х гг.

[...]

Пропал запал. По всем приметам,
Твой тяжкий труд вступил в
права.

Все – звоном, запахом и цветом
Нехороши тебе слова.

Недостоверны мысли, чувства.
Ты смотришь в них – не те, не те.
И все вокруг мертво и пусто,
И тошно в этой пустоте.

Да, дело будто бы за малым,
А хватъ-похватъ – и ни рожна (?)
И здесь беда, что впрямь страшна.
Здесь худо быть больным, усталым,
Здесь горько молодость нужна.

Чтоб не смириться виновато,
Не быть у прошлого в долгу,
Не говорить: я мог когда-то,
А вот уж больше не могу...

Сентябрь 1950 года, Внуково

В сторожке было теплее, чем в ещё не отстроенной до конца даче, которую, с её высокими потолками и просторными комнатами, и натопить было труднее. Семья приезжала к нему на выходные – дочери были школьницами. Иногда ездила и одна Мария Илларионовна. Сам прадед выбирался в Москву нечасто. Ездил на поезде, машины ещё не было, не было и электрички. Впечатления от его «ранних поездов» совсем иные, чем у Пастернака, ездившего в те же послевоенные годы по той же Киевской железной дороге от Переделкина. О своих наблюдениях Александр Трифонович вспоминал в более поздних стихах:

В вагоне пахнет зимним хлебом,
Гремят бидоны на полу,
Сосет мороженое с хлебом
Старуха древняя в углу.
Полным-полно, народ в проходе
Бочком с котомками стоит.
И о лихой морской пехоте
Поет нетрезвый инвалид.

1959 год

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

У Александра Трифоновича в то время наладились связи с ботаническим садом, с академиком Н. В. Цициным, его директором. Оттуда прадед привозил разнообразные саженцы: французскую сирень, которая уже погибла, тую (маленькие саженцы вымахали сейчас до огромного размера), венгерскую сирень, которая ещё цветёт, амурский клён. Прадед завёл большой яблоневый сад. Он регулярно обкапывал и смазывал известью посаженные им яблони, вишни, сливы, обрезал сухие ветви. Весной плодовые деревья стояли с белыми стволами. Сразу же появились ягодники – ряды кустов крыжовника, смородины, грядки клубники. Был и малинник. Любимыми яблоками Александра Трифоновича была антоновка. Обычно в ящик письменного стола он клал несколько яблок – для запаха. Самой красивой считалась яблоня белый налив. В конце лета 1970 года в сильнейшую грозу её с корнем вырвало из земли. Это восприняли в семье как знак беды: Александр Трифонович, всё лето чувствовавший себя плохо, вскоре слёг. На террасе стоит ствол этой яблоньки с корневищем, с обломками ветвей, похожими на обрубленные крылья.

Роза, подаренная Александром Трифоновичем на день рождения жене, растёт на даче по сей день.

Помимо сада был и большой огород. Сажали все овощи, кроме картошки и капусты. Особенно много было огурцов и помидоров: Мария Илларионовна делала замечательные соленья, которые славились среди гостей. Запасов в погребе хватало на всю зиму. Воду для полива носили из пруда: водопровода не было, колонка далеко. Пруд стоял тогда чистейший, прозрачный – он на родниках. Моя бабушка купалась в нём в те далёкие времена до октября, да и я помню, что плавала в нём. Сейчас пруд совсем зарос.

На даче во Внукове постоянно жили собаки. После поездки прадеда в Норвегию появилась овчарка, которую он назвал Норой (именем, связанным с норвежской литературой), очень любил её. После неё был Мазай (тоже овчарка), многолетний житель Внукова. Прадед сооружал скворечники, прикармливал не только птиц, но и белок, которые во множестве здесь обитали. На незастеклённой террасе Александр Трифонович раскладывал орехи, и белки навещали её уже и при нём, почти приручённые.

(Из рассказов моей бабушки, Валентины Александровны Твардовской.)

Мария Илларионовна вела хозяйство, занималась огородом и сажала много цветов, покупая рассаду и получая её от друзей. Любимые цветы Александра Трифоновича – пионы – расцветали всегда ко дню его рождения, 21 июня. Посаженные им, они цветут и ныне, украшая в июне его могилу на Новодевичьем кладбище. Мария Илларионовна особенно любила флоксы. Мы и сейчас стараемся их сохранять, хотя уже не в том изобилии и пестроте расцветок. Прабабушка посадила много роз, но ещё при её жизни жестокий мороз уничтожил весь розарий, кроме одного куста. Он цветёт и по сей день с лета до первого снега. Эта роза – из цветочного горшка, купленного Александром Трифоновичем ко дню её рождения, 28

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

января. Много развела Мария Илларионовна и георгин, хотя они требовали особой заботы: на зиму она их выкапывала, храня корни на кухне.

«3.V.1957

Отдаюсь очередному весеннему запою садовых работ во Внукове, ничего не пишу и не очень об этом беспокоюсь. До чего порой бывает немила и постыла эта дача. Жаль этих лет и сил, посвящённых в значительной степени устройству и переустройству этой обители трудов литературных, каковой она почти не была за все 10 лет, и до чего сладко и необходимо мне это "хозяйство" в период посадок и т. п., т. е. весной и осенью. Чувствую себя как на курорте в лучшем варианте: работа по вкусу, по увлечению, здоровая усталость, хороший сон и аппетит, ровное "травяное" самочувствие...

А тут – нет, не проходит это даром – приложение собственных рук к безнадежному по трудности клочку земли, переплетённому дубовыми, не гниющими корнями, заросшему обгрызенными кустами лещины и пр., где столько сделано, планировано и перепланировано, о чём постороннему и невдогад, даже жена не всё видит и понимает и замечает, что я здесь делаю из года в год. Нынче уже понял, что я не могу не заниматься этими привычными утехами даже в предположении расстаться с этим местом...»

«7.VII-1957.

...Утром, в шестом часу, пошёл искать грибов, но ничего не принёс – всё вытоптано или, вернее, какая-то волна грибная сошла, а для другой нет тепла. Правда, и хожено много, шагу не пройти по немятой траве, не свернуть в прогальчик, где бы уже не было хожено – только что или вчера. Но прогулка была хороша: здесь я дома, хоть и рычит аэродром – где кого-то встречают и провожают со всего света, и строится больница, где уже возводят небольшой корпус морга (ещё никого не лечили, а хоронить уже готовы), – всё же здесь своё. Жаль, что холодновато и всё посикивает дождик».

Прадеду внуковские места нравились, он очень ценил ранние лесные прогулки за грибами. Грибов и ягод-то было тогда множество! Ходил он за грибами с небольшой корзинкой, приносил одни белые, других грибов не брал. «И что ты всё в сыроежках копаешься! Ходи со мной!» – говорил он дочке, моей бабушке.

Александр Трифонович уже с 1951 года был назначен редактором «Нового мира», в то же время был секретарём правления Союза писателей СССР, работа в котором была связана с большим количеством поездок по стране и за рубеж, – это отнимало много времени и сил.

И всё-таки он находил время на дачные дела: садовые и огородные работы были для Александра Трифоновича естественной и неотъемлемой частью жизни на даче. Связь с землей у него – столь же органичная, как связь с природой, с детством, с происхождением. Уже будучи больным, после ухода из «Нового мира», прадед пытался продолжить привычный образ жизни. По записям в дневнике видно, как он рвался к работам в саду, но сил уже для них не хватало.

В то время телефона на даче не было, поэтому к Твардовскому по делам «Нового мира» или других изданий постоянно приезжали курьеры, авторы и друзья. Из новомирцев чаще всего заезжали его заместители: С. С. Смирнов (автор «Брестской крепости»), А. К. Тарасенков и А. Г. Дементьев.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Из писателей, живших в соседних посёлках, Твардовский дружил с А. А. Фадеевым и с Э. Г. Казакевичем, которые жили в Переделкине и Мичуринце соответственно. Фадеев приходил к нему во Внуково пешком со своей дачи. Вся сложность, драматизм этой дружбы и разрыв отразились в дневниках 1950-х годов. В Мичуринце также жила М. И. Алигер, Оля дружила с её дочкой Машей, они тоже часто бывали у нас в гостях.

Между участками Исаковского и Твардовского был низкий полуметровый штакетник, и они ходили друг к другу через внутреннюю калитку. Сосед по Внукову Сурков, как и Твардовский, член секретариата правления СП, за отсутствием телефона нередко приходил, чтобы оповестить об очередном заседании в СП.

Бабушка вспоминала, что новый, 1955-й, год Александр Трифонович и Мария Илларионовна отмечали на даче у Казакевича в Мичуринце.

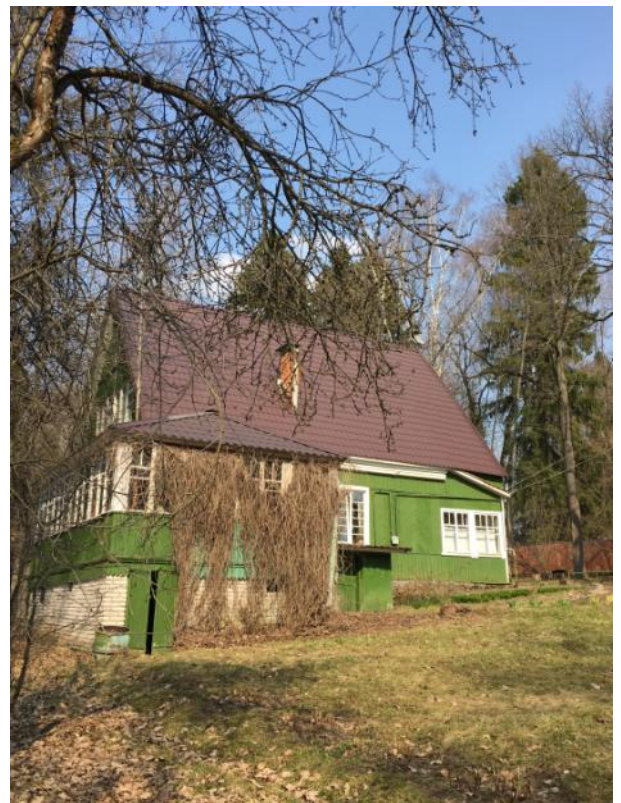
50-летний юбилей Александра Трифоновича отмечали тоже на даче во Внукове. Мария Илларионовна всегда готовила сама, её фирменными блюдами признавались вкуснейшие пироги и жареные грибы, соленья.

Из гостей на юбилее бабушка помнит Исаковских, С. Я. Маршака, Э. Г. Казакевича, В. В. Овечкина, А. Г. Дементьева. Бабушке многие говорили, чтобы она записывала бытовые истории про отца, но она не хотела, считала, что исчезнет естественность общения близких людей.

Вот сейчас, когда возникла идея этой книги, она вспомнила про подарок Александру Трифоновичу от новомирцев А. К. Тарасенкова и С. С. Смирнова – коньячный набор: три рюмки и бутылка – с дружеской надписью: «Пить только с заместителями». Ясное дело, коньяк не сохранился до наших дней. Из других памятных подарков у нас осталось много книг с автографами друзей Александра Трифоновича.

А. Т. Твардовский в берозовой роще. Внуково, начало 1960-х гг.

Дом во Внукове. 2018 г.

Валентина Твардовская, дочь Александра Трифоновича

Твардовский жил с семьёй на даче во Внукове с 1947 по 1962 год. В 1962 году Александр Трифонович с женой и младшей дочкой, Олей, перебрался на Пахру, в новый посёлок писателей и деятелей культуры, где купил дом у известного архитектора Дыховичного, оставив внуковскую дачу старшей дочери, Вале, и её семье. Если бы во Внукове были элементарные удобства: вода, газ, прадед никогда бы не оставил дом, а и дальше всё бы обустроивал.

Александр Трифонович продолжал приезжать во Внуково, особенно часто в первые годы после отъезда. Он любовался своими яблонями, которые в 1964-65 гг., как помнит бабушка, были особенно урожайны. Корзины яблок он отвозил в редакцию «Нового мира». И в 1969 году, перед самым уходом из журнала, прадед часто ездил во Внуково, что видно и по записям в дневнике.

Большую часть последних лет жизни Александр Трифонович провёл на Пахре. Его не стало 18 декабря 1971 года. Я родилась в 1977-м, но застала свою прабабушку. Два года подряд, в 1981-м и 1982-м, мы праздновали Новый год нашей семьёй из четырёх поколений в доме Марии Илларионовны на Пахре. Я запомнила прабабушку красивой сильной женщиной, с её вкуснейшими пирогами; атмосферу дома с камином, огромной живой ёлкой под потолок. Два дома прадеда: во Внукове – деревянный, такой «крестьянский», и на Пахре – каменный, современный. Такие разные, но у них много общего: семья Александра Трифоновича, с её любовью к литературе и искусству, природе, с интересными посетителями и большими библиотеками.

Поколение внуков Твардовского дачу не очень любило. Они видели в ней больше тягот содержания, чем радостей использования. В детстве я приезжала к бабушке с дедушкой на дачу в основном во время летних каникул, особенно когда у меня появилась двоюродная сестра Аня.

С. Я. Маршак и А. Т. Твардовский. 1950-е гг.

В 2003 году уже моя семья заселилась на постоянное проживание в финский домик. У нас родилось двое детей, для которых мы пристроили ещё одну комнату. Всё детство праправнуков Твардовского прошло на даче, где в первые годы, гуляя с коляской до дач Литфонда, я читала им стихи Маршака и Чуковского, даже не осознавая, что оба писателя бывали здесь у прадеда во Внукове. К слову, Александр Трифонович около тридцати лет дружил и много работал с Маршаком, всегда высоко ценил его профессиональное мнение о своих стихах.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

В нашей внуковской жизни продолжают семейные традиции. Сейчас мы каждый год так же собираем грибы, теперь только на участке, так как близлежащие лесочки, которые так любил прадед, либо захламлены мусором и валежником, либо уже тронуты цивилизацией. Мы так же, как и прадед, горюем из-за «наступления города»: просека давно застроена коттеджами, как и поля в посёлке. А я помню, что ещё в моем детстве там паслись козы и коровы и мы покупали в посёлке парное молоко. Тогда, в детстве, в мои обязанности как раз входила доставка молока в трёхлитровом бидоне и – по случаю – перемещение коровьих лепёшек с дороги перед воротами на грядки.

По весне, когда сходит снег и надо собрать граблями листву, чтобы дать свободу новой траве, я всегда представляю себя парикмахером, расчёсывающим прошлогоднюю траву-локоны гигантским гребнем. Дача остается для нас местом силы, где мы – дом а. Пусть уже нет яблоневого сада – так разросся лес и дал много тени, – но мы радуемся и елям, усыпанным шишками, и амурскому клёну-гиганту, который осенью превращается в яркое солнце на синем небе, такая ослепительно жёлтая у него листва! Наслаждаемся цветением тюльпанов, пьянящим запахом чубушника, колокольчиками, пионами, которые обычно цветут на день рождения Александра Трифоновича. Ну и конечно, гордимся нашей красавицей-липой, которая при цветении – как в строках прадеда, написанных во Внукове (хотя и про Приморье):

Как будто дождь медовый выпал
Над этой чудной стороной:
Так густо дух таежной липы
Стоит тягучий и парной...

Все знают Твардовского в основном по его военным поэмам и стихам и как редактора «Нового мира», но у него богатая и очень современная пейзажная лирика, связанная с Внуковым. Он любил эту дачу, но никогда не был дачником в привычном смысле слова. Дача не была для него местом лишь садово-огородных работ. Прадед чувствовал ответственность перед этим куском земли, это была его часть леса, где он заботливо посадил много деревьев, облагородил невзрачный участок, черпая вдохновение в труде. Он был создателем не только в литературе и общественной жизни страны, но и верным сыном Природы, в которой находил отражение всех своих чувств и мыслей, частью которой себя ощущал.

Дача и сейчас остаётся для нашей семьи из четырёх поколений местом семейных и дружеских встреч, местом рождения детей, новых идей и воспоминаний, задорного смеха детей и заразительного смеха бабушки, а также ежегодных садовых работ. Ведь природа имеет свойство возрождаться каждый год, и каждый год надо вновь убирать листву и сухостой, сажать новые цветы и деревья, косить траву и ухаживать за посадками. Хочется верить, что этот жизненный цикл нашей дачи и семьи будет повторяться вновь и вновь, впитывая высокую энергетику этих дорогих сердцу мест.

Обложка одного из изданий дневников
А. Т. Твардовского

ПРОЗА

К 110-летию со дня рождения А. Т. Твардовского

Александр Твардовский

В МАЙСКОМ ЛЕСУ

Отрывок из готовящейся к печати книги «Твардовский А. Т. Дневник. 1930–1939». Публикация и комментарии В. А и О. А. Твардовских.

Запись сделана 25.У.36. в Глотовке (тогда деревне Восточненского района Смоленской области), куда А. Твардовский и М. Исаковский приехали в командировку на кустовые сельские олимпиады Восточненского района и поначалу остановились в родной деревне Михаила Васильевича Исаковского – Глотовке, у его матери, Дарьи Григорьевны. Это была не первая их совместная поездка в Глотовку. Во время войны Глотовка была полностью сожжена. Ныне на месте дома Исаковского – памятный знак; неподалеку, на «высоком берегу крutom» Угры – памятник «Катюше»...

В авторской редакции

Уложили в корзиночку одну половинку поллитра водки и одну половинку поллитра наливки (осталось от обеда), 6 яиц, кусочек копченого сальца, что привезли с собой, хлеба, стопку и сковородку. Перешли поле, углубились в лесок, где есть старое, без единого уцелевшего креста, кладбище (это уже записано у меня), поросшее густым березняком и ельничком. Шли чуть различимой зеленой дорожкой. Заросли местами прорезаны узкими полосками посевов. Здесь вообще когда-то было поле, и теперь его снова постепенно поднимают. Мы продвигались подальше, где лес настоящий. Долго не могли выбрать место, – столько было хороших местечек. Одно у какой-нибудь елочки со вростами в мошок нежными «лапками». Другое – как раз между двух пеньков с отхлупающей берестой - ровно срезанных. В общем, можно было сесть на ходу, где угодно, и было б хорошо. Расположились мы, наконец, на одной прогалинке, – близко были сухие березовые сучья. Граф¹ с трогательной деликатностью уступил мне разведение огня, – он понимал, какое это приятное дело! А я уже разулся, чтоб ноги не тосковали в ботинках и, устроившись по-турецки перед собранным грудком дровишек, зажигал спичку. И вот, когда, наконец, огонек, быстро растаяв, заел пучок мелких, сухих веток, подсунутых в «клетку» из тяжелых,

¹Прозвище, данное Александром Трифоновичем Твардовским Михаилу Васильевичу Исаковскому за врожденный аристократизм этого крестьянского сына, его благовоспитанность и деликатность.

сыроватых (лежалых), березовых кругляшей, и в лицо мне пахло негустым, теплым дымком, какой дает только березовое сушье, у меня в душе все детство перевернулось! Я с жадностью вдыхал этот дым, распознавая в нем запах берестового дегтя, еловой смолки, прошлогодней листвы. Я, может быть, много лет мечтал об этом моменте и теперь, в полную меру, сознательно наслаждался всем и запоминал все, все, чтобы потом записать, закрепить, сохранить навсегда. Граф грустно и скромно наламывал мелкие палочки валежника, сидя чуть подале от костра. Он как-бы присутствовал при моей встрече с каким-то близким и дорогим мне человеком, и сам не чужой, дорогой мне человек, уступал, оставлял нас на самые интимные минуты одних. А, может, и вернее даже, что у него в это время происходила своя встреча. Наша хорошая дружба, накрепко сложившаяся уже во взрослые годы нашей жизни, отступала на миг перед чем-то другим, что имел каждый из нас на сердце от детства, от юности... Потом я делал чепелу² из свежей березовой палки, вилки из веточек березы, заостренных и очищенных от коры, жарил сало и бил о край сковородки яйца и потом устанавливал шипящую сковородку прямо на землю, на мошок и сухую редкую траву, какая всегда бывает в березняке, – и все так, как это мне приходилось делать не ближе, чем лет пятнадцать-двенадцать назад.

Пиджак мой висел на березке, пригибая ее к земле. Выпивали, разговаривали, но из того, что говорили, помню только хорошо, что я говорил о том, что, вот, мол, как это странновато представить себе, что эта полянка зимой, место, где мы сидим, будет завейна снегом, и когда-нибудь ночью, когда мы будем где-нибудь в Москве, где-нибудь в фойе театра или в каком-нибудь ресторане, или за своей обычной работой в своих комнатах в Москве и Смоленске – на это наше место, может быть, забредет какой-нибудь глупый волк и оставит свою заметку, как говорит Пришвин.

Потом мы положили в огонь бутылку от наливки и поворачивали ее, пороли прутиком, наблюдая, как обгорает этикетка, прогибается стекло, и как оно на угольях кажется алым. Водочную бутылку решили не жечь, чтоб не огорчать Графа.

Мы дождались у огонька сумерек и возвращались каким-то другим путем – лугами, и пели «Ружу», «Распрягайте, хлопцы, кони» и еще что-то. А «Не вижу синих небес, белых берез» – прошлогодняя наша напевка, как и в предыдущий вечер (ходили «под Громшу»³), гудели тучи майских жуков под полной, но свежей, майской листвой березняка), как-то не пелась. «Неповторимость, неповторимость».

² Крюк на деревянном черенке для перемещения сковороды на костре.

³ Деревня Восточенского района.

ПРОЗА

Петр Дубенко

(Самарская обл.)

ЕДИНЫМ РОСЧЕРКОМ ПЕРА

Большие напольные часы в корпусе из красного дерева гулко ухнули одиноким ударом, который отозвался басовитым эхом в полумраке просторной гостиной. Бросив беглый взгляд на циферблат, действительный тайный советник Иван Александрович Заборовский в шестой раз за последние полчаса подошел к ростовому зеркалу и придирчиво осмотрел отраженного в нем двойника. Недовольно поморщился, с раздражением поправил шейный платок с кружевной оторочкой, но в итоге все равно остался недоволен – уже три года как он сменил военную форму на гражданское платье, а любой гражданский наряд смотрелся на нем как седло на корове.

С тихим сокрушенным вздохом Заборовский отошел от зеркала и остановился у стола, на котором негде было яблоку упасть. Обильное угощение обошлось недешево. Но Иван Александрович о потраченных деньгах не жалел, ибо через двадцать... нет, уже через десять минут он – русский посол во Флоренции – должен встречать известных на все Средиземное море греческих корсаров Ламбро Качиони, насчет которых письмо из Петербурга гласило недвусмысленно: любой ценой убедить начать войну против турецкого султана.

Заборовский нервничал. Пожалуй, в самые опасные минуты своей военной жизни не испытывал он такого волнения. Даже под Шумлой, когда на его авангард из пяти батальонов неслась орда в пятнадцать тысяч янычар, не чувствовал бригадный генерал Заборовский нервной дрожи в коленях и предательской слабости рук, одолевших его теперь, посреди тишины и спокойствия. Оно и понятно. Волею судеб он оказался на другой войне, победа в которой добывалась не в пороховом дыму под оглушительный рокот орудий, а за обеденным столом, под звон бокалов и стук серебряных приборов. И сегодня его ожидала первая битва в этой войне.

Заборовский отошел к окну и, прикрыв глаза, помогая себе жестами, начал в очередной раз повторять заготовленную речь. Однако не успел он закончить с пышным приветствием, как в гостиную плывущей балетной походкой вошел секретарь Синегубов: невысокий, узкоплечий от природы, он выглядел еще мельче и тщедушнее в тесном облегающем камзоле и чулках в облипочку на ногах-спичках, а пышный парик в три ряда завитых буклей, из-за которых голова смотрелась неестественно большой, лишь усугублял первое впечатление.

– Что? Уже? – взволнованно спросил Иван Александрович.

– Что – уже? – секретарь остановился и в удивлении вскинул брови. – А-а-а, паз анкор. Гости еще не явились. Да вы переживайте, Иван Александрович, у людей этой категории не в чести приходить вовремя.

– Так пошто тревога?!

– Тревога, простите? А-а-ах, да, понимаю. Военный жаргю. Трудно избавиться? Понимаю.

Заборовского передернуло от снисходительной улыбки секретаря.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

– *Онорэ* Иван Александрович, – Синегубов достал из-под мышки большую папку. – На нашу миссию возложены и другие задачи. Можно, *бьен сюр*, назвать их повседневными, но оттого они не становятся менее *апорто*. Им тоже нужно уделять внимание. Приходится.

– Что, обязательно прямо сейчас?

– Понимаю вашу досаду. Но *ля ферэт*, нарочный с диппочтой в Петербург отправляется через час, и нам необходимо отправить с ним несколько бумаг, которые требуют вашей *синьятюр*. И поскольку предстоящий *конверасьё* вполне может продлиться несколько дольше... А следующая *окказьён* будет только через месяц...

– Ладно, ладно, давай. – Заборовский раздраженно махнул рукой и машисто, чеканя каждый шаг, прошел в угол гостиной, где рядом с огромным, обитым кожей диваном притаился маленький письменный столик. – Ну, чего ковыряешься?

– *Бьен сюр*, это не займет много времени. Так, начнем с этого. О тратах миссии за минувший *ля муа*. Вот здесь подпишите. Так-с. – Иван Александрович торопливо выводил внизу каждого листа размашистый вензель. Секретарь бережно принимал подписанный документ и торопливо протягивал следующий. – *Ля рапóрт* о встречах с посланниками других стран. Ага. *Ля лист* волонтеров, завербованных за последний *ля муа*. Вот и все. Осталась одна незначительная *па-апье*. Даже стыдно вас беспокоить такой *эн пти*. Но решить этот вопрос без вашего участия никак не получается. Я вообще не хотел вам об этом сообщать и пытался...

– Что там?

– *Тю вуа*. Один французский офицер подал прошение и настойчиво требует, чтобы оно было рассмотрено на самом высоком уровне. Наглый, настырный тип. *Э пропромон парле*, меня предупреждали о его несносном характере, но я и подумать не мог, что весь этот *комеди-и* зайдет так далеко. Этот наглец меня осаждает и говорит, что не успокоится, пока не получит ответ лично от вас.

– И чего хочет?

Синегубов картинно закатил глаза.

– *О мон дьё*. Требует, чтобы ему сделали исключение и приняли в русскую армию в том же чине, без понижения.

– Не понял. Что за понижение? – спросил Заборовский, мельком глянув на часы, на которых было уже без трех минут назначенное время.

– *Компрене*, вы еще не успели вникнуть во все дела, но, по особому указу ее величества, французских офицеров, что изъявили желание поступить к нам на службу, велено принимать на два чина ниже от того, в котором они служили во Франции. После того как толпа казнила их короля, они побежали из страны в таком числе, что нашей армии столько просто не нужно. *Он утрэ*, вопрос денег имеет последнее значение. Ха-ха, *мон дьё*, для этого придется продать все лапти в России.

– И что французы? Соглашаются? – Перебил Заборовский.

– *Бьен сюр*, куда же им деваться? За последнее время, если не брать в расчет всякий *эн пти*, три полковника и даже один *женераль*. Вот такие люди смирили гордыню. А этот... Я уже не знаю, что еще ему *парле ву*. Но мои доводы не убеждают его в бесполезности задуманного *аффэр*. Он продолжает настаивать. При этом его поведение абсолютно не тождественно нормальному. *Прэзанте*, он даже пробовал меня побить, когда я...

– Побить? – Заборовский искренне хохотнул и, представив, как настойчивый офицер лупит Синегубова, осознал, что симпатизирует безымянному французу и даже немного ему завидует.

Но тут же приятная сердцу картина сменилась другой: Синегубов вручает французу подписанный им, Заборовским, отказ. Фантазия живо нарисовала секретаря, его довольную

рожу, презрительную улыбку и победный насмешливый взгляд, под которым гордый боевой офицер теряет осанку, бессильно роняет руки и опускает голову.

– Где прошение?

Синегубов хмыкнул.

– *Жамэ дё ля ви*, Иван Александрович. Сей опус не достоин и минуты вашего внимания. *Оттон плю* не стоит отвлекаться на него в такой момент. Перед столь ответственной *конверсасьё*. Текст отказа я уже составил. Вам нужно только подписать.

Заборовский даже не взглянул на документ, который секретарь положил перед ним:

– Прощение! – спокойно, но настойчиво повторил он.

Улыбка исчезла с лица Синегубова:

– Хм, *конфье муа*, Иван Александрович...

На этот раз Заборовский перебил его требовательным жестом. Синегубов растерянно пожал плечами и достал из папки небольшой листок серой шершавой бумаги, мятый, с загнутыми углами и неровно сложенный пополам. Заборовский нетерпеливо выхватил его из рук секретаря, развернул и побежал глазами по тексту, иногда шепча себе под нос:

– Ага. Ага. Артиллерист. Капитан. Наполеон Бонапарт. Понятно.

Заборовский положил прошение на стол и потянулся к перу. Секретарь замычал, пытаясь возразить, но не находил для этого слов – только междометия, и при виде его смятения Заборовский злорадно улыбнулся. Наконец-то они поменялись местами. Весь последний месяц этот напыщенный индюк заставлял посла ощущать себя полной никчемностью. Заставлял взглядом, полным снисходительного превосходства; речами, которых Заборовский часто не понимал; и даже просто одним присутствием, когда на фоне его модных нарядов действительный тайный советник выглядел деревенским увальнем. Но теперь он поквитается. И пусть завтра из Петербурга в него жажнут картечью за самовольство, пусть даже отзовут со службы и отправят коротать остатки дней в глухой деревне. Пусть. Но прямо здесь и сейчас он все-таки щелкнет по носу эту чернильную крысу.

Заборовский решительно обмакнул в чернила перо, но, уже поднеся его к бумаге, заметил на острие небольшой сгусток. Он замешкался в поисках промокашки, и в этот короткий миг все вокруг застыло, замерло, затаило дыхание в надежде на то, что длинную череду кровавых событий, в которых очень скоро на целых двадцать лет погрязнет вся Европа, прямо сейчас отменят одним легким росчерком пера. Но уже спустя мгновение сотни тысяч шестеренок разного калибра сдвинули колесо истории с места и оно завертелось как прежде.

Пока Заборовский пытался выудить из коробочки промокашку, в гостиную вошел лакей:

– Сеньор Ламбардо Качиони с друзьями! – громко объявил он, и, побледнев от волнения, Иван Александрович отложил перо, так и не подписав прошение неизвестного артиллериста французской армии Наполеона Бонапарта.

– Потом напомним, – строго наказал он Синегубову, поднимаясь из-за стола.

Секретарь с подобострастным поклоном принял листок. Заборовский поспешил навстречу гостям и, глядя ему вслед, Синегубов язвительно хмыкнул:

– Да-да, ваше превосходительство, обязательно напомним, – тихо прошипел он, с хрустом комкая бумагу.

У НЕЗНАКОМОГО ПОСЕЛКА

Солдатам, в мирное время не вернувшимся с войны

Это все, что останется после меня...

Рапорт

В прошедшие сутки вверенный мне 145-й отдельный саперный батальон вел работы по разминированию окрестностей города Туггурт. Работы проводились по утвержденному плану, внештатных ситуаций не было.

Сидя в полевой палатке за походным канцелярским столом из нержавеющей стали, майор Стрельников пробежал взглядом уже въевшийся в память текст и отправил стандартный листок А4 в папку, где лежало два десятка рапортов, написанных будто под копирку, только с разными датами. В другую точно такую же папку легли доклады ротных командиров – их отличали разве что подписи. Убрав документы в верхний выдвижной ящик, Стрельников достал из нижнего фляжку. Решительно свинтил крышку, но, едва ощутил запах слегка разбавленного спирта, замер в сомнении: не рановато ли. Посмотрел на маленькие часы цвета хаки с заводской надписью: «Слава защитникам Отечества» на циферблате и гравировкой: «Отличнику боевой и политической подготовки» поверх стекла. Посмотрел по привычке – забитый африканской пылью механизм уже несколько лет как пришел в негодность, и майор до сих пор не выбросил эти часы лишь потому, что дорожил ими как памятью. Немного подумав, Стрельников уже потянулся было к фляжечной крышке, но в этот момент портативная рация на столе громко щелкнула и зашипела. Сквозь треск послышался клокочущий разговор двух полевых командиров правительственных войск, и Стрельников, раздраженно шикнув, сделал два больших глотка прямо из горла. Морщась и хрипя, уткнулся носом в кулак, подождал, пока восстановится сбитое дыхание, убрал флягу в стол и вышел из палатки.

Часовой на входе лениво козырнул, Стрельников, не отвечая, прошел мимо и остановился у невысокого флагштока, на верхушке которого порывистый ветер трепал красное полотнище. Отсюда лагерь, придавленный к однообразно рыжей равнине бесцветным небом, лежал как на ладони. Вдали из тумана серо-песочной пыли проступали ряды солдатских палаток. Слева дымила топками кухня. Справа солдаты, готовясь к разводу, стекались в прямоугольники взводных колонн. А в самом центре, на обнесенном тремя рядами «колючки» гектаре, кипела стройка: еще не законченный фундамент поднимался из земли неровным многоугольником сложной формы, а наметки будущих стен тянулись вверх под немислимым углом. Сколько ни смотрел Стрельников на этот необычный объект, как ни пытался по его очертаниям догадаться о назначении еще не возведенного здания – ничего на ум не приходило.

– Товарищ майор! – раздался звонкий, по-юношески ломкий голос, и перед Стрельниковым возник срочник: поля форменной панамы с боков загнуты вверх, как у ковбойской шляпы; рукава светло-желтого кителя в белесых разводах пота не по уставу закатаны до локтей; вместо положенных кирзачей старые кроссовки, на которых бантик шнурков тщательно упрятан под истрепанный язык. – Сержант Ибрагимов прибыл по вашему приказанию.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

– Вольно, – вяло кивнул Стрельников. День только начинался, а он уже чувствовал себя разбитым, словно совершил суточный марш-бросок по раскаленной пустыне. Тяжело вздохнув, майор достал из кармана мятый вскрытый конверт. – Держи. Вчера со спецпочтой пришло.

Смуглое лицо сержанта дрогнуло легкой улыбкой. Он взял письмо обеими руками, будто боялся, что ветер вырвет его из пальцев, и, забыв о командире, стал доставать из конверта мелко исписанный тетрадный листок в клеточку.

– Отставить, Равшан, – мягко скомандовал Стрельников, обращаясь к подчиненному по имени. – После прочтешь. Сейчас дело. Километрах в двадцати речушка есть. Здесь на ней вся ирригация завязана. А выше по течению повстанцы, когда отступали, дамбу насыпали. Теперь у этих посева гибнут, а для них это – сам понимаешь... Дамба-то, конечно, пустяк. Они бы ее давно разобрали, да мин боятся. В общем, сейчас на КПП вас чинарь из местных ждет с машиной. Возьми пару ребят из взвода и... Задача ясна?

– Так точно. Разрешите выполнять?

Ибрагимов вытянулся в струнку, развернулся на пятках, отчеканил строевым шагом несколько метров, после чего резко сорвался в бег, на ходу доставая из кармана письмо. С завистью глядя ему вслед, Стрельников обреченно вздохнул и побрел в палатку. За фляжкой.

Он остановился у края пашни. Под ногами на дне небольшого арыка весело журчала вода, по сине-зеленой глади меж солнечных бликов скользили жуки-водомерки. Справа и слева, обозначая границы соседских наделов, тянулись цепи фруктовых деревьев, и над их кронами в белом цвете весны лилась многоголосая щебечущая песня. Он положил ладонь на землю, тихо сказал: «Салам», и пашня ответила гудением плодородного недр. Поле узнало его, словно сотней рук потянулось к нему рядами влажных борозд, приветливо зашептало листвой молодых побегов, и он улыбнулся, в мыслях здороваясь с каждым из них.

Порыв горячего ветра ударил в лицо колкой дробью песчинок. Равшан открыл глаза. Перед ним расстилалось пустое, добела обожженное поле, над которым клубились пыльные тучи. Багровым шаром в зените пустого неба висело солнце. Земля дышала зноем, и незнакомый поселок из двух десятков глинобитных домов с плоскими крышами плавился в мареве раскаленного воздуха. По краю поля почти прямой ровной линией тянулось сухое русло. Его берега разделяло не больше двадцати шагов. Вдоль крутых обрывов узкой полоской стоял частокол из хилых камышинок. Дно устилали длинные пряди ила, в темно-зеленой гуще которых белели скелеты рыб. На редких островках темно-красную глину в пучках чахлой желтой травы изрезали страшные шрамы огромных трещин.

Метрах в сорока от того места, где стоял Ибрагимов, поперек русла зловещей машиной чернела свежая насыпь. Ее края с обеих сторон на десяток метров выходили за берега, высокий гребень неровным зазубренным лезвием подпирал небо, а у подножия толпились люди. Худые и черные, как истлевшие лучины, согбенные, в златанных одеждах, настолько выцветших и полинялых, что не угадать прежний цвет, они в полном молчании с надеждой смотрели на иноземных саперов.

– Хо'sh, nima yaxshi⁴, – вздохнул Ибрагимов и в два прыжка поднялся по небольшому крутому склону к дороге.

⁴ Ну что ж (узб.).

Наезженный проселок узкой оранжевой лентой петлял вдоль реки, то приближаясь к берегу, проползая по самому краю обрыва, то отдаляясь от русла в объезд пригорка или оврага. У дамбы прямо посреди дороги стоял старый пикап с обшарпанным боком и рваной пробоиной от осколка на водительской двери. Из его открытого кузова торчали три удлинённые штанги миноискателей, рядом виднелись ранцы с аккумуляторами. А чуть поодаль от машины в оранжевом тумане поднятой пыли металась три фигуры. Ефрейтор Самойлов замысловатым движением ног перекатывал по земле пучок рыжей травы с большим сухим комком на корнях. Перед ним, пытаясь достать необычный мяч, странный танец исполнял рядовой Быковец. За его спиной, шагах в десяти, рядовой Радченко между двух рюкзаков с сухим пайком замер в полуприседе с широко разведенными руками.

– Нападающий пытается пройти по левому флагу, но защитники начеку! – комментировал Радченко, перемещаясь от одной штанги к другой. – До конца матча остаются считанные минуты. Удастся ли...

В этот момент Самойлов носком сапога ловко подкинул пучок травы и на лету с замахом пнул его в направлении ворот. Мелкие камушки высохшей глины шрапнелью разлетелись в разные стороны, а сам мяч, вильнув по немыслимой траектории, проскочил над ногой вратаря, который замер в смешной раскоряченной позе. Радченко с сокрушенным стоном схватился за голову и сел в дорожную пыль. Быковец с коротким «Вот ведь...» в отчаянии всплеснул руками, а Самойлов с неистовым криком «Го-о-о-о-л!» закружился в победном танце.

– Видал, как я их? – с неподдельной гордостью обратился он к Ибрагимову.

– Балбесы, – ответил тот с добродушной улыбкой. – Вы солдаты или где? Всё, кончай дурью маяться. Строиться. Значит, так! Хохол остается здесь. Следишь за обстановкой. Смотри в оба. Остальные – цепью с дистанцией три метра. При обнаружении всё по стандартной схеме. Всё, давайте.

Ибрагимов подошел к пикапу, достал из кузова ранец и привычным движением забросил его за спину. Надел наушники камуфляжной расцветки, специальной шпилькой закрепил на ремне провода и, положив на плечо штангу миноискателя, зашагал к крутому кособогу дамбы.

Через несколько часов он спустился с нее и, пройдя мимо восьми противопехотных мин с кусками грязи на корпусе, остановился у арыка. Между трещин сухого дна и сплетений мертвых корней уже ползли первые мутные струи. Поначалу редкие и несмелые, они на глазах набирали силу и сливались в единый журчащий поток, который подхватывал мусор, старые листья, травинки и легко уносил все это вдоль по канаве. Равшан улыбнулся. Радостно и устало. Мокрой от пота панамой вытер лицо и, нагнувшись, чтобы умыться, ненадолго исчез из прицела снайпера. Но уже через мгновение снова в нем появился.

Рапорт

В прошедшие сутки вверенный мне 145-й отдельный саперный батальон вел работы по разминированию окрестностей города Туггурт. Работы проводились по утвержденному плану. В связи с потерями личный состав батальона нуждается в пополнении.

Майор Стрельников отложил написанный рапорт и, чтобы сквозняк не унес его, сверху поставил часы. От короткой встряски секундная стрелка вроде бы двинулась, но через пару делений остановилась как раз в том месте, где надпись: «Слава защитникам Отечества» пересекалась с гравировкой: «Отличнику боевой и политической подготовки». Стрельников нахмурился, нервно дернул щекой и отвернулся. На столе перед майором лежало письмо. То

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

самое, что утром он передал Ибрагимову. Тетрадный листок, неровно сложенный вчетверо, по надорванной стороне был красным, и синие рукописные строчки расплылись продолговатым пятном. Письмо было на узбекском, и Стрельников удивлялся тому, как те же самые буквы, которыми он писал рапорты и донесения, сплетались в незнакомые слова, непонятные предложения. Майор считался полиглотом – он владел английским и немецким, со словарем читал на французском и даже знал несколько стандартных фраз по-испански. Он мог переводить документы противника и вести переговоры с союзником – все было под силу майору Стрельникову, но прочитать письмо от матери своего солдата отличник боевой и политической не мог.

Стрельников аккуратно вложил письмо в конверт и опустил его в небольшой металлический ящик с личными вещами Ибрагимова. Захлопнув крышку с красным инвентарным номером, майор достал из выдвижного ящика уже почти пустую фляжку и поспешил на улицу – оставаться в палатке он больше не мог.

На улице стоял полный штиль, на завтра не предвещавший ничего хорошего, и красное полотнище безвольно висело на верхушке ржавого флагштока. Лагерь казался вымершим. Даже на стройплощадке, прежде всегда суетливо-шумной, теперь царило спокойствие: утром от геологов пришло заключение о непригодности грунта, работы тут же свернули, элитный стройотряд собрал оборудование и отбыл в неизвестном направлении. Неоконченный фундамент, недостроенные стены, а вокруг кучи дробленого камня, битого кирпича, искривленных, покалеченных гвоздей, до которых теперь никому не было дела – вот и все, что осталось от грандиозного замысла невиданной ранее стройки.

Быстро темнело. Уже не виднелись ряды солдатских палаток, исчез, словно провалился в чужую землю, незаконченный объект, растворились в темноте, будто не было их, ряды колючей проволоки. Все пожирал наступавший с востока сумрак. Лишь освобожденная погибшим сержантом река, в холодном мраке ночи сверкая серебряной нитью, несла на сухие поля долгожданную жизнь.

И. К. Айвазовский. Лунная ночь. 1849 г.

ПРОЗА

Татьяна Попова

(МОССАЛИТ, Москва)

НА БОЛОТЕ

– Всё. Ни шагу больше не сделаю! – Федька опустил на траву у хилого деревца, отбросил в сторону пустую корзину и зверем зыркнул на Саню. – Куда ты нас завел? В пустое болото? А хвастал, что клюквенное место знаешь. И как нам отсюда выбираться?

Больше всего на свете Сане хотелось как следует стукнуть младшего брата. Младшего! Всего на год и младше, одиннадцать лет мужику, а до сих пор все в маленьких ходит. Всю жизнь на Санькиной шее сидит, всю жизнь Санька за него работать должен.

Дед давно объяснил старшему внуку, почему и мать, и бабка к Федьке неровно дышат. Все дети в семье: и Саня, старший, и Настя, даже близнята Степка с Дуняшей – появлялись на свет настоящими богатырями – крупными, горластыми, бойкими. А Федька родился мелким, болезненным. Бабки деревенские шептали – не жилец, мол. Знахарь Спиридон, поглядев на тщедушного мальчика, сказал отцу: «Ничего, старший сын, Александр, здоров, да и еще дети у вас будут».

Но Федька помирать не собирался. Ревел днями и ночами, никому в избе спать не давал. Мать с бабкой над ним тряслись, пылинки сдували. Вот и вырос ябеда, трус и лентяй. Давно уж на заморыша не похож, ростом не ниже Саньки, а все лучшие кусочки – ему, хоть теперь полон дом младших.

И все-таки Саня сдержался, не отвесил братцу оплеуху. Хотя самое время – теперь-то не побежит Федька жаловаться, некуда бежать. Но не было сил на разборки. Да и, честно сказать, прав Федор. Клюквы не набрали. И с дороги правда сбились: болото гиблое кругом островка. А солнце уже ярко-красным яблоком опускалось за деревья оставшегося позади леса. Скоро стемнеет...

Десятилетняя Настя пристроила рядом с развалившимся на траве Федькой падающих с ног от усталости Дуняшу и Степу. Достала из корзинки баклажку, напоила близнят, попила сама.

– Сань, присядь, в ногах правды нет. – В Настиним голосе отчетливо слышались интонации бабки Пелагеи. – Попей. Воды мало осталось, но это ничего, найдем родник-то. А как отдохнешь, пойдете с Федором дорогу искать. За клюквой завтра ходим, куда она денется, клюква.

– Не стану я по болоту шляться, – подал голос Федька, – сам завел, сам пусть и выводит. А не выведет, батька ему голову отвернет.

Саня смолчал. Глотнул теплую невкусную воду, встал, поднял жердь. В который раз похвалил сам себя за то, что пару часов назад, заметив подозрительную ненадежность влажной тропинки, догадался настругать для всех столь необходимых на болоте жердин. Кинул прощальный взгляд на Настю и малышей и пошел, нащупывая тропинку, по болоту.

Когда тонкий силуэт старшего брата истаял в подступивших сумерках, Федьке стало по-настоящему страшно. Он вспомнил рассказы про кикимор, про лешего, про души тех, кто

замерз в лесу или сгинул в болоте. Правда, отец и дед смеялись над бабьими суевериями, а бабы – мать и бабка Пелагея – и вовсе почитали грехом веру в леших и домовых, гадания и заговоры. «Богу молись, – говорила бабка, – никакая чертовщина в голову не полезет».

Федька принялся шептать пересохшими от страха губами «Отче наш». Но до конца дочитать не успел. Жалобно и горько закричала какая-то птица. Птица ли? Вздогнул во сне Степка, проснулась и всхлипнула Дуняша. Настя вскочила на ноги.

– Саня! – Крикнув, Настя замолчала, дожидаясь ответа. Не дождалась, всхлипнула, повернулась к Федьке. – Это Саня кричал! Наверное, в трясину провалился. Нужно идти, спасать!

– Куда идти-то, – пробормотал, отводя глаза, Федька, – темно уже. Сами пропадем. Санька ловкий, выкарабкается.

Настя хотела обрушить на Федьку поток возмущенных слов, но говорить не смогла, расплакалась. Схватила жердь, крикнула близнятам: «С места не сходите!» Не глянув на Федьку, пошла туда, где полчаса назад пропал старший брат.

Близнята тихо, как щенки, скулили. Федька закрыл глаза, прижал к ушам ладони. Так лучше. Ничего не видеть, ничего не слышать. Кончится же когда-то эта еще не начавшаяся ночь. Их найдут. Знамо дело, найдут. Отец и дед наверняка ищут их, идут сюда, к болоту. Дурак Санька, не дождался помощи, теперь тонет в трясине. И Настю туда заманил.

Как могут видеть глаза, если они закрыты? Федькины видели. Черную воду, только белое пятно посередине – Санькина голова. Вот к пятну тянется едва различимая в сумерках жердь. Это Настя пытается помочь брату. Ухватилась тонкими, но сильными, привыкшими к труду руками за один конец жерди, присела, вытянулась струной. Оступилась, и вот уже соскальзывает в темноту...

Федька открыл глаза. А как будто не открывал: та же тьма. Только Санька и Настя исчезли, и то хорошо. Через минуту он уже мог разглядеть близнят – то ли притаившихся, то ли опять заснувших, – деревце. И звезду. Единственную звезду на безлунном небе.

Федька почувствовал холод. Холод или одинокая звезда напомнили ему о прошлом Рождестве? Тогда Санька смастерил звезду для колядок. Выпросил у отца доску, старательно выпилил звезду, обклеил цветной бумагой. Федька разноцветно-праздничную бумагу впервые увидел, так и не дознался, где старший брат раздобыл невиданное сокровище. Но одно знал точно: никогда и ни у кого в их деревне не было такой красивой звезды!

Колядовать отправились ватагой: Федька, Настя, близнята, друзья-товарищи тянулись за Санькой и звездой. Обошли уже полдеревни, когда Санька, проходя мимо колодца, поскользнулся и чуть не упал. Федька, со страхом – вдруг сломается – и надеждой – вдруг удастся хоть миг подержать самому, – протянул руки к падающей звезде. Но Санька, ловкий, черт, выровнялся, не упал, и звезду не выронил. Разочарованный Федька поймал понимающий взгляд Насти. Она подбежала к Сане, потянула его за рукав, что-то шепнула на ухо. Санька досадливо отмахнулся, но Настя не отставала. Тогда старший брат повернулся к младшему и протянул ему шест со звездой: «Руки заледенели, понеси пока ты». И Федька нес звезду до ближайшей избы, и она сияла над головами ребят, протягивая лучи к небесным сестрам...

Федька встал, отыскал в темноте жердь. Растолкал близнят: «Слыхали, что Настя велела? Сидите тут, пока не вернемся».

Он шел очень медленно, тщательно нащупывая жердью безопасный путь. Страх куда-то исчез, в работу включился разум. Федька остановился и, набрав в грудь побольше воздуха, закричал: «Санька! Настя! Где вы?» Еще не успело затихнуть эхо, как откликнулась Настя: «Федя! Мы тут, тут!»

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Утром Федор собрался идти за помощью. До островка они с Настей подвернувшего ногу Саньку ночью дотащили, но через болото с такой обузой да с близнятами идти нельзя. Саня велел Насте отдать Федору оставшуюся воду. Но Федька не прошел и десятка метров, как утреннюю тишину разорвал выстрел.

– Батя! Это батя нас нашел! Мы тут! – заорали близнецы. Санькин голос перекрыл вопли малышей, Настя, утирая хлынувшие слезы, звала деда и отца. Федька вернулся на островок, бросил на траву жердь и посмотрел в небо. Туда, где ночью светила одна-единственная звезда.

И. К. Айвазовский. Караван в оазисе. Египет. 1871 г.

ПРОЗА

Мари Веглинская

(МОССАЛИТ, Москва)

ИНКВИЗИЦИЯ СОВЕСТИ

Лёлька не сомневалась, что пропажу не заметят, а если и заметят, то на нее не подумают. Скорее на Олега – он вообще трудный, в компьютере сидит с утра до вечера. Или на Димыча – после этой истории с манго. А Лёлька положительная во всех отношениях. Она бы ни за что не пошла на это, но Макс сказал, что если сегодня не отдаст этим подонкам деньги, то его убьют, и поклялся все вернуть в ближайшее время. И Лёлька поверила. И взяла бабушкины «похоронные» деньги. «Если со мной что-то случится, это вам на первое время», – говорила бабушка.

Бабушка плакала. Не из-за денег, как думала Лёлька, бабушке было обидно, что кто-то из ее внуков оказался воришкой, и не просто воришкой – он всех остальных подставил. Это Юлию Ивановну больше всего и огорчало. Последний раз она плакала, когда дочь Женя с мужем разбились на машине и осталось трое детей, Димычу и года не исполнилось. Потом на слезы не осталось ни времени, ни сил. Нужно было доказать опеке, что она может воспитывать внуков, потом думать, как сделать так, чтобы дети не чувствовали себя ущемленными, имели все эти *гаджеты*, ездили летом на море. Не до слез. И вот Олегу в следующем году восемнадцать, Лёле пятнадцать, Димычу восемь. Теперь все молча сидели за большим круглым столом и старались на нее не смотреть.

Старший внук, Олег, самый трудный. Худой, высокий, с нелепым пучком на голове, он постоянно с ней конфликтовал. Так называемое блогерство, которым он занимался, Юлия Ивановна всерьез не воспринимала, а внук вечно просил деньги на какие-то хостинги. Бабушка отказывала, Олег злился. Как ему объяснишь, что лишних денег нет? Зарплата у нее небольшая, конечно, серьезно помогала Женечкина квартира, которую Юлия Ивановна сдавала, и пособия на детей, но это же все равно мало! А мальчишке на следующий год поступать, все учителя в один голос твердят, что он гений, а у него баловство на уме.

Димыч. Добрый и спокойный, даже меланхоличный мальчишка. Но однажды в супермаркете украл манго. Хорошо, охранник оказался с человеческим лицом, у него сын такого же возраста, не стал куда сообщать и отпустил, а то проблем не оберешься.

Лёля. Такая маленькая, худенькая, с короткой стрижкой, как мальчишка, копия Жени, но парням как мать. Стоит кому заболеть, так она спать не будет. И мальчишек вечно выгораживает, Олегу тайком отдает накопленные деньги на эти хостинги, Димычу сладости покупает.

И теперь важно, чтобы воришка сознался. Иначе как жить дальше?

Нарыдавшись вволю, Юлия Ивановна вытерла слезы кухонным полотенцем, высморкалась и стала спокойна и решительна, как обычно.

– Значит, так! – сказала она. – Сегодня вечером мы снова соберемся за этим столом, и тот из вас, кто взял деньги, вернет их. Не стыдно было брать, значит и сознаться не стыдно будет. – Она помолчала и добавила: – Страшно не то, что кто-то из вас вор, а то, что мы больше не семья.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Она встала и вышла. Вскоре входная дверь хлопнула – бабушка ушла на работу. А дети остались сидеть за столом. Олег молча уставился на Димыча. Димыч заерзал.

– Ты? – спросил Олег.

– А чё сразу я? Может, она! – Димыч ткнул пальцем в Лёлю.

– А может, это ты? – Лёля в упор посмотрела на Олега. Чего это ей стоило, одному богу известно.

– Бабушка права: мы больше не семья. – Олег встал и вышел из комнаты. Вскоре входная дверь снова хлопнула.

– Я в школу, – сказал Димыч и исчез вслед за Олегом.

А Лёля осталась. Ей было тревожно, стыдно и тошно. Прошло две недели, а Макс деньги так и не отдал и перестал выходить на связь. Лёля даже заходила к нему домой, но родители Макса встретили ее холодно и с раздражением.

– Макса нет и не будет! – сказала мама Макса и захлопнула перед девочкой дверь. Родители Макса были против общения сына с Лёлей. Они имели небольшой бизнес и относили себя к другому социальному слою.

И Лёлька поняла, что деньги Макс не вернет. Он просто обманул ее, выудил деньги, которые на самом деле нужны ему на травку, а не для того, чтобы с этим покончить, как он ей говорил. И не любил он ее вовсе.

Это было самое страшное известие после смерти мамы и папы.

Всю следующую неделю Лёля старалась раздобыть деньги, обзвонила друзей, пыталась устроиться на работу, только пятнадцатилетнюю девочку на работу не брали. Хотела позвонить крёстной и во всем сознаться, но не смогла – стыдно. И надежда угасла.

И вот настал час икс.

Нужно было ехать в лицей. Лёля собрала сумку, завтракать не стала – кусок в горло не лез, оделась и вышла на улицу.

День выдался не по-весеннему холодным и слякотным, то и дело принимался дождь со снегом и налетал резкими порывами ветер, или вдруг выглядывало солнце и било в глаза слепящими лучами. Лёля поежилась, пожалела, что не надела теплую куртку, натянула на голову капюшон и пошла на остановку автобуса. Села на скамейку и застыла. Мимо один за другим проезжали автобусы, а Лёлька неподвижно сидела, даже не замечая, что очередной из них увез пассажиров в нужном ей направлении. Того ужаса, какой она испытала, поняв, что деньги не вернуть, больше не было. Осталось отчаяние. И эти острые слова: «мы больше не семья».

Наконец Лёля встала и пошла вперед по дороге, не имея никакой конкретной цели. Ноги сами носили ее по городу, перемещая с улицы на улицу. Иногда она останавливалась перед витринами каких-то магазинов и застывала, разглядывая товары. Только вместо пальто и сапог с гладкой панели витринного стекла на нее смотрела тоненькая отчаявшаяся девочка, словно и не она вовсе. А в груди у этой девочки, будто маленькая птичка, съжившись, дрожала от холода и страха душа. Потом Лёлька совсем ооченела и зашла в какой-то торговый центр, поднялась на фуд-корт и купила в кафе чай. Обхватив стаканчик замерзшими пальцами, она долго сидела, пока чай совсем не остыл. А мимо торопливо пробежали люди, смеялись, покупали еду, обсуждали что-то и исчезали. Затем Лёля встала и ушла, так и не сделав ни глотка.

Тем временем на улице повалил густой мокрый снег, сделалось промозгло, и после теплого помещения Лёлька продрогла. Засунув руки в карманы, она стала передвигаться быстрее, все так же не имея конкретного маршрута, шла и шла, словно остановка смерти подобна, пока ноги не вынесли ее на набережную. Место показалось незнакомым, она не

бывала здесь раньше. Девочка поднялась на мост, остановилась и посмотрела вниз. Черная, неприветливая вода плескалась совсем рядом. Каждой клеточкой тела Лёля ощутила идущий от воды холод. И где-то там, в глубине, ясно увидела свой позор и предательство. Снег плотно облепил тоненькую фигурку, куртка промокла, но Лёлька ничего не чувствовала – вцепившись в перила, она смотрела и смотрела вниз, на воду. Потому что именно там вдруг увидела свое спасение. Вот если перелезть через перила и прыгнуть, то все закончится, весь ее позор. Только нужно набраться храбрости.

Снег прекратился, в небе засияли лазурные проталины, и солнце сбросило на воду снопы сияющих искр. Но Лёлька ничего не видела – только позор, вода, смерть. Это страшное слово она не вспоминала с момента гибели родителей, и вот оно вновь возникло в ее жизни. Девочка представила, как перелезает через перила, летит вниз, ударяется о воду, вода медленно смыкается над ней, и Лёлька опускается на дно, только пузырьки воздуха поднимаются на поверхность. Все как в фильмах. И вот уже она лежит на дне, опутанная водорослями, а перед ее мертвыми глазами скользят рыбы. Почему-то эти мысли совершенно не пугали ее.

И вдруг Лёля четко увидела бабушку и братьев, которые стояли на мосту и смотрели туда, где над Лёлей плавали рыбы. Стояли и смотрели, а бабушка плакала. А чуть поодаль стоял Макс. В черной бейсболке, черной толстовке и черных джинсах – он любил черный цвет, и ее приучил, теперь Лёля покупала вещи только черного цвета. Макс ухмылялся, в отличие от бабушки и братьев Лёльку он не жалел. Теперь Макс стал олицетворением смерти, да он и был сама Смерть.

Странно, но Лёлька с удивлением поняла, что совершенно не сердится на Макса. Нет, она его уже не любила, но ей почему-то стало Макса жаль. Она вспомнила, как он жаловался, что родоки у него отстойные, учителя придурки, Ваньке, соседу по парте, купили последний айфон, а он, Макс, со своим уже второй год ходит. А вот Лёлькиному айфону уже сто лет в обед, ей подарил его Олег, купив у кого-то, перепаял и переделал, и теперь у Лёли в телефоне такие возможности, что Макс и не мечтает. И семья у нее отличная, бабуля и братишки, которых она очень любит. Вот Димыч подарил ей на день рождения браслет, разбив свою копилку, а бабушка толстовку, непомерно дорогую, но ведь Лёлька о ней так мечтала! А теперь она причинит им такую же боль, какую испытала сама, узнав о смерти родителей? Нет, ни за что! Потому что это еще более подло. Да, виновата и ответит за подлость, может, ее не простят – заслужила, но Лёля очень постарается сделать все, чтобы искупить вину.

Девочка решительно отошла от перил, посмотрела в последний раз на воду, развернулась и побежала домой. Теперь она знала, что вечером во всем признается и попросит прощения, хоть это безумно трудно. Вот только деньги вернуть не сможет.

И вот все собрались за столом. Бабушка внимательно посмотрела каждому в глаза. Лёлька напряглась, сжала кулаки и набрала воздуха. Пальцы побелели, а ногти впились в кожу так, что стало больно.

– Ну, – сказала бабушка, – и кто?

Лёлька закрыла глаза, перестала дышать, вот сейчас она встанет, только бы преодолеть ватность ног. Пять. Четыре. Три. Два...

– Деньги взял я! – Димыч встал и опустил голову, стараясь ни на кого не смотреть.

У бабушки от удивления брови поползли вверх.

– Ты?!

– Да. Вот.

Димыч положил на стол деньги.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

– Зачем? – спросила бабушка.

– Ну, это... надо было, – он покосился на Олега.

– Зачем? – снова строго спросила бабушка.

– Ну, я... манго хотел...

– Опять? – бабушка истерично хохотнула, взяла деньги и пересчитала.

– Здесь не все, – из-под очков бабушка строго смотрела на Димыча.

– Остальное взял я, – Олег тоже встал. – Вот.

Он выложил на стол еще несколько купюр. Бабушка пересчитала.

– Да. Теперь все, – сказала она. – А ты на что? Опять на хостинги?

Лёлька сидела как изваяние, не зная, что и думать.

– Сейчас, – сказал Олег, вышел из комнаты и вернулся с планшетом. – Вот, смотрите.

Бабушка недоверчиво посмотрела на экран, где Олег что-то говорил, паясничая. Димыч захохотал. Бабушка ударила ладонью по столу.

– Хватит смеяться! И что?

– Ты на количество просмотров посмотри, бабуль!

– И что? – еще строже спросила Юлия Ивановна.

Лёлька тоже посмотрела на планшет. Ей казалось, что все происходит не с ней.

– Бабушка, если просмотров такое количество, то это начинает приносить деньги, – не своим голосом сказала Лёля.

– Ты хочешь сказать, что зарабатываешь этим? – бабушка подняла глаза на Олега.

– Ну да, – как бы небрежно ответил он.

Бабушка пожала плечами, встала из-за стола и ушла на кухню. Произошедшее шокировало ее не меньше, чем Лёльку, потому что она давно вычислила, кто взял деньги, и теперь просто не понимала, что происходит.

Тем временем мальчишки удалились в свою комнату, а Лёлька осталась. Ее не пригласили, как это бывало раньше. Она слышала, как за закрытой дверью смеется Димыч, значит, Олег показывает ему какие-то ролики. И вдруг поняла, что братья всё знали и взяли за чем-то вину на себя. Лёлька тихонько открыла дверь и вошла в комнату мальчишек. Там было темно, только светился экран компьютера и выделялись темными силуэтами две спины, маленькая и большая. Лёлька подошла и обняла мальчишек. Но они словно не замечали.

– Я виновата, знаю, – тихо проговорила она. – Я бабушке сейчас все расскажу. Только не сердитесь на меня, пожалуйста.

– Не надо ничего рассказывать, – холодно ответил Олег. – Проехали уже.

Лёлька почала головой, хотя спины этого не видели.

– Но как ты узнал? – спросила она Олега.

– Вскрыл твою переписку с этим подонком. Но я ему, гаду, покажу!

В другой раз Лёлька пришла бы в ярость от того, что кто-то читал ее личную переписку, но только не сейчас.

– Но зачем?

Олег пожал плечами. Димыч сидел молча, боясь пошевелиться.

– Просто вспомнили, как ты за нас с Димычем всегда горой стоишь перед бабушкой. Ну вот и решили.

Лёлька плакала. Слезы крупными каплями катились из глаз и ручейками стекали с подбородка на блузку. Димыч вдруг резко обернулся и прижался к Лельке.

– Ты же мне как мама, – сказал он. – Ты мне сказки на ночь рассказывала!

Теперь Лёлька уже не плакала, она рыдала. Олег тоже обернулся и обнял ее.

– Ну ладно, Лёль, не реви. Я тебя в ролике сниму, будешь звездой.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Но Лелька ревела и не могла остановиться. Так они и сидели обнявшись. Наконец, немного успокоившись, Лёлька вытерла слезы и сказала:

- Всё, пошла к бабушке.
- Не надо, Лёль! Ну зачем?
- Надо.

А Юлия Ивановна тем временем стояла за дверью и улыбалась. Потому что теперь она знала точно: они – семья.

И. К. Айвазовский. Закат. 1866 г.

ПРОЗА

Владислав Кураш

(Варшава, Польша)

ВОЛК

Всегда говори то, что думаешь, и делай то, что тебе кажется правильным, – это твоя жизнь, и никто лучше тебя ее не проживет.

Жан Рено

Всю зиму 2016 года я провел в Низких Бескидах. Туда после операции меня отвез Дамьян. Я был слаб и нуждался в уходе. В Гливице оставаться было небезопасно. Меня повсюду искали. Единственным спокойным местом в Силезии были горы. Там у Дамьяна жил дед, старик Збышек. Он жил отшельником недалеко от Бельско-Бяла, на Козьей горе, в глухом уединенном месте.

Во время Второй мировой войны Збышек служил в армии Андерса, командовал санитарной ротой. С 1944 года в составе 2-го Польского корпуса, подчинявшегося командованию 8-й британской армии, воевал на итальянском фронте. Отличился при взятии Монте-Кассино и во время прорыва «линии Густава». За это был награжден Крестом Монте-Кассино и Итальянской звездой. Участвовал в освобождении Рима, в сражении за Анкону, во взятии Болоньи. После победы демобилизовался и какое-то время работал *lekarzem medycynym ratunkowej* в Варшаве. Потом уехал к себе на родину, в Силезию, и поселился на Козьей горе, где и прожил всю жизнь, до самой старости.

Збышек в свои девяносто был не по годам силен и крепок. Держал небольшое хозяйство: коня, несколько коз. Сажал огороδικ возле дома, занимался охотой, сбором трав, выделкой и заготовкой шкур. У него было два охотничьих терьера: сука Мура и ее годовалый щенок Шарик. И огромный темно-серый в черных разводах лесной кот, которого он нашел в горах раненым котенком, выходил, выкормил и приручил.

После операции больше недели я пролежал в горячке без сознания. Все это время Збышек не отходил от меня ни на минуту. Ставил капельницы, колол обезболивающее, глюкозу и жаропонижающее, обтирал теплой водой с уксусом, делал массаж и гимнастику, чтобы не образовывались пролежни.

Наконец, когда пришел в себя, у меня обнаружилась частичная потеря памяти. Я практически ничего не помнил, не мог понять, где я и что со мной, и ничего не чувствовал, кроме ужасной нестерпимой боли. Я не воспринимал действительности. Все было как во сне.

Боль накатывала волнами, и я снова и снова проваливался в черную бездну мучительных кошмаров, выныривая лишь ненадолго.

Боль была невыносимой. Казалось, меня распиливают пилой на тысячи мелких кусочков. Плечо горело огнем, словно в него воткнули раскаленный металл. Обезболивающее лишь на время приглушало безумную боль. Я с ужасом думал, что это мучение никогда не закончится.

Не знаю, сколько так продолжалось, но понемногу боль стала утихать, и я начал выкарабкиваться, вернулось сознание, потом начала возвращаться и память. Это были

бессвязные обрывки неясных воспоминаний, жутких и мрачных, с незнакомыми лицами и людьми. Ярко и коротко вспыхивая, они не вносили ясности в помутившееся сознание. Они были настолько впечатляющими, что порой стиралась грань между реальностью и галлюцинациями и я окончательно путался, снова погружаясь в состояние бреда.

Мне начали сниться сны, вернее, один и тот же сон. Как заезженная грампластинка, он повторялся до тех пор, пока я не просыпался. Он был таким же жутким и мрачным, как и воспоминания. Снился какой-то грязный притон, лужи крови и те же самые незнакомые люди с перекошенными от ужаса и боли лицами.

От старика Збышека я узнал, где нахожусь, что со мной и как сюда попал. Он рассказал, что у меня пулевое ранение в плечо и что к нему меня привез Дамьян. Больше от него я ничего добиться не смог.

Кто такой Дамьян, я понял только тогда, когда он сам приехал, и сразу его узнал. Он был одним из тех, кого я видел в своих кошмарных снах. Дамьян рассказал о Валерке, о Марлене и о том, что произошло. Благодаря Дамьяну я вспомнил детей и Алену. Отсутствовавшие фрагменты воспоминаний заполнились и, словно пазл, сложились в единую понятную объяснимую для меня картинку.

Дамьян привез одежду, сменное белье, туалетные принадлежности, медикаменты, несколько книг, среди которых был томик Лермонтова, учебники по истории живописи и рюкзак с деньгами.

– Это твоя доля, – рассказывал Дамьян, сидя у моей постели. – Пока ты будешь находиться здесь, деньги будут храниться у Збышека. Он тебе их отдаст лишь тогда, когда ты окончательно выздоровеешь и соберешься уезжать. Себе он возьмет ровно столько, сколько посчитает нужным. Это не обсуждается: лишнего не возьмет. За свои деньги можешь не переживать, у Збышека они будут храниться надежнее, чем в банке.

– А что с Валеркой? – спросил я.

– Валерке, признаюсь я тебе, сильно досталось, – начал Дамьян. – У него очень тяжелое состояние. Я его спрятал в одном опиумном притоне под Варшавой. Валеркина доля хранится у хозяина притона. Он тоже надежный человек. После выздоровления, как и ты, Валерка получит свою долю, конечно же, за вычетом издержек.

– А где Марлена?

– Марлена исчезла, – развел руками Дамьян. – И я не знаю, где она. Может, в тюрьме, а может, и нет. Но то, что она жива, знаю наверняка. Ее доля в неприкосновенности хранится у моей сестры. Как только Марлена объявится, она получит все свои деньги до последней копейки.

– Мне нужен телефон и интернет!

– Забыл тебе рассказать. У Збышека есть несколько жестких правил, которые нарушать нельзя, – для твоей и его безопасности. Если что-то не устраивает, можешь сразу забирать свои деньги и уезжать, куда хочешь. Пока здесь живешь, запрещено пользоваться телефоном, интернетом, контактировать с внешним миром и с кем бы то ни было вообще. Запрещено гулять в туристических зонах и по туристским тропам. Запрещено ходить в город. Запрещено хранение любого оружия. Запрещено употребление алкоголя.

После некоторой паузы Дамьян продолжал.

– Я приеду где-то через месяц. Привезу тебе медикаменты. Если вдруг понадобится срочно связаться со мной, говори Збышкови. Любую информацию передавай через него. Не бойся. Ему можно доверять.

На этом наш разговор закончился, и Дамьян уехал.

*Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта...
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой...
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Михаил Лермонтов. Демон*

Я быстро шел на поправку. Рана все еще кровоточила и не заживала, но благодаря интенсивной терапии и стараниям Збышека перестала мучить ужасными болями. К концу декабря я начал вставать с постели и делать первые шаги, которые давались с огромным трудом. Левую руку из-за ранения парализовало. Попытки пошевелить ею или пальцами были безуспешными – рука не слушалась, болталась как плеть, причиняя лишь неудобства. Чтобы зафиксировать руку, Збышек сделал повязку из бинтов.

Я заново учился ходить, шаг за шагом возвращаясь к жизни. Сначала добирался до окна – оно было ближе всего к кровати. Облокачивался здоровой рукой о подоконник и подолгу смотрел на заснеженный горный пейзаж. Потом – до стола. Стол стоял посреди комнаты. Сев на стул, какое-то время отдыхал перед тем, как отправиться в обратный путь к кровати. Потом – до двери. Но из дома не решался выходить, потому что был еще слишком слаб.

Большую часть времени я проводил лежа в постели. Телевизора у Збышека не было, поэтому от скуки я слушал радио, висевшее на стене у кровати, и читал книги, которые привез Дамьян.

Збышек осмотрел мою руку и успокоил.

– Ничего страшного, – заключил он. – Сухожилия и лучевой нерв не задеты. Очень похоже на посттравматический плексит. Дело поправимое.

Збышек оказался прав. После двух недель лечебной гимнастики и специальных упражнений рука заработала. Я мог немного приподнимать ее и шевелить пальцами.

Читая Лермонтова и пролистывая репродукции картин Врубеля, я все больше и больше погружался в себя, думал об Алене и детях, о Марлене и Валерке, и мое сердце сжималось в груди от тоски и грусти.

Во всем виноват был лишь я один и не боялся себе признаться в этом. Меня душили угрызения совести. Я понимал, как все далеко зашло и как все безнадежно. Было страшно и хотелось рыдать от бессилия, но изменить я уже ничего не мог.

Только теперь я понял, как мне не хватает тепла и любви, как не хватает близких людей и как все это мне необходимо. Только теперь я ощутил, насколько одинок и незащищен перед пугающей неизбежностью. Только теперь осознал всю бессмыслицу своего существования.

Время тянулось медленно и скучно. Но через пару недель Збышек разрешил мне выходить из дома. Это изменило все. Чтобы занять себя чем-то и отвлечь от дурных мыслей, я потихоньку стал помогать Збышеку по хозяйству. Свежий воздух, физическая нагрузка и движение наилучшим образом способствовали выздоровлению. Прямо на глазах я креп, набирался сил и восстанавливался.

Каждый день Збышек с собаками ходил на охоту. Дома оставался только в непогоду и при штормовых предупреждениях. Охотился Збышек в основном на коз, зайцев и лис, но мог подстрелить и белку, и куницу, и фазана, и утку, и любую другую дичь. Излишки мяса продавал на рынке в городе, а шкуры сдавал в заготконтору.

Збышек научил меня разделывать и свежевать туши, отмачивать, мездрить, дубить и сушить шкуры, ощипывать и потрошить птицу. С собой на охоту он начал брать меня лишь тогда, когда рана окончательно зажила и перестала кровоточить. Плечо, правда, еще болело, и рука не полностью слушалась, но это были мелочи в сравнении с тем, что мне пришлось пережить.

Збышек любил лес и горы. Он чувствовал их и понимал, говорил, что слышит их голоса, что они всегда подсказывают ему и помогают. Збышек был настоящим следопытом, он без труда находил

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

лисьи и заячьи тропы. По следам мог определить место лёжки или выпаса животного. Его капканы и ловушки никогда не пустовали. Он был очень метким стрелком, попадал в цель с первого выстрела и всегда бил наповал. Домой с пустыми руками не возвращался.

Большую часть времени мы проводили в лесу. Бывало, уходили так далеко от дома, что возвращались только затемно. Один раз даже пришлось заночевать в горах.

Я смотрел на Збышека и завидовал ему. У него было все то, чего мне так не хватало. Он жил в полной гармонии с самим собой, с природой и окружающим его миром. Он был полноценной и самодостаточной личностью.

Когда плечо перестало болеть, Збышек стал учить меня стрелять из ружья. Он дал мне легкий охотничий ремингтон пятидесятого года выпуска, с которым на охоте я не расставался ни на минуту.

В феврале в окрестностях появились волки. Они пришли с Восточных Бескидов. Збышек сказал, что волки каждую зиму в поисках кормежки заходят в наши края, поближе к людям. Заунывный вой по ночам леденил душу. В горах все чаще то тут, то там встречались следы кровавых пиршеств голодных хищников.

По мере выздоровления я все чаще и чаще стал задумываться об отъезде. Еще не знал, чем буду заниматься, и куда поеду, но мне безумно хотелось домой, к Алене и детям. Я убеждал себя, что не так уж все безнадежно, как кажется, и начинал верить, что еще можно что-то исправить.

Каждую ночь мне снились ужасные кровавые сны. Я постоянно думал о Марлене и о Валерке. Я не знал, как им помочь и загладить свою вину, и от этого было невыносимо тошно.

Клыки слегка сдавили его руку, потом давление стало сильнее – волк из последних сил старался вонзить зубы в добычу, которую так долго подстерегал. Но и человек ждал долго, и его искусанная рука жжала волчью челюсть. И в то время как волк слабо отбивался, а рука так же слабо сжимала его челюсть, другая рука протянулась и схватила волка. Еще пять минут, и человек придавил волка всей своей тяжестью. Его рукам не хватало силы, чтобы задушить волка, но человек прижался лицом к волчьей шее, и его рот был полон шерсти. Прошло полчаса, и человек почувствовал, что в горло ему сочится теплая струйка. Это было мучительно, словно ему в желудок вливали расплавленный свинец, и только усилием воли он заставлял себя терпеть.
Джек Лондон. Любовь к жизни

Начало весны было холодным и снежным. Збышек простудился, заболел и слег. Все хозяйство легло на мои плечи. Дома сидеть было скучно, но одного на охоту Збышек не отпускал.

Но однажды мне все-таки удалось уговорить Збышека и он разрешил пройтись неподалеку с собаками и ружьем. Получив подробнейшие инструкции на случай встречи с волками, я собрался и отправился на охоту.

День был погожий и ясный. На востоке, над вершинами гор, висело ослепительно-яркое солнце. Небольшой мороз легонько пощипывал кожу и обжигал ноздри. Снег приятно похрустывал под ногами и искрился. Настроение было отличное. Я направился по тропе, которая поднималась все время в гору и вела к Шопчаньскому ущелью. Жадно вдыхая морозный воздух, потягивая и радостно виляя хвостами, собаки бежали впереди.

Склон порос лесом, огромные буки с широченными стволами упирались в самое небо заснеженными верхушками. Встречались темные грабы и зеленые ясени, попадались заросли дикого жасмина. Повсюду росла даурская береза.

На поляне, неподалеку от ущелья, я подстрелил двух фазанов и устроил небольшой привал. Солнце стало клониться к западу, от деревьев поползли длинные тени. С гор подул холодным ветром. Перекусив и немного отдохнув, я собрался идти дальше.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

И в этот момент появился волк. Он был огромный и серый, с массивной, сильно вытянутой мордой, острыми ушами и широким лбом. Волк был один. Он вышел из зарослей и, остановившись посреди поляны, настороженно уставился на меня. Почуввав волка, собаки с визгом, поджав хвосты, убежали прочь. Какое-то время мы смотрели друг на друга. Стараясь не делать резких движений, лихорадочно соображая, как лучше поступить, одной рукой я потянулся за ружьем, а другой к голенищу, за большим охотничьим ножом.

Волк зарычал, оскалив огромные желтые клыки, и, как в замедленном кино, бросился на меня. Я успел только заслониться рукой. Впившись в нее клыками, сильным ударом передних лап он повалил меня и остервенело рвал руку, пытаясь добраться до горла. Я как мог отчаянно защищался, а другой рукой, с ножом, что было сил бил без остановки, наотмашь, куда попало. Наконец волк стал ослабевать. Изловчившись, я нанес удар прямо в шею, всадив нож по самую рукоять. Волк конвульсивно дернулся, выbleвал на меня кровь, обмяк и затих, навалившись всем телом.

Ощувив во рту неприятный вкус волчьей крови, я почувствовал дурноту. Все вокруг закружилось, поплыло, и я провалился в темноту. Из забытья вернул знакомый голос, это был Збышек: выплыл откуда-то из тумана, на мгновение появился и снова исчез.

Через какое-то время я снова пришел в себя, на этот раз уже в постели, а возле меня сидел Дамьян. Заметив, что я очнулся, он обрадовался и заулыбался:

– Силен же ты, волчара. Ну настоящий волк.

Подошел Збышек и осмотрел меня:

– Жив будет, не помрет. Ничего, подштопаем маненько и выходим, – заключил он.

Ужасно хотелось пить. К горлу подкатила тошнота, и изображение начало терять резкость.

«Бог дает мне еще один шанс», – мелькнуло в голове, перед тем как я соскользнул в забытья.

Сборник «Моя вторая Одиссея»
Цикл «Эта безумно безумная жизнь»
Варшава
19 января 2020 г.

И. К. Айвазовский. Данте указывает художнику на необыкновенные облака. 1883 г.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

ИНТЕРВЬЮ

«Московский BAZAR» продолжает знакомить читателей с творческими людьми, открывать новые имена.

АЛЕКСАНДР КОРОТКОВ: «МОГУ СЫГРАТЬ И ХРИСТА, И ИУДУ, И ПЕТРА ПЕРВОГО...»

Специально для «МВ»

***Александр Коротков**, актер, режиссер, сценарист. Родился в 1973 году в г. Новоуральске, в интеллигентной семье никак не связанной с кинематографом. В прошлом – профессиональный баскетболист, КМС, чемпион России 1994-95 гг. среди команд Первой лиги, многократный чемпион Свердловской области. Имеет два высших профессиональных образования: в 1995 году окончил с отличием Уральскую государственную юридическую академию, судебно-прокурорский факультет, в 2007 году – ВГИК, режиссерский факультет. В кино снялся почти в 200 ролях, сам снял несколько кинолент. Живет в Москве. Не женат.*

*Беседу ведет журналист **Светлана Куликова** (МОССАЛИТ, Москва)*

Масштабный исторический сериал «Раскол» вышел на ТК «Культура» в 2011 году. Основная тема фильма – реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича, яростное сопротивление которым возглавил протопоп Аввакум. На роль Аввакума режиссер фильма Николай Досталь пригласил «новое лицо» – актера опытного, но не примелькавшегося **Александра Короткова**. После удачного исполнения сложной роли Аввакума Александр сыграл в сериале «Бесы» (реж. В. Хотиненко, 2014), в художественных фильмах «Наследники» (реж. В. Хотиненко, 2015) и «Один день Ивана Денисовича» (реж. Г. Панфилов, 2020).

– Добрый день, Саша! Сегодня уже многие любители отечественного кино знают актера Александра Короткова, но до того как стать актером, ты сделал неплохую карьеру в юриспруденции. Когда и почему случился крутой вираж судьбы?

– Да... Ну... Как у всех, наверное...

– Ничего себе «как у всех»! Четыре года отработал в Новоуральске, в юротделе крупного комбината, уже предложили должность начальника, и вдруг ты отказываешься от всех благ и начинаешь жизнь сначала – почему?

– В нашей семье, как, я думаю, и в любой другой советской семье, была такая установка: есть «хочу!», а есть «надо!», вот «надо!» – оно важнее и главнее, чем «хочу!». Нас учили, что мы всем должны – родителям, государству, а слушать себя не учили. Мы не знали, чего хотим. Родители были проводниками неких общепринятых правил, установок. Я вырос, не зная своих собственных желаний, не понимая себя и своего «хочу». Положено было после школы поступать в институт – я и поступил.

– Сам юридический выбрал?

– Сам, но случайно (*смеется*). В школе учился очень хорошо, всерьез занимался баскетболом, мог поступить в любой вуз. Мама предложила юридический – она сама пыталась туда поступать – я согласился. Это было советское традиционное продолжение школы: отучился 10 лет – пересел за институтскую парту. Окончил, получил диплом. Потом армия – у меня служба стала продолжением спорта, я профессионально играл за армейскую баскетбольную команду. Потом, как положено, работа...

Протопоп Аввакум (сериал «Раскол», реж. Н. Досталь).

Матушка Анастасия Марковна – актриса Дарья Екамасова

Пришел в юротдел комбината в родном городке и в первый же день отчетливо понял: не мое! Но тогда я даже приблизительно не представлял, чего хочу на самом деле. Сам себя убеждал: «Ничего, привыкну», вот и тянул лямку четыре года. Жил по инерции, тонул в какой-то вязкой житейской «тине»...

– Что стало последней каплей?

– Не было какой-то особой «последней капли». Просто начал задыхаться. Почувствовал, что могу никогда не вырваться из этого чуждого мне мира. Стал думать, чего хочу... В одном из зарубежных сериалов видел такого благородного длинноволосого парня Робина Гуда и почувствовал, что хочу им быть... Наверное, это был первый шаг к Аввакуму ...

– Шутишь?

– Нет, серьезно. Мятежный протопоп тоже такой своеобразный длинноволосый парень с твердыми убеждениями. Я бы даже сказал, упертый, бескомпромиссный, не считается с чувствами окружающих его людей, идя к своей цели.

– Вот как? Не за эти ли черты характера Досталь выбрал тебя на его роль?

– В начале съемок режиссер сказал, что выбрал по внешним данным, за длинный нос (*смеется*).

– Но до этой знаковой роли был длинный путь. Ты бросил юриспруденцию на пике карьеры, развернулся на 180 градусов и попал в театр прямо с улицы?

– Не так стремительно. Сначала уехал в областной центр, в Екатеринбург, где пришлось ради заработка возвратиться к практике юриста, но уже не в госструктуре, а в коммерческой, там вообще дурдом был... Одному миллионеру понадобилась копеечная скидка на оплату телефона, месяц оформляли... Словом, опять в ту же воду попал и снова ушел. Много чего

Судья (сериал «Хорошая жена», реж. С. Либин)

А на деле оказалось, нужен «мальчик на побегушках». За сигаретами сгонять, реквизит приготовить, декорации установить, билеты попродавать, гастроли организовать... Но, видимо, художественный руководитель «Театрона» Игорь Турышев, спасибо ему, увидел во мне какие-то актерские способности и ввел сначала в детский спектакль, потом я играл в гумилевской «Отравленной тунике», в чеховском «Дяде Ване», в «Крошке Алисе» по Олби... В первый же год, что бывает нечасто, я сыграл несколько персонажей. Сейчас у меня за плечами почти два десятка ролей в профессиональном театре, пусть и частном. Но платили там мало, параллельно устроился охранником, стал вести свадьбы и корпоративы. И поступил в Екатеринбургский театральный институт на очно-заочное отделение. Через год меня оттуда отчислили.

– За что?!

– За характер. Я человек прямолинейный, что-то не нравится – говорю прямо, а это уже мастеру не понравилось.

– Но ты не бросил новое дело?

– Нет. В отличие от профессии юриста, где преобладает логика, мысль, заученные знания, в актерской работе важнее эмоция, и умение заразить ею зрителя. Работа актера помогает понять свои сильные и слабые стороны. Игра – это еще и изучение себя, своих субличностей. Люди ведь не единообразны по сути, в каждом человеке не одна, много личностей, порой, противоположных. Чем сложнее человек, тем больше в нем субличностей, которые можно проявить в разных ролях.

– «Весь мир – театр, а люди в нем актеры...»

– Как сказать... Я не люблю афоризмы, их часто выдергивают из контекста и применяют как попало. Если актер в жизни играет – это плохой актер. Проверено уже неоднократно. Хороший актер в жизни никогда не играет.

– Выбор профессии был сделан окончательно?

было до того, как я случайно наткнулся на объявление: «В Малый драматический театр «Театрон» требуется помощник режиссера».

– Круто! Приняли? Понравилось?

– Как сказать... Я ведь что себе представлял? Сажу рядом с режиссером и помогаю ему принимать творческие решения.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

– Не знаю, окончательно или нет. В 2007-м я переехал в Москву, поступил во ВГИК, уже на режиссерский курс профессора Валерия Яковлевича Лонского, и в 2010-м его окончил.

– **Получить второе высшее образование в возрасте за тридцать, остаться жить в Москве, кроме таланта и тяги к киноискусству, нужны еще и средства...**

Ученый-историк Осипов

(художественный фильм «Наследники», реж. В. Хотиненко)

– Продал в родном городе унаследованную квартиру. Ну и подрабатывал: опять вел корпоративы, свадьбы, юбилеи. Это и заработок, и хорошая практика.

– **А связи? Подняться в столице без связей – это о-о-очень сложно!**

– Нет, никаких связей не было. Начинал с нуля.

– **Но сейчас, как я вижу, этот ноль уже далеко не ноль?**

– Сейчас я «известен в узких профессиональных кругах». Меня знают те люди, которые работают с Досталем, Панфиловым, Хотиненко и другими режиссерами.

– **Душа успокоилась?**

– Да ты что! Когда это она может успокоиться?! Не все меня удовлетворяет на этом этапе. Хочется большей реализованности. Тем более что чувствую: профессионально я расту. Если раньше на подготовку к роли мне требовалось три дня, сейчас я трачу два часа и работаю лучше, чем прежде. Но актер совершенствуется активнее, когда у него есть сложная, объемная работа, и чтобы постоянно были новые вызовы. Интересно, когда персонажи самые разные. А когда у тебя одни и те же врачи, инженеры, малахольные мужья и священнослужители и – на другом полюсе – маньяки и убийцы, это тормозит. То есть я понял, что кино – это мое, но... Мне нужна бóльшая востребованность... Почему ее нет? Не знаю. Все, с кем я работаю, в процессе съемок понимают, что я могу выполнять сложные актерские задачи. Однако умению себя продвигать, заводить и поддерживать нужные знакомства советского мальчика Сашу Короткова не научили.

– **Сейчас где, в какой роли снимаешься?**

– В сериале «Склифосовский» в роли пациента. С Максимом Авериным и Ниной Усатовой. Очень интересные люди, высокопрофессиональные.

Алешка-баптист (художественный фильм «Один день Ивана Денисовича», реж. Г. Панфилов)

– Недавно по ТК «Культура» Нина Усатова от кино отреклаась, сказала, что настоящая актерская работа – это театр. Ты поработал в театре и кино. Тебе где интереснее?

– Когда я еще в Екатеринбурге работал в театре, там один человек снимал документальный фильм и упорно задавал всем актерам один и тот же вопрос: «От чего бежите?» Он имел в виду, что мы в театр убежали от реальности. Вот как в одном из моих любимых фильмов –

«Кабаре» героиня Лайзы Минелли испугалась и не пошла за любимым. Помнишь? Она спряталась от реальности в своем театральном мирке. Я прятаться не хочу. Потому театр мне не мил. К тому же я вырос в городе, где театра не было, он в меня не зашел. Я могу без театра. И еще такой нюанс... Есть театр и театр. Очень важно, чтобы это было нечто удивительное! Я сотрудничал с Николаем Колядой, с его театром и понял, почему актеры хотят с ним работать... Как ни парадоксально звучит, людям обязательно нужен лидер, сильный человек, который знает, чего хочет, делает это, и за ним хочется идти.

– Я видела твои режиссерские работы по собственным сценариям, короткометражные фильмы «Серёжа» и «Наташина любовь» – они очень трагичные. Есть такое утверждение: о чем бы ни писал автор, он всегда пишет о себе. Режиссер тоже все снимает о себе?

– Конечно. Мы ведь снимаем, чтобы что-то свое высказать и что-то для себя решить... Мне важно было снять эти короткометражки. Не то чтобы это один в один о себе... Но тогда хотелось высказать свое личное... «Наташина любовь» – тема расставания, существование без субъекта своей любви. Но сейчас она для меня не актуальна. Хочется снять что-то не банальное. Это сложно, потому что человечество наплодило уже столько историй – и в литературе, и в кино, что создать произведение из ряда вон... Да, это сложно.

– Недавно издательская платформа RIDERO объявила конкурс «Экранизация», предлагает присылать произведения, которые, на взгляд автора, могут стать основой необычного сценария. Это что? В кино не хватает материала?

– Это такое непрерывное лукавство. В нашей отрасли прямо стон стоит: «Ах, нет идей! Нет сценаристов!» А на поверку оказывается, что просто нет совпадений. То есть идеи, которые тревожат конкретных сценаристов, не волнуют продюсеров, желающих снять кассовое кино для массовой аудитории. Какой-нибудь конкретный режиссер Петя мечтает

Виргинский (сериал «Бесы», реж. В. Хотиненко)

снять крутой блокбастер, а ему приносят житийную историю про святого. И надо понимать, что объективно есть массовое кино и авторское – это две разные сферы.

– Можно сказать, что есть кино для заработка, для кассы, а есть для души?

– Не так прямолинейно. Это не значит, что надо продать душу ради интересов толпы. Взять того же Стивена Кинга, по большому счету он беллетрист, но попал в интересы множества людей. Совпали желания автора с запросами зрителя. Надо искать совпадения в себе и в той части аудитории, к которой ты адресуешься. Мы как люди, как субъекты мало кому интересны, гораздо важнее то, что мы можем отдать обществу от себя. Если ты не делаешь то, что потребно миру, мир тебя не замечает.

– Все люди Богу нужны...

– Это твои личные верования, убеждения. Имеешь право, но это всего лишь частный взгляд.

– И это говорит Аввакум!

– Ну при чем тут Аввакум? Роль – это роль, а я – это я. Хотя уже в конце съемок «Раскола» Николай Досталь сказал, что Аввакум сидит внутри меня. Мы действительно чем-то похожи. Оба не благостно-смирненно-послушные. Я с любой ролью справлюсь, но по характеру мне ближе не трясущиеся «бесы», а Иван Грозный, например. Я мог бы сыграть и Христа, и Иуду, и Петра Первого... Хочется вызовов, больших, сложных задач.

– А самому снять? Ты ведь и режиссер, и сценарист, хотелось бы в этом направлении еще что-то сделать?

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

– Мечтал экранизировать повесть Леонида Андреева «Иуда Искарот», но его уже снял Андрей Богатырев. Там есть тема, очень сложная, многослойная. Сейчас у меня лежат сценарии, которые раньше хотел воплотить, но время идет, теперь они уже не так актуальны, но будут другие, это не проблема. Проблема, как я уже говорил, в совпадении интересов – продюсера, режиссера и зрителя.

– Как ты считаешь, кино – отражение жизни или та художественная неправда, которая нашу жизнь формирует?

– Ни то и ни другое. Об этом еще на первом курсе ВГИКа говорят, что кино ни в коем случае не зеркало, что ни одно кино не есть реальность, даже документальное, даже хроника. Не помню, кто сказал... Кино – это увеличительное стекло, которое концентрирует, рассматривает невидимую нам реальность.

– А обратная связь? Смотри: наснимали фильмов-катастроф, а потом – бабах! – они и воплотились в жизнь!

– Говорят, что талантливые люди могут что-то уловить, предвидеть, но... События в мире происходили и будут происходить одни и те же, и есть свойство человеческого ума находить причинно-следственные связи. На самом деле их нет, есть абсолютный хаос. Наш с тобой любимый Ларс фон Триер в «Антихристе» об этом и говорит: миром правит хаос, а участь людей устанавливать причинно-следственные связи между отдельными событиями. Собственно, кино этим и занимается. Что такое традиционное кино? Рассказанная авторами история, составленная из причинно-следственных связей: случилось нечто, потому что... И так далее. На самом деле все это фантастическое допущение, в жизни событие – следствие не одного, а множества факторов, о некоторых мы порой даже не знаем.

– У тебя есть цель?

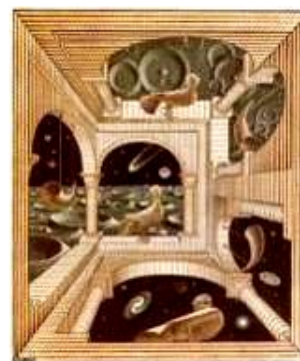
– Есть как бы притча... Можно прислонить лестницу к стене и карабкаться по ней всю жизнь, добираясь до «цели», но может оказаться, что ты не к той стене лестницу прислонил. Я не знаю, куда меня ведет судьба, просто стараюсь жить так, чтобы у меня было внутреннее ощущение: «мне хорошо». Сейчас такое чувство бывает эпизодически от успешно выполненной работы, от признания коллег, зрителей...

– Мы всем нашим коллективом журнала «Московский BAZAR» желаем тебе исполнения самых смелых планов, устремлений и, конечно, новых творческих удач. Спасибо.

– И вам того же. Рад был встрече.

ПОЭЗИЯ

Александр Чжоу
(Москва)

У старой дороги смоленской
Остались, как братья, навек,
Солдаты дивизии Энской –
Вайнах, славянин и узбек.
Под натиском вражеской стали,
Под грохот чужих батарей
За землю родную цеплялись
Татарин, калмык и еврей.
Война – это подвиг бессмертный,
Война – это каторжный труд,
И тыл укрепляли всемерно
Казах, армянин и удмурт.
Какая великая сила
(Казалось, часы сочтены)
Тогда воедино сплотила
Детей необъятной страны.
Под Наро-Фоминском и Клином
Залитые кровью снега,
Там люди с геройством былинным
К Москве не пустили врага.
И жизнь отдавая, поверьте,
Не сделав ни шагу назад,
Они обретали бессмертье
И звание – *русский солдат*.
У старой дороги смоленской
Остались как братья, навек,
Солдаты дивизии Энской –
Вайнах, славянин и узбек.

Сторожа

Солнце заслонив, крылом вороньим
Поднялся над степью черный дым,
И храпят встревоженные кони,
Чуя приближение орды.
Вдалеке густая пыль клубится,
Гул копыт, людей не перечеть,
Но стремглав спешат гонцы в столицу,
И летит стремительная весть...
На Угре, на Зуше и Осколе
Средь дубов, где не отыщет взгляд,
В дальнем порубежье, в Диком поле
Крепости укромные стоят.
Шляхи перекрыв, в жару и стужу,
Зорко, от зари и до зари,
Сторожат, заслоном первым служат
Казаки, стрельцы и пушкари.
И еще защитой духовной,
Наш рубеж последний в грозный час,
Храмы, что построены с любовью –
Пояс Богородицы у нас.
Пусть в молитве у святой иконы
Вспомнят обо мне жена и мать,
Нам ли гнуться под стрелой калёной,
Если Русь велела здесь стоять.
Скоро выйдут ворогу навстречу
Грозные московские полки,
А пока на полосе засечной
Держат оборону казаки.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Выходили рано на дорогу,
Напоследок Богу помолясь,
Прятали незваную тревогу,
Знали, ждет в Коломне Дмитрий князь.
Из Можайска, Дмитрова, Ростова,
Из Литвы и Суздальской земли
За Оку, по княжескому зову,
Воеводы ратников вели.
Вдаль тянулись конные дружины
И за ними следом пеших рать,
Спянные верой воедино,
За родную землю умирать.
В пламени трепещущих осинок
Таял сентября неяркий свет,
И скакал за князем стройный иннок,
Троицкий воитель Пересвет.

Отчего мы сегодня молчим,
Оттого ль, что легко и безбожно
Необдуманном словом своим
В душу целимся неосторожно?
Оттого ль, что на небе ночном
И великим, и маленьким звездам
Находиться так близко вдвоем
По законам природы непросто?
Но природных законов сильней
Двух зовущих сердец притяженье.
Вновь стремлюсь я к орбите твоей –
Там твой свет,
и любовь,
и прощенье.

Родник

Зрим родник в лощине неглубокой,
И ручей журчит, велеречив.
Нет на свете речки без истока.
Всякой жизни где-то бьют ключи.
Пряно пахнут луговые травы.
Цвета неба васильки и сныть.
Жизнь манит, и как же мы неправы,
Если с прошлым обрываем нить.
Все едино в этом мире вечном:
И весна, и ночь, и соловей...
Узнаем с волнением сердечным –
Всё любовью полнится Твоей.
Вдалеке, за глинистым обрывом,

Обнимают землю облака,
И течет вперед неторопливо
Не забвенья – памяти река.

Вечер

Воздух к вечеру стал,
как вода ключевая, прозрачен,
И душа постигает
хрустальную ясность небес,
Пламенеет закат,
и отчетливее обозначен
Вереницею елей
чернеющий лес.
Комариные стаи
укрылись в кустах и канавах,
С майским холодом
точно они не в ладу,
Дух вечерний настоян на ландыше,
скошенных травах,
На сирени густой,
закипающей в нашем саду.
И в ночной тишине,
под покровом березовой рощи
Так поют соловьи,
что кому-то теперь не до сна,
И, заслушавшись, ветер
ветвями уже не полощет,
И копейкой серебряной
в небе повисла луна.

Ангел

В тишине безлунной ночи
И в сиянье дня
Ангел мой с любовью отчей
Бережет меня.
Нелегка моя дорога,
Ноша тяжела –
Мне незримою подмогой
Два его крыла.
От обмана, от унынья,
От слепых обид,
Пролетая в небе синем,
Ангел защитит.
Ты узнаешь, он с тобою,
Словно старый друг,
Только с верой и любовью
Посмотри вокруг

ПОЭЗИЯ

Евгений Агуф

(МОССАЛИТ, Москва)

Ты где была?

Ты где была?
Я не искал тебя.
Я думал, быть собой вполне логично.
Ну, я-то был...
а только в жизни личной...
чуть что случись – случалась вдруг семья;
а я ответственен за всех, кого... того –
держал в руке, учил ходить и... честно
смотреть в глаза судьбе и красить место
собой, когда все краски унесло.

Ты где была?
Я ждал тебя в других,
готовил встречу, глупо улыбался,
брал за руку, укачивался в вальсе
и радовался счастьем быть для них.
Натерло холку старое седло,
ждать Галатею что-то надоело,
и я ушел... нет, вроде не налево...
блудил, пока к тебе не занесло.

Ты где была?
Теперь не важно, где...
а хорошо, что я тебя достоин!
Позволь пожить с тобой на этом склоне –
на неба склоне или склоне лет!
Я до весны, весной уйду в моря!
Шучу, конечно – мне с тобой комфортно.
Листва стихи нашептывает в окна...
и значит – с днем рождения тебя!

Ироничное

Когда друзья напишут обо мне,
Что был до неприличья ироничным,
Скорей всего, мне будет безразлично,
Верней, меня уже не будет лично
На скучной без иронии земле.

Не яс ить

Снится под утро:
Кажется, крылья растут,
Но не летится,

Тяжесть пельменей
Мне воспарить не дает
Вместе с гордыней.

Пенделя жду на мосту,
Статью исполнен.
Мордой бы в грязь не упасть
Вместо полета.

В воскресенье

С легкой ленью в воскресенье
В темных зарослях сирени
В соловьином млели пенье
И на звездочки глазели;
И сказала лень с волнением
На исходе воскресенья:
– Ты, Евгений – не явленье!
Ты – не гений, к сожаленью ...

Зерцало души

Криворожее зеркало
 Смотрит внутрь меня устало,
 Как на хлеб с кусочком сала
 Под стопарик стремённой.
 Печень ссорится с фесталом,
 Третий час, а мозгу мало –
 Очень жду, чтоб ведьма стала
 Нескаженной красотой.
 Меч прикинулся оралом –
 Глубоко пахать устал он,
 Вот и прячу в покрывало
 Конформизм и мягкость тел.
 Где ж вы, молнии с кресалом,
 Искр потоки с пьедесталов...
 То ли дело...
 Как бывало...
 Но...
 Представил и вспотел.
 Смотрит зеркало устало
 Из небритого стакана.
 Знать-то, все же водки мало –
 Ускользает красота.
 Эх, вернуть бы все в начало,
 Где для счастья звезд хватало,
 Где весна зарей венчала
 Опьяневшие сердца.

Ироничное осеннее

Депресняк.
 Ковер пожухлых листьев
 Хрумкает под тяжестью штиблет,
 Солнце на плечах прохожих виснет,
 Теплоты не находя в ответ.
 Вышел из депрессии.
 Стою.
 Покурил, окурком в небо бросил,
 И ушел в обыденность свою.
 Депресняк...
 А хрен ли делать – осень...

Предреволюционное

в Санкт-Петербурге
 белые ночи опять
 крейсер «Аврора»
 встал на стоянку в Неве
 скоро начнут заряжать

Молчи

Молчи.
 Молчи,
 не отрывая взгляда
 от плачущего пламени в ночи.
 Застывших слез
 признания прочти
 свече,
 от молний
 вспыхнувшей когда-то.
 Согрей в ладонях
 бывшую хандру –
 пусть превратится в строчку
 из молитвы,
 смиряя память,
 что острее бритвы...
 наступит ночь,
 когда на свет приду.

Сказковер

Отбивают годики часостеноходики,
 А они с капустницей пьют росу с цветов,
 В раннем недовозрасте второвекогодники
 Напевают музыку лесоголосов.

Медныхгорхозяева, чуть заметно окая,
 Самоцветоглазые с васильком в руке
 Между делом сбегают в Таганайвысокую⁵
 Даль еловосинюю к каменной реке.

Сказковеры добрые в ПалБажовых местностях
 Иногда встречаются даже в наши дни.
 Им озёроглазовый лесогор мерещится,
 Ловят утром солнышко в пригоршни они.

⁵ Таганай – уральская горная гряда.

ПОЭЗИЯ

Людмила Чеботарева (Люче)
(Ноф-ха-Галиль, Израиль)

Из цикла «ПЗУ»
(Память. Забвение. Уроки.)

Постоянное запоминающее устройство (ПЗУ) – энергонезависимая память, используется для хранения массива неизменяемых данных.

Чертополох

А может, это вовсе и неплохо,
Что, пережив сто жизней и смертей,
На поле я взойду чертополохом
И буду там распугивать чертей,

Чтоб не приблизилась лихая сила,
Бежала от тебя, как от огня.
Я ничего у Бога не просила,
Но вот прошу – чтоб ты любил меня,

Такой, как есть: то сдержанной и чинной,
То ветреной и горящей плотью,
А иногда – сердитой беспричинно
И потому готовой уколоть.

...Расцветят небо яркие сполохи,
Короткую рассеивая ночь.
Задев случайно лист чертополоха,
Ты тотчас же отдернешь руку прочь,

Того не зная, что провидец-случай
Тебя нарочно вывел за порог,
Что это я взошла звездой колючей
На перекрестке всех твоих дорог.

Кеша Шпак

Бедный юродивый, Кеша Шпак.
Бледный, уродливый, нескладный.
Он готов сплясать за пятак гопад.
Говорите, нет пятака?
Ну и ладно.

По субботам кормит на площади птиц.
На голове – несуразная кепчонка-корона.
В его бегающих глазках – мутный Стикс,
Только нет оболы –
заплатить Харону.

Пегая бороденка, вечно сопливый нос,
Набок рот, все время дергается щека от
тика.
А он смотрит – прямо в душу, пристально и
всерьез,
Но при этом
не перестает хихикать.

Кеша похож на скворчонка, выпавшего из
гнезда.
Щебечет себе что-то по-птичьему – не умеет
иначе.
Он хохочет и пляшет,
пляшет и хохочет –
почти всегда.
Но иногда плачет.

Дед и внучка

*Мир везде и всюду одинаков.
Александр Межиров*

« Мир везде и всюду одинаков, –
Поучает внучку мудрый Мойше.
– Жаль, но больше нет родимой Польши,
Мы должны покинуть милый Краков.

Не кручинься, будет все в порядке,
Ты и там найдешь себе подружку.
Не забудь любимую игрушку,
Карандаш, учебник и тетрадки».

Всё стучат усталые колеса...
Внучка деда тербит упрямо:
«Что за звездочку пришила мама
К распашонке маленького Йоса?»

«Мы зовем ее звездой Давида... –
Дед заводит долгую беседу.
– Сядь-ка смирно – эка непоседа! –
Мойше даже сердится, для вида. –

Боже мой, какие заусенцы!
Грызла ногти? Плохо мыла руки?»
...А в глазах – полынь вселенской муки.
Вот и всё.
Приехали.
Освенцим.

Последних трамваев стаи

По городу уже который год
Не пролетают певчие трамваи,
Они в депо забытом сбились в стаи,
Чтоб совершить последний перелет

В далекую страну разбитых грез,
В печальный край несбыточных желаний,
Нечаянных чужих воспоминаний,
К несчастью, не воспринятых всерьез.

Бесповоротен путь. Уже пора
Трамваям стать бесформенною грудой.
Прощальный клич вожак их красногрудый
Издавал, перебудив народ с утра.

Услышав этот полный боли крик,
Апофеоз мучительных агоний,
Смахнул слезу натруженной ладонью
Измученный бессонницей старик.

Трамвайный клин взлетает в облака.
Щекочет ноздри едкий запах дыма.
И тает бледный след неотвратимо.
И падает безжизненно рука.

И. К. Айвазовский. Чумаки в Малороссии. 80,5 × 143,3 см. 1880-е г.

Старая фотография

Памяти папы

Фотографом обещанная птичка
Из детства все никак не долетит.
На фото – я, девчонка-невеличка,
И у меня слегка надутый вид.

Фотограф мне рассказывал про птицу,
И я ждала, дыханье затаив.
Но вот уже, готовая скатиться,
Дрожит слеза. И уничтожен миф.

Поник порхавший бабочкою бантик,
Мгновенно потеряв свою красу.
Ах, объяснять не надо, перестаньте!
Я знаю: птички – в поле и в лесу.

Им тесно в рамке фотоаппарата,
Они привыкли к высоте небес.
И я порой персоною *non grata*
Вдруг чувствую себя в стране чудес.

Но и сегодня жду, как в детстве, чуда.
И чудеса случаются – во сне...
А птички – нет, и никогда не будет,
Ее напрасно обещали мне.

Лежит воротничок матроски косо,
И галстук отклонился от прямой.
Устали быть приглаженными косы,
И я устала. Я хочу домой!

А где тот дом? И где родные лица?
Но – стоит на мгновение заснуть –
Ко мне из детства вылетают птицы...
Надеюсь, долетят когда-нибудь.

Графиня «баба Лида»

Памяти няни

Гаснут искры воспоминаний
В опустевшем резном графине...
Не роднёю – простою няней –
Как живется в семье графине?

Шепоток шипит: «Вишь-подишь ты! –
Никакая не “баба Лида”!
Кто не понял – она из “бывших”,
Маскируется – так, для вида»...

Обтрепалось перо на шляпке.
Зубы стиснуты аж до хруста.
Почему так темно и зябко?..
Отчего так на сердце пусто?..

А холодной судьбы осколки,
Словно льдинки, остры... прозрачны...
Лишь девчушка с неровной челкой
Охраняет от мыслей мрачных.

Отдала бы ей все, что было! –
Восемнадцать почти... невесте...
Жаль, нельзя подарить для милой –
Некрещеной – нательный крестик.

...Напевая, звенит посудой...
Насыпает синичкам крошки...
Знает, с мертвой снимать не будут
Бриллиантовые сережки –
Голубой воды диаманты:
«Нате, внученьке вставьте в уши!»

Незабвенны ее таланты –
Согревать, отдавая душу,
И любить беззаветно близких,
И прощать небесам обиды.

На помин о себе – в записке:
«Шереметева.
Баба Лида».

Свисток из абрикосовой косточки

Памяти мамы и друзей детства

И мачта гнется и скрипит...

М. Ю. Лермонтов

Абрикосовый рай моего голопузого детства,
Где живот мне щекочет живительный солнечный сок...
Пальцам, стертым об камень, немало пришлось натерпеться,
Чтоб из косточки вышел залиристо-звонкий свисток.

Превращается в палубу шхуны резная веранда,
Занавески из ситца – в развернутые паруса.
Я свистаю наверх свою лучшую в мире команду,
И на зов мой команда спешит – совершать чудеса:

То отважно сражаться с нещадными злыми штормами,
То, к обеду поближе, кричать облегченно: «Земля-а-а!»
Я заправскому коку – веселой молоденькой маме –
Чуть небрежно машу, возвращаясь на борт корабля.

...Поврежденная мачта надсадно скрипит, но не гнется.
Отчего же горчит абрикосовый сладкий компот?
Если в косточку свистнуть, команда моя соберется...
Вдруг и мама вернется...
Что ж медлю я?
Полный вперед!

И. К. Айвазовский. Утро на море. 1849 г.

Студенческая общага

Памяти друзей молодости

Пока свободою горим...

А. С. Пушкин

Мы пьем не чай из самовара,
А глушим водку – five o'clock
(Утра!). Разбитую гитару
В общагу кто-то приволок.

Горланим песни – Элвис Пресли
Нам позавидовать бы мог.
Для нас не существует «если»,
А лишь «когда» – да в срок, и впрок!

Ответы есть на все вопросы –
Нас Чернышевским не проймешь!
Вахтерша баба Фрося косо
Глядит на наши брюки клеш,

На коротюсенькие платья,
Где «все видать, до срамоты»,
И на «бесстыжие» объяття –
Не под покровом темноты.

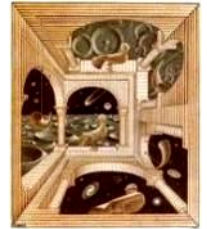
На патлы вместо скромной стрижки,
На подведенные глаза,
«Хвосты», амурные интрижки,
На то, на что смотреть нельзя!

А нам плевать! Мы беспечальны
И в жизнь – взаимно! – влюблены.
Мы так нахально гениальны,
Наивны, юны и пьяны

Своей отчаянной свободой,
Что навсегда обречены
Слагать возвышенные оды
Во славу дружбы и весны.

ПОЭЗИЯ

Ольга Флярковская
(Москва)

Псков – Москва

Эх, Россия... сёла, огоньки,
В сизом небе желтые дымки
Изогнулись, что хвосты кошачьи...
Тянутся болота и леса...
Убранное поле, голоса
Стай последних кличут или плачут.
Зов могу я только угадать
Из окна вагона... Снова гать...
Семафор над лентою дорожной...
Станция с окошками в резьбе...
Малая зарубка на судьбе,
Тихий вздрог предчувствия под кожей,
Память крови – это ли не чушь?!
Но когда едины все пять чувств
В странном узнавании и боли,
Понимаю: потому жива,
Что ломаю сердце на слова,
Словно хлеб октябрьской юдоли...
Здесь ложится горечь на уста,
Здесь обычный счет идет от ста
Километров и потерь военных...
Молчаливо катится состав,
И на север тянутся места,
И комком в груди – стихотворенье...
Порхов, Локня, Жижица... Двина
На маршруте точкою видна.
Чуть мелькнет, и вот – уже разлука...
Псковщины предзимняя тоска
В ломоте у правого виска,
И стоянка на Великих Луках.

Твоя комната

А. Г. Флярковскому

Я ныряю в комнату твою,
Словно утка с льдины – в полынью,
В мир вещей, живущих в тишине.
Образ этой комнаты – во мне.

Твой домашний войлочный пиджак
На привычном месте – добрый знак.
А из белой рамы на меня
Смотрит мама в отблесках огня.

Мама на Монмартре (месяц, год...).
Тот художник был моделью горд...
Твой рояль... он, губы сжав, молчит.
Дождь в окно мелодию стучит.

Стол рабочий ждет знакомых рук,
Над бумагой нотной – лампы круг,
И глядят задумчиво со стен
Пушкин, Шостакович и Шопен.

Я вхожу со шлейфом суеты...
Заливаю каждый раз цветы...
Я хочу понять: а где же ты,
Папочка?

Ленинградка

Завитками позднего ампира
 Стекла разукрасила зима.
 Вымершие гулкие квартиры.
 Лютый холод. Утро. Голод. Тьма.
 Женщина в обмотках... баба Тоня!
 Ты едва бредешь, не чуя ног,
 На твоих руках уже не стонет
 Крохотный двухмесячный сынок.
 Ты как тень среди других страдальцев –
 Еле-еле бьется жизни нить.
 Надо на Смоленском в одеяльце
 Младшего в сугробе схоронить!
 Скрыты звезды напрочь туч рогожей...
 Времени река не льется вспять!
 Бабушка, ах если б было можно
 Вам тепла и хлеба передать!

...путь домой лежит в январской стыни,
 Ни собак. Ни галок. Ни огней.
 Да вовек твое святится имя
 В беспощадной памяти моей...

Изборск

И быстрые, и медленные воды,
 на городище – ветер и простор,
 и ясные прощальные погоды,
 и августа рябиновый убор,
 и робкое дыхание Успенья...
 Три Спаса, отзвонившие зарю.
 Пусть будет все по Твоему хотенью,
 я медленно и тихо говорю.
 Купель охватит обжигом студеным!
 Сгорят грехи, и, в дар от этих мест,
 Блеснет на солнце алый листик клена –
 Родной земли живой нательный крест.

Теплый февраль

Далеко до нового цветения
 с запахами мёда на закате,
 но, проснувшись, щурятся растения
 на Тверском, Никитской и Арбате.
 Куст сирени на Петровских линиях
 воробьиным чивканьем наполнен,
 а в прорехи туч струится синее,
 и теплынь расстегивает молнии.
 Гол и грустен двор на Нижнем Кисловском,
 неприглядны липы на Котельниках,
 но мелькают в Битце белки быстрые
 с рыжими отметами на сереньком.
 Перешли часы на время летнее!
 Капюшоны сбрасывают барышни,
 Глядя, как пичужкам непоседливым
 Раздает по ягодке боярышник...

6 июля

Лист крапивы не жалится,
 Чуть коснувшись руки.
 Аграфена-купальница.
 Заводь тихой реки.

Оглянусь – нет свидетелей?
 Лишь мальки на мели.
 Солнце огненным петелом
 Пыхает вдали.

Сход найду за осокою,
 Окунусь с головой
 В лепетань синеокою
 С животворной водой...

Словно белая горлица,
 Вновь ступлю на траву –
 Кто сегодня омоется –
 Будет год на плаву!

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Август

Тянет нивяник зеленые шейки,
Взгляд колокольчика свеж, как и прежде.
Дождь-непоседа из старенькой лейки
Вымочил луга цветные одежды.

Ягодник август, напевник, рассказчик!
Трудно мне будет с тобою расстаться!
Сыростью тянет из порховской чащи,
Ранит осока неловкие пальцы,

Ноет комар-пустозвон, не смолкая...
Спросите: что тебе дорого в этом?
Может быть, это причуда такая,
Может быть, это такая примета –

Кровью черники окрасив ладони,
Тихо смотреть, как у самой дороги
Аисты ходят, что белые кони,
Пряча в траве голенастые ноги?

Август – скитов потаенных смотритель,
Инок Никандровой пустыни дальней...
Тянутся дней паутинные нити,
Полнит вода ключевая купальни...

Несказанное слово

И мечусь, и мучусь отчего-то,
Кто велел мне: мучайся, изволь?
Здравствуй, незнакомая забота,
Здравствуй, неразгаданная боль.

Верить ли предчувствиям – не знаю,
Но судьбе препятствий не чиню.
Я твой образ в мыслях обнимаю,
А потом, опомнившись, гоню.
Все теперь пугающе и ново,
Я от близких в сердце затаю
Первое несказанное слово,
Слово невозможное: люблю.

И. К. Айвазовский. Ветряная мельница. 1837 г.

ПОЭЗИЯ

Инесса Иванцова
(Москва)

Одуванчиковое

Верно мы с тобой тонкий замысел
В этой книге дня...
В одуванчиковые заросли
Опрокинь меня.
И накрой собой, чтоб не вырваться –
Веткой выгнуться,
И зарыться в тень молодых страниц
Шумных лиственниц.
На сухой траве мы распластаны,
Мы два семечка.
Лето близкое солнцем яростным
Бьет по темечку.
Подчини меня своей зелени
Повелительной,
Пусть некстати все, не ко времени,
Непростительно.
Что мы есть с тобой? Строки длинные,
Рифмы вечные,
Горечь травная, сладость винная,
Ветры встречные.
Пахнет ягодой – то ли *strawberry*,
То ли *blackberry*.
Мы вино с тобой откупорили
Рея Бредбери.
Верно, мы с тобой в этом божьем дне
Пара шуточек –
В желтом умерли, в белом ожили –
Парашютики.
Виноградный куст дикий гнется и
Ломко корчится.
В одуванчиках и начнемся мы,

И закончимся.

Увы, не завтра

Увы, ни завтра, ни днем позже, но
Случится это невозможное.
В какую-нибудь ночь неброскую
Я стану монотонить Бродского,
Взяв томик и забравшись в креселко:
«Когда теряет равновесие
Твое сознание усталое,
Когда ступени...» и так далее,
И, дочитавши до Иисуса, я
Впервые в жизни не запнусь и для
Тоски моей не встречу повода...
Или, быть может, будет холодно –
В один из вечеров декабрьских,
Когда Москва темна и абрисна,
Я в баре с видом на Остоженку
Легко взгляну на то, что прожито.
И закажу бокал глинтвейна и
Молчания благоговейного.
Хотя... Все будет раньше – в августе,
На солнце в двадцать с чем-то градусов.
Всю соль, все голубые сны мои
Жара иссушит, море вымоет.
Или, скорее, грянет в майские –
Небесные столкнутся айсберги,
Раскрошатся над вешним городом,
Я брошу «Шипку» и из комнаты
На воздух выйду в утро раннее...
А может, все случится ранее,
Не далее как в это Вербное

Я разлюблю тебя.

Наверное.

*Любовь моя, цвет зеленый.
Зеленого ветра всплески.
Федерико Гарсиа Лорка*

Девчоночка с мальчишеской фигурой,
Случайная в сегодняшнем бреду,
Идет – легка, как сон, как сон, гипюрна –
И расплетает косы на ходу.

Зеленая, плывет, цветы роняя,
И птицы переходят на фальцет.
Беги, девчонка... Мая, дай мне мая!
Любовь моя, как ты – зеленый цвет.

О Федерико... В яблоко! И семя
Из сердцевины падает в тепло.
Неси, девчонка, мартовское бремя,
Сквозь весь апрель до мая, до тех пор

Пока не станет белый свет зеленым,
Не округлятся формы и пока
Не заструится по набухшим склонам
Молочная неспешная река.

Все сбудется – и гнезда будут свиты,
И вылуплены щуплые стрижи,
И новый вдох со смертью будет квит, и
Уже другая снова побежит

Девчоночка с мальчишеской фигурой,
Легка, как давний сон, как сон, гипюрна.

М.

Весне еще – неделя с гаком,
И снег на талый не похож,
Но, как писал М. А. Булгаков –
Так поражает финский нож.

Так пробивают первоцветы
Замерзший пласт былой зимы,
Так гений своего поэта
Находит в ворохе земных

Людских страстей и словоблудия.
Так и нечаянные мы –
Среди чужих стихов и судеб
Столкнулись посреди Москвы.

Желтела пышная мимоза –
Тревожный, нехороший цвет.
Но поздно. Было слишком поздно –
Любовь пришла.
P. S.
На красный свет

Огромный кот спешил к трамваю –
Кавалерийские усы.
Пруд – сердцевина ледяная,
Мимоза - катышки весны.

Двадцать второе

Двадцать второе. Март в опале,
Дрожит, глядит во все глаза,
Как на качелях Триумфальной
Раскачивается Весна.

Еще подбросит этот варвар
Под ноги инея, да пох..!
Пойдем со мною по бульварам
Смотреть, как зеленеет мох!

Как девственны и несерьезны,
(Читай по кронам и ветвям)
Раскрепощаются березы,
Подмигивая тополям.

День равноденствия вчерашний
Незримую струну задел...
Пойдем гулять до Патриарших,
Легко ступая по воде!

Ты мне расскажешь, каково быть
Поэтом, я же, в свой черед,
Как им не быть, но все же строить
Иллюзии на этот счет.

Затронем, глядя на плывущих
Крыло к крылу двух лебедей,
О прожитом и о грядущем.
А день разжарится сильнее...

Я расстегну свое пальто и
Сниму зеленый палантин,
И без причин (хотя, поди,
Всё кофе мой или мельдоний)

Забьется яблоко в груди,
И ты возьмешь его в ладони.
И ты возьмешь ее в ладони.
И ты возьмешь лицо в ладони...

*Обрести бальзам от муки,
там, у Галаадских гор?»
Каркнул Ворон: «Nevermore!»
Эдгар По. Ворон*

Эвр

Ветер восточный идет, вечных
Противоречий летит Эвр.
Ветер цепляет спинной нерв,
Ткань разрушает, ножи мечет

В яблоко, что налилось чувством,
Сладким, мятежным... Течет плод.
Ветер играет, струну рвет.
Мне б обнаружить твою пустынь,

Преодолеть бы твою сущность –
Дюнное море, сухой Эрг.
Но наступает ордой Эвр,
Крылья ломающий, ось гнущий.

Жаркий кхадим, исполин пришлый –
Эвр, как и ты – одиноко, грубо...
Мне бы сорваться с твоих губ
Именем, шепотом, вкусом вишни.

Мне бы пролить на твои губы
Воду живую, лишить плоть
Воли. И ветер уйдет прочь,
Спрячется ветер в свои трубы.

Дерзкий отшельник, мираж зыбкий,
Дай мне услышать густой тембр,
Тонкой игрой усыпи Эвр –
Чувствуй меня, как свою скрипку!

«...Грезить есть счастье» – как прав Эдгар.
«Счастье есть грезы», – ревет Эвр.
Яблоко ворон клюет: «Never!»
«More! – стонет яблоко, –
More!
Ever!»

ПОЭЗИЯ

Лилия Слатвицкая

(Владимир)

Между нами

Между нами стекло в многоточьях дождя,
недописанных строк полуночный разбег,
города с неизменным фантомом вождя,
перелески, проселки, лампадка в избе,
где баюкает бабка настырный артрит,
а с иконы, чернеющей в верхнем ряду,
Богородица с ней о душе говорит,
утешая, что скоро все хвори пройдут...

Все пройдет, безусловно...
Проходит и дождь.
Начинается ночь, между нами – пробел.
Между нами безмолвия тонкая дрожь,
полигоны и зоны да верст беспредел,
где лежат паутинки певучих дорог,
лесотундра, пустыни, Эльбрус и Казбек,
гигабайты тоски и парсеки тревог,
и лампадка – в другой почерневшей избе...

Через это пространство вселенских скорбей
между нами натянута вроде как нить,
кто придумал ее – не скажу, хоть убей,
но точнее не сказать и прочнее не свить.
Пусть незрима она (да простится мне
штамп!),
но вполне ощутимо мне дарит тепло...
Я пытаюсь кричать, но такая тщета –
до тебя докричаться сквозь это стекло.

Немного о дверях

Стучаться лбом в захлопнутую дверь –
нелепей нет занятия на свете...
Тем паче что за дверью – суховея
по выжженной пустыне безответья...
Бесцветье лет, бесснежье жутких зим,
календарей спрессованные даты,
а лучший лекарь вечно тормозит –
опять заснул под елочкой, поддатый!

Сквозит... сквозит навывлет... На износ
моторчик слева дергается тонко...
Песком у двери высыпан вопрос:
«А вдруг?»... И «Почему?» – ему вдогонку.
И что ж так сладко, сладко – боже мой! –
долбить ее челом, кровавая густо,
не понимая битой головой
что там, за нею – пусто... пусто... пусто.

Не видеть стен, проросших трын-травой,
не слышать колокольного «Доколе?»,
что хрипло издает звонок дверной,
но на него не выйдут... не откроют...
Мусоля память – кладбище потерь,
клепать и клеить старое корыто,
не замечая по соседству дверь,
что для тебя давным-давно

Несовпадение

В твоём Люксембурге осень – красивая, как с картинки,
у вас там и тучи в небе – наверно, с приставкой «люкс».
И музыка с них, конечно, спускается по дождинкам,
слагаясь в святую мессу... А может, в тягучий блюз.

В твоём заповедье дальнем – прилизанном, безупречном,
порядок в первооснове – пожалуй, с пометкой "max"...
Все окна до блеска мыты, и плещется в окнах вечность,
и режется на квадраты твой город ножами трасс.

В твоём зарубежье реки – в гранит как в тиски зажаты,
с истоков им тут знакома и физика твердых тел,
и лирика нежных песен... Подпела бы, только жаль, что
в моем захолустье ближнем поются совсем не те.

Гарнизонные дети

Мы тогда были кто? Гарнизонные дети.
Поезда, переезды – привычное дело...
Подружились с тобой – точно помню, что в
третьем,
и за партией одной года три просидели.
После школы – на велик... Потом в
«вышибалу» –
ты меня защищал от мяча и мальчишек...
А когда разъезжались – на шумном вокзале
подарил мне на память любимого мишку.

Жизнь текла – и ласкала, и била, ломая,
и свела вот опять, как смешные фигурки:
на «афганское» кладбище в праздничном мае
я ношу постаревшего мишку –
для Юрки.

Один день

Прошедший год...
Он был несносным:
то нес пургу, то просто – нес
куда-то влево, высокосно,
с откоса, с насыпи, вразнос.
Он был жестоким и опасным:
бросался бедами, бросал
прицельно, в яблочко – напасти,
сшибал вестями наповал.
Он бил наотмашь – беспрестанно,
он бредил, вскрикивал, молчал...

Но все же, знаешь, как ни странно,
я остро чувствую сейчас,
что в этом, будто угорелом,
с цепи сорвавшемся году,
был тихий остров – день в апреле,
и я опять в него иду,
чтоб там пропасть, на те пятнадцать,
у года отнятых минут,
где ты и я... Где длятся, длятся
слова, что этот год спасут.

про ежика

*(вместо эпиграфа)
 есть такой знак, предупреждающий:
 1.16 «Неровная дорога»*

позади – не то чтоб морок, непролазный, непреложный,
 где хоть глаз коли иголкой, не увидишь ни шиша...
 не кисель, и не трясины, не гнилое бездорожье –
 так, районного масштаба разухабистый большак.
 что там было? да неважно... как у всех: страна родная,
 рама – мыта, рощи – голы, считан в поле колосок,
 вышел ежик из тумана, прямо в душу окуная
 лапку тонкую босую, туесок – наискосок...

впереди – не то чтоб роскошь автобанов монотонных,
 где уснуть, не дернув глазом – не последний вариант...
 там, за первым поворотом, непременно, неуклонно –
 двадцать пять колдобин новых – знай выкруливай, курсант!
 ты и рад бы сбросить скорость, пробираясь осторожней –
 где там! время мчит под горку, как сдуревший грузовик!
 и летишь вперед, послушный, лишь одно тебя тревожит:
 «только б ежика меж кочек впопыхах не раздавить!»

О ненависти

Она ненавидит свой город и этим гордится.
 Он кажется ей желтобрюхим дряхлеющим зверем,
 который дополз до реки, до желанной водицы,
 да так и лежит, чувство жажды не в силах умерить.

Она ненавидит размашисто и с перспективой,
 вибрируя фибрами в непостижимой обиде,
 и пишет стихи – обязательно с ненормативом,
 чтоб слышали все, как умеет она ненавидеть!

Чтоб видели все: ей обрыдли проплешины скверов,
 кривулицы-улицы, площадь с вождем запыленным...
 И вот в январе уезжает – в столицу, наверно, –
 и дремлет в вагоне под тук-перестук монотонный.

Вдали остается перрон, и парнишка притихший,
 («Достал, идиот! Сколько можно посмешищем бегать?!»)
 и надпись на льду, под мостом: «Оставайся, Ириша!!!»,
 что вытоптал он накануне по свежему снегу...

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Она и не знает пока, что в «прекрасном далёко»
горячую ненависть выстудит северный ветер,
и больше всего ей захочется к теплomu боку
того желто-белого, лучшего зверя на свете,

который моргает сейчас добрым светом из окон
и щурится вслед близоруко –
всевидающим оком.

И. К. Айвазовский. Ледяные горы. 1870 г.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

BazArt

К 120-летию со дня смерти Ивана Константиновича Айвазовского

Алёна Грошева
(Одесса)

Родилась в Донецке, окончила Донецкий Национальный университет. Филолог, автор публикаций⁶ об И. К. Айвазовском. Публикуемый материал написан для сайта Артхив (<https://artchive.ru/>), который объединяет современных художников, галереи и ценителей живописи.

«РАДУГА» ИВАНА АЙВАЗОВСКОГО

Картина Айвазовского «Радуга», ставшая новшеством не только для самого художника, но и новым словом в развитии русского живописного искусства, изначально планировалась автором как очередной шторм и называться должна была соответственно. Собственно, подобный «Шторм» он написал годом раньше.

И. К. Айвазовский. В бурю. 1872 г.

Изображения шторма у Айвазовского были и будут еще, но такой картины он до этого не писал, да и никто не писал. Павел Третьяков был в дружеских отношениях с Айвазовским, но работы его приобретал очень и очень выборочно: «...дайте мне Вашу волшебную воду такую, которая вполне бы передала Ваш бесподобный талант. Простите, что пишу Вам, но уж очень хочется поскорее иметь Вашу картину в своей коллекции».

«Радуга» Айвазовского стала такой водой, Третьяков ее купил практически сразу после выставки в Императорской Академии художеств.

⁶ https://artchive.ru/publications/1826~Tekhnicheskij_vopros_Kak_Ajvazovskij_pisal_kartiny_i_kak_ikh_pravil'no_smotret'

И. К. Айвазовский. Радуга. 1873 г.

Перед нами, казалось бы, стандартный для Ивана Константиновича сюжет: разыгравшаяся буря, лодочка с людьми, кажущаяся на волнах ореховой скорлупкой. Фигуры людей, которые можно рассмотреть подробнее. Шлюпка несется в разъяренном море, впереди берег, который может быть или спасением, или гибелью – если лодку разобьет о выступающие скалы. На корме впередсмотрящий, за ним человек с веслом, готовый по первому слову поворачивать. Ну или пытаться повернуть – управляет всем тут явно не весло, а само море. Различимы фигурки людей, вжимающихся в дно лодки, пытающихся удержаться в ней. А один внезапно машет шляпой – с чего бы это? И где же, собственно, радуга? Ее-то, похоже, и увидел человек со шляпой. Радуга, воцарившаяся на небе, после Всемирного потопа, означала благословение и прощение Бога. Радуга, возникающая над морем в непогоду, означает окончание шторма. Осталось продержаться несколько минут, спасение близко.

Сюжет-то на картине Айвазовского «Радуга» стандартный, но исполнение виртуозное. Искусствовед Николай Барсамов считает, что это полотно – новшество не только для самого художника, но и новое слово в развитии русского живописного искусства вообще. Если сравнивать ее с предыдущими штормами и бурями, эта картина покажется бледноватой, странно светлой. Вместо привычных ярких красок – тончайшие оттенки голубых, зеленых, розовых и лиловых цветов. Сама радуга на картине Айвазовского – едва заметная, прозрачная (внимательно смотрим на левый край холста).

Радуга как природное явление – объект, в изображении которого можно дать волю декоративности, но не здесь, не в этот раз. Почему мы всё видим словно сквозь водную пелену? Почему изображение такое светлое, а шторм настолько «не декоративен»? Да потому, что безжалостный автор швыряет зрителя в эпицентр бури, мы наблюдаем

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

происходящее изнутри, а не смотрим на ураган со стороны. Именно этим обусловлен сияющий мягкий колорит, «жемчужность» изображения и водоворот, в который зритель с первого взгляда оказывается вовлечен.

И. К. Айвазовский. Буря на море ночью. 1849 г.

Это даже не вопрос чуткости восприятия, все решено за нас: это наши глаза застыт соленые брызги, это мы взлетаем вместе со шлюпкой среди разъяренных, бушующих и вместе с тем ликующих волн. Обычно Иван Константинович начинал картину с неба, причем изображал его всегда в один заход. Непонятно, как Айвазовский писал «Радугу», потому что водная и небесная стихии здесь слиты воедино и горизонт отсутствует.

Как правило, художник помещал свои работы в золоченые рамы. К картине «Радуга» Айвазовский заказал черную раму. Почему? Золотой цвет тут неуместен, он бы сливался с сиянием самой картины. А так сохранен максимальный эффект: из черноты рамы, из тьмы бури вспыхивает радуга. Рама контрастирует с цветом этого шторма, этого грандиозного стихийного явления, и не о бедствии, а о надежде оно говорит. Символ надежды – птица – летит к берегу. Символ спасения – радуга – раскинулась на все еще грозном небе. Мощь и упоение этой мощью не требуют золотистых рам, пусть будет простое обрамление, чтобы радуга сияла ярче.

Марина Мацкевич, заведующая сектором эстетического развития детей в Третьяковской галерее, отмечала, что возле этой картины очень полезно проводить арт-терапевтические занятия с детьми. Даже то, какие чувства она вызывает – а их спектр чрезвычайно многообразен, от ужаса до эйфории, – может многое рассказать о состоянии смотрящего.

А вы что видите, когда смотрите на картину «Радуга» Ивана Айвазовского? От чего дух захватывает – от ужаса или безудержного ликования?

Штрихи к портрету: 10 веселых и грустных историй об Айвазовском

Алексей Тыранов.

*Портрет Ивана Айвазовского (фрагмент). 1841 г.
Третьяковская галерея, Москва*

Когда Ованес Гайвазовский вырос и стал именоваться Иваном Айвазовским, он побывал и сам в тех краях, где сплошь земля, а моря нет: учился в Петербурге, странствовал по границам, путешествовал по степям Украины. Но своему правилу: человеку без моря – никак, не изменил; бросил все и уехал в Феодосию.

Он устроил хаос в Ватикане, был принят в Петербурге за маляра, не верил в существование земли без моря, рисовал этикетки для шампанского, кружил головы великолепным женщинам и был почитаем как крымский Робин Гуд. Жизнь Ивана Айвазовского порой кипела подобно волнам на его картинах.

У Айвазовского имелись свои представления о географии, и такой абсурд, как суша без моря, в них не укладывался. В восьмилетнем возрасте услышав от отца, что есть такие места, где одна земля, а моря вообще нет, категорически отказался верить в реальность эдакого кошмара. Быть такого не может по трем причинам: а) потому что не может быть никогда; б) а корабли как же тогда передвигаться будут? Кораблю без моря никак! в) и еще важнее – человеку в этом всем как жить? Человеку без моря тем более никак...

В Италии Айвазовский создал такой «Хаос», что даже Папа Римский оказался впечатлен

Речь о великолепном полотне в нехарактерном для Айвазовского мистическом жанре. Вдохновившись библейской строкой: «...и Дух Божий носился над водою», он воплотил ее на холсте. Картину пожелал приобрести Папа Римский Григорий XVI. Не один день мастерскую Айвазовского посещали бесконечные процессии, состоящие из прелатов, кардиналов и прочих высокопоставленных особ. Не замеченные до той поры в особом пристрастии к русскому искусству, все эти комиссии не смогли отыскать в работе изъяны, которые бы сделали ее недостойной галереи Ватикана.

И. К. Айвазовский.

Хаос. Сотворение мира. 106 × 75 см. 1841 г.

Папа приобрел картину, а Айвазовского наградили Золотой медалью, что утвердило его славу как чудотворца кисти. Гоголь, с которым Айвазовский сдружился в Риме, отлично скаламбурил по этому поводу: «Исполать тебе, Ваня! Пришел ты, маленький человек, с берегов далекой Невы в Рим и сразу поднял хаос в Ватикане! И ведь что обидно, подыми я в Ватикане хаос, мне бы в шею за это дали, писаке, а Ване Айвазовскому дали золотую медаль...»

**Великий живописец, покоритель Европы, гордость Отечества,
обладатель всевозможных почестей и медалей?
Малярам сдавать жильё не велено!**

Летом 1844 года Айвазовский вернулся в Санкт-Петербург из заграничного турне. За время своих странствий он прославил и свое имя, и русское искусство. Он признан в Италии, Голландии, Англии, Франции, Испании, а в Петербурге ему собираются дать звание академика (и ведь дадут), а также причислить к Главному Морскому штабу первым живописцем. Художник ищет мастерскую. Средств у него хватает, поэтому помещение он желает просторное, в самом центре. Находит подходящий вариант на улице Караванной, не торгуясь, соглашается на назначенную цену, собирается оставить задаток... И эта щедрость кажется подозрительной дворнику, показывавшему помещение. Он требует назвать род занятий потенциального постояльца, и услышав ответ: «Живописец Айвазовский», отнюдь не просит автограф, а отказывает художнику в сдаче квартиры («фатеры»).

И. К. Айвазовский.

Автопортрет. 226 × 158 см. 1892 г.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

На удивленный вопрос Айвазовского отвечает: «Хозяйка строго-настрого запретила пущать в дом мастеровых. Еще вчера портному отказала!» Никакие аргументы насчет «известного художника» не сработали. Дворник упорно стоял на своем: «Понимаем мы это, а все же, значит, мастеровые по малярному цеху. Фатеру загрязните так, что после и не очистишь. Нет уж, извините, а сдать фатеру не могу-с».

Айвазовскому довелось ночевать в комнате-музее Байрона на острове Святого Лазаря в Венеции

Брат художника, Гавриил, выбрал церковный путь. Когда Иван Айвазовский приезжал к нему на остров Святого Лазаря, его поселили в комнате, в которой останавливался Байрон. Эту комнату в монастыре сохраняли как музей. Все в ней оставалось таким, каким было при визите поэта.

Чсть остановиться в ней выпадала редким счастливицам и считалась знаком особого уважения лазаритов. Молодой художник был очень взволнован этим фактом, ему казалось, что таким образом он получает благословение поэта-романтика. В чем-то это справедливо: Айвазовский мог быть мистиком, мог – реалистом, но природа его таланта очевидно романтическая. Примечательно, что именно после ночи, проведенной в комнате Байрона, и утренней долгой беседы с братом художник окончательно решил изменить свою фамилию, убрав букву «Г» и став из Гайвазовского Айвазовским.

И. К. Айвазовский. Посещение Байроном мхитаристов на острове Св. Лазаря в Венеции. 133 × 218 см. 1899 г.

Айвазовский был очень хлебосольным хозяином

Он любил принимать гостей у себя дома, радовался визитерам, с восторгом их встречал. Что примечательно, гости у него бывали самые разные по происхождению, социальному положению, роду занятий. Как-то одновременно гостили известный скрипач Венявский и нечистый на руку коммерсант, с которым Венявский напрочь отказался знакомиться.

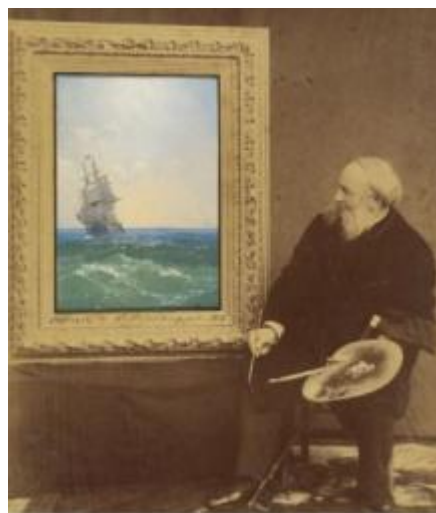
Дом Айвазовского в Феодосии. Фото из альбома, хранящегося в фондах Феодосийской картинной галереи

Впрочем, гости любых рангов и сословий могли столкнуться с тем, что через несколько дней за обедом приветливый хозяин сообщал, что велел заложить лошадей... И вовсе не потому, что гости надоели. Просто ему жизненно необходимо было работать, писать, а для этого требуется уединение без отвлекающих факторов. Есть подозрение, что гости в такие моменты не очень комфортно себя чувствовали.

Айвазовский умел удивить гостей десертом

Нередко художник вместе с поваром продумывал меню для приемов и банкетов. В его доме часто подавали шампанское, к которому маэстро питал слабость. Ему было не лень на место фабричной этикетки наклеить собственноручно изготовленную. Как правило, на этикетках «от Айвазовского» оказывались какие-то особо «бурлящие» марины, чаще всего «Девятый вал».

На пятидесятилетие художника был организован пышный банкет. Ближе к его завершению Айвазовский встал и произнес: «Господа, я приношу вам свои извинения. Мой повар забыл про десерт! Поэтому вам придется отведать блюдо моего приготовления». Гостям подали маленькие подносы, на каждом из которых лежал небольшой пейзаж от Айвазовского.

Фотография Ивана Айвазовского 1893 года со вставленной в раму настоящей, написанной маслом картиной 10,6 × 7,3 см. Это фото, «инкрустированное» живописью, предназначалось Галусту Гульбенкяну, британскому финансисту и коллекционеру. Сейчас снимок с сюрпризом хранится в Метрополитен-музее.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Кстати, в русской живописи был и настоящий кондитер. Василий Тропинин учился мастерству приготовления сладостей в Петербурге. Не по своей воле, а по распоряжению хозяина, ведь Тропинин до 47 лет оставался крепостным, вот и приходилось баловать господ пирожными и суфле.

Айвазовский первым обратил пристальное исследовательское внимание на холмы в окрестностях Феодосии и Керчи

Ему показалось, что у них явно искусственное происхождение. На собственные средства он организовал раскопки, а после выстроил здание Археологического музея. В ходе раскопок обнаружили интересные находки. В частности, в одном из имений Айвазовского, деревне Шейх-Мамай, нашли человеческие останки, и место это можно было считать местом захоронения Мамаю. Впрочем, до сих пор нет достоверных доказательств, что могила Мамаю находится именно здесь, и сенсационные сообщения о том, что вот теперь-то она найдена по-настоящему, появляются и поныне.

Тем не менее на месте возможной могилы ордынского темника Айвазовский соорудил беседку, чтобы в ней «размышлять о бренности человеческой жизни». Подтверждая эту бренность, в 1917 году имение вместе с беседкой сгорело. Современные исследования показали, что поселение Шейх-Мамай входило в состав античной хоры Феодосии с 60-х годов III века до нашей эры. Сейчас это село называется Айвазовское.

И. К. Айвазовский. Крымский вид. 46 × 69 см. XIX век

**Все женщины Айвазовского, о которых известно общественности,
чем-то да необычны**

И. К. Айвазовский
Анна Никитична Бурназян-Саркизова,
вторая жена И. К. Айвазовского. 73 × 62 см. 1882 г.

Альфред Эдвард Шалон.
Мария Тальони в балете «Зефир и Флора»
Шарля Луи Дидло. 1831 г.

Первая жена – гувернантка Юлия Гревс. Сам Айвазовский к тому времени был одним из самых завидных женихов Санкт-Петербурга. Вторая жена, Анна Саркизова, младше его почти на 40 лет. Но была еще одна женщина, которая тоже достойна упоминания. Балерина Мария Тальони, старше Айвазовского на 13 лет.

История их отношений, по сути, зиждется на легендах, но до чего красивы эти легенды. Мария Тальони помогла подняться Айвазовскому, когда, задетый ее экипажем, он упал на дороге. Во вторую встречу он получил билет на ее представление. После представления Мария бросила ему один из букетов, которыми ее осыпали поклонники. Когда он приехал в Италию, две картины на его выставке купила Мария... И оставила билет на свое представление. Наконец личная встреча, долгая прогулка, завершившаяся дома у Марии, и – много счастья, любви, живописи, балета. Он мечтал быть всегда рядом, предлагал Марии руку и сердце. И получил отказ – она не хотела ни для него стать со временем обузой, ни в своем сердце отдать кому-то такое же место, какое в нем занимал балет. Но если верить легендам, на память о первой возлюбленной у Айвазовского на всю жизнь осталась ее розовая балетка. Когда художник умер, его жена Анна первым делом сожгла эту балетку.

Технический вопрос. Как Айвазовский писал картины и как их правильно смотреть

(в соавторстве с Натальей Кандауровой)

За счет чего море Айвазовского такое живое, дышащее и прозрачное? Что является осью любой его картины? Куда нам смотреть, чтобы насладиться его шедеврами в полной мере? Как он писал: долго ли, коротко ли, радостно или мучительно? И какое отношение к Айвазовскому имеет импрессионизм?

Конечно, Айвазовский родился гением. Но было еще ремесло, которым он владел блестяще, и в тонкостях которого хочется разобраться. Итак, из чего же рождались морская пена и лунные дорожки Айвазовского?

«Секретные краски», волна Айвазовского, лессировка

Иван Крамской писал Павлу Третьякову: «Айвазовский, вероятно, обладает секретом составления красок, и даже краски сами секретные; таких ярких и чистых тонов я не видел даже на полках москательных лавок». Некоторые секреты Айвазовского дошли до нас, хотя главный вовсе не тайна: чтобы так писать море, нужно родиться у моря, прожить подле него долгую жизнь, за которую так и не пресытятся им.

И. К. Айвазовский. Буря у скалистых берегов. 73 × 102 см. 1875 г.

Крамской говорит о ярких и чистых тонах, однако обратим внимание: у Айвазовского мы не найдем так называемых локальных цветов (когда объект изображается в присутствии ему цвете без учета влияния на него воздушной среды и окружающих предметов). Цвет у Айвазовского не самоценен, он – способ, и всегда соответствует общей красочной гамме, является частью целого, выдержан в общем строе. При этом особую яркость часто обеспечивают резкие контрасты, в которых все элементы усиливают звучание друг друга.

Знаменитая «волна Айвазовского» представляет собой вспенившуюся, почти прозрачную морскую волну, по ощущениям – движущуюся, стремительную, живую. Прозрачности художник достигал, используя технику лессировки, то есть нанося тончайшие слои краски друг на друга. Айвазовский предпочитал масло, но нередко его волны кажутся акварельными. Именно в результате лессировки изображение приобретает эту прозрачность, причем цвета кажутся очень насыщенными, но не за счет плотности мазка, а за счет особой глубины и тонкости. Виртуозная лессировка в исполнении Айвазовского – отрада для коллекционеров: большинство его картин в прекрасном состоянии – тончайшие красочные слои меньше подвержены растрескиванию.

Писал Айвазовский стремительно, часто создавал работы за один сеанс, поэтому у его техники лессировки были авторские нюансы. Вот что пишет об этом Николай Барсамов, многолетний директор Феодосийской картинной галереи и крупнейший знаток творчества Айвазовского: «...воду он иногда лессировал по полусухому подмалёвку. Часто художник лессировал волны у их основания, чем придавал глубину и силу красочному тону и достигал эффекта прозрачной волны. Иногда лессировками утемнялись значительные плоскости картины. Но лессировка в живописи Айвазовского не была обязательным последним этапом работы, как это было у старых мастеров при трехслойном методе живописи. Вся живопись у него в основном проводилась в один прием, и лессировка часто применялась им как один из способов наложения красочного слоя на белый грунт при начале работы, а не только как завершающие прописки в конце работы. Лессировкой художник иногда пользовался на первом этапе работы, покрывая полупрозрачным слоем краски значительные плоскости картины и используя при этом белый грунт холста как светящуюся подкладку. Так иногда писал он воду. Умело распределяя красочный слой различной плотности по холсту, Айвазовский достигал правдивой передачи прозрачности воды».

К лессировкам Айвазовский обращался не только при работе над волнами и облаками, с их помощью он умел вдохнуть жизнь и в сушу. «Землю и камни Айвазовский писал грубыми щетинистыми кистями. Возможно, что он их специально подрезывал, чтобы жесткие концы щетины оставляли борозды на красочном слое, – рассказывает искусствовед Барсамов. – Краска в этих местах обычно положена плотным слоем. Как правило, Айвазовский почти всегда лессировал землю. Лессировочный (более темный) тон, попадая в борозды от щетины, придавал своеобразную живость красочному слою и большую реальность изображенной форме».

Что же до вопроса, откуда краски, известно, что в последние годы он покупал краски берлинской фирмы «Mewes». Все просто. Но имеется еще и легенда, будто бы Айвазовский покупал краски у Тёрнера. На этот счет можно сказать только одно: теоретически это возможно, но даже если так – Айвазовский точно не написал тёрнеровскими красками все 6000 своих работ. И ту картину, которой впечатленный Тёрнер посвятил стихотворение, Айвазовский создал еще до знакомства с великим британским маринистом.

И. К. Айвазовский.
Неаполитанский залив в лунную ночь.
92 × 141 см. 1842 г.

«На картине твоей вижу луну с ее золотом и серебром, стоящую над морем, в нем отражающуюся. Поверхность моря, на которую легкий ветерок нагоняет трепетную зыбь, кажется полем искорок. Прости мне, великий художник, если я ошибся, приняв картину за действительность, но работа твоя очаровала меня и восторг овладел мною. Искусство твое вечно и могущественно, потому что тебя вдохновляет гений», – стихотворения Уильяма Тёрнера о картине Айвазовского «Неаполитанский залив в лунную ночь».

Главное – начать, или В темпе Айвазовского

Айвазовский всегда начинал работу с изображения неба, причем писал его в один прием – это могли быть и 10 минут, и 6 часов. Свет в небе он рисовал не боковой поверхностью кисти, а ее торцом, то есть «освещал» небо многочисленными быстрыми прикосновениями кисти. Небо готово – можно отдохнуть, отвлечься (впрочем, такое он позволял себе только с картинами, на которые уходило достаточно много времени). Море же мог писать и в несколько заходов.

И. К. Айвазовский. Среди волн. 284 × 429 см. 1898 г.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Долго работать над картиной в представлении Ивана Айвазовского – это, к примеру, писать одно полотно 10 дней. Именно столько понадобилось художнику, которому на тот момент исполнился 81 год, чтобы создать свою самую большую картину – «Среди волн». При этом, по его признанию, вся его жизнь была подготовкой к этой картине. То есть работа потребовала максимума усилий от художника – и целых десять дней. А ведь в истории искусства нередки случаи, когда картины писались по двадцать и более лет (например, Федор Бруни писал своего «Медного змия» 14 лет, начал в 1827-м, а закончил в 1841-м).

В Италии Айвазовский в определенный период сошелся с Александром Ивановым, тем самым, который писал «Явление Христа народу» 20 лет, с 1837-го по 1857-й. Они даже пытались вместе работать, но довольно скоро повздорили. Иванов мог месяцами трудиться над этюдом, пытаясь добиться особой точности тополиного листочка, Айвазовский же успевал за это время исходить все окрестности и написать несколько картин: «Писать тихо, корпеть месяцы не могу. Не отхожу от картины, пока не выскажусь». Столь разные таланты, разные способы творить – каторжный труд и радостное любование жизнью – не могли долго держаться рядом.

Иван Айвазовский рядом со своей картиной. Фотография 1898 года

Айвазовский у мольберта

«Обстановка мастерской отличалась исключительной простотой. Перед мольбертом стоял простой стул с плетеным камышовым сиденьем, спинка которого была залеплена довольно толстым слоем краски, так как Айвазовский имел привычку закидывать руку с кистью за спинку стула и, сидя в пол-оборота к картине, оглядывать ее», – из воспоминаний Константина Арцеулова, внука Айвазовского, который тоже стал художником.

Творчество как радость

Муза Айвазовского (извините нам эту высокопарность) – радостна, а не мучительна. «По легкости, видимой непринужденности движения руки, по довольному выражению лица, можно было смело сказать, что такой труд – истинное наслаждение», – это впечатления чиновника Министерства императорского двора, литератора Василия Кривенко, наблюдавшего за тем, как Айвазовский работает.

Айвазовский, безусловно, видел, что для многих художников их дар – то ли благословенье, то ли проклятье, иные картины пишутся едва ли не кровью, истощая и выматывая своего создателя. Для него же подходить с кистью к холсту всегда было самой большой радостью и счастьем, он обретал особую легкость и всемогущество в своей мастерской. При этом Айвазовский внимательно прислушивался к дельным советам, не отмахивался от замечаний людей, которых ценил и уважал. Хотя не настолько, чтобы поверить, что легкость его кисти есть недостаток.

Пленэр VS мастерская

О важности работы с натурой в те годы не твердил только ленивый. Айвазовский же предпочитал с природы делать мимолетные наброски, а писать в мастерской. «Предпочитал», пожалуй, не совсем точное слово: дело не в удобстве, это был его принципиальный выбор. Он считал, что невозможно изобразить с природы движение стихий, дыхание моря, раскаты грома и сверкание молнии – а именно это его интересовало. Айвазовский обладал феноменальной памятью и своей задачей «на натуре» считал впитывать происходящее. Ощущать и запоминать, для того чтобы, вернувшись в мастерскую, выплеснуть эти ощущения на холст, – вот зачем нужна натура. При этом Айвазовский был великолепным копировальщиком. Во время обучения у Максима Воробьева он продемонстрировал это свое умение в полной мере. Но копирование – хоть чьих-то картин, хоть природы – представлялось ему делом несравнимо меньшим, чем то, на что он способен.

**И. К. Айвазовский. Бухта Амальфи в 1842 году.
Набросок. 1880-е гг.**

**И. К. Айвазовский. Побережье в Амальфи.
71 × 105 см. 1841 г.**

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

О стремительной работе Айвазовского и о том, что представляли из себя его наброски с натуры, оставил подробные воспоминания художник Илья Остроухов: «С манерой выполнения художественных работ покойным знаменитым художником-маринистом Айвазовским мне пришлось случайно ознакомиться в 1889 году, во время одной из моих зарубежных поездок, в Биаррице. Приблизительно в одно и то же время, в какое я прибыл в Биарриц, приехал туда и Айвазовский. Почтенному художнику было уже тогда, как помнится, лет этак за семьдесят... Узнав, что я хорошо знаком с топографией местности, [он] тотчас же потянул меня на прогулку по океанскому берегу. День был бурный, и Айвазовский, очарованный видом океанского прибоя волн, остановился на пляже...

Не спуская глаз с океана и ландшафта далеких гор, он медленным движением достал свою крохотную записную книжку и нарисовал всего лишь три линии карандашом – очертание далеких гор, линию океана у подошвы этих гор и линию берега от себя. Потом мы пошли с ним дальше. Пройдя около версты, он снова остановился и сделал такой же рисунок из нескольких линий в другом направлении.

– День пасмурный сегодня, – сказал Айвазовский, – и вы мне, пожалуйста, скажите только, где у вас здесь восходит и заходит солнце.

Я указал. Айвазовский поставил в книжке несколько точек и спрятал книжку в карман.

– Теперь пойдете. Для меня этого достаточно. Завтра я нарисую океанский прибой в Биаррице.

На другой день действительно были написаны три эффектные картины морского прибоя в Биаррице: утром, в полдень и при закате солнца...»

И. К. Айвазовский. Биарриц, 18 × 27 см. 1889 г.

Солнце Айвазовского, или При чем тут импрессионизм

Армянский художник Мартирос Сарьян заметил, что какую бы грандиозную бурю Айвазовский ни изображал, в верхней части холста всегда сквозь скопление грозных туч будет пробиваться луч света – иногда явственный, иногда тонкий и едва заметный: «Именно в нем, этом Свете, и заключен смысл всех изображенных Айвазовским бурь».

Если это солнце, то оно осветит самую черную бурю, если лунная дорожка, то заполнит своим мерцанием все полотно. Мы не собираемся называть Айвазовского ни импрессионистом, ни предтечей импрессионизма. Но процитируем слова мецената Алексея Томилова – он критикует картины Айвазовского: «Фигуры пожертвованы до такой степени, что не распознать: на первом плане мужчины это или женщины (...) красуется воздух и вода».

***И. К. Айвазовский. Буря на Северном море.
269 × 195 см. 1865 г.***

И. К. Айвазовский. Девятый вал. 221 × 332 см. 1850 г.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Об импрессионистах мы говорим, что главные герои их картин – цвет и свет, одна из основных задач – передача световоздушной массы. В работах Айвазовского на первом месте – свет, и, да, совершенно верно, воздух и вода (в его случае это о небе и море). Всё прочее выстраивается вокруг этого главного.

Он стремится не просто правдоподобно изобразить, но передать ощущения: солнце должно сиять так, чтобы хотелось зажмуриться, от ветра зритель съжится, от волны отпрянет в испуге. Последнее, кстати, проделал Репин, когда Айвазовский внезапно распахнул перед ним дверь комнаты, за которой вставал его «Девятый вал».

Как смотреть на картины Айвазовского

Художник дал совершенно однозначные рекомендации: следует искать на холсте самую яркую точку, источник света, и, пристально всмотревшись в нее, скользить взглядом по холсту. К примеру, когда его упрекали, что «Лунная ночь» не закончена, он утверждал, что если зритель «обратит главное внимание на луну и постепенно, придерживаясь интересной точки картины, взглянет на прочие части картины мимоходом, и сверх этого, не забывая, что это ночь, которая нас лишает всяких рефлексий, то подобный зритель найдет, что эта картина более окончена, нежели как следует».

Иван Айвазовский не из тех художников, которые теряют вдохновение в процессе и бросают работы неоконченными. Но однажды такое случилось и с ним – он не дописал полотно «Взрыв корабля» (1900). Помешала смерть. Эта неоконченная работа особенно ценна для исследователей его творчества. Она позволяет понять, что художник считал главным на картине, с проработки каких элементов начинал. Мы видим, что Айвазовский начал с корабля и пламени взрыва – того, что возьмет зрителя за душу. А детали, по которым зритель будет просто скользить глазами, художник оставил на потом.

***И. К. Айвазовский. Лунная ночь в Крыму. Гурзуф.
101 × 136,5 см. 1839 г.***

И. К. Айвазовский. Лазоревый грот. Неаполь. 74 × 100 см. 1841 г.

Современного зрителя порой обескураживает интенсивный колорит полотен Айвазовского, его яркие, бескомпромиссные краски. Этому есть объяснение. И это вовсе не дурной вкус художника.

Сегодня на картинах Айвазовского мы смотрим в музеях. Часто это провинциальные галереи, с обветшалым интерьером и без специального освещения, которое заменяет свет из окна. Но при жизни Айвазовского его картины висели в богатых гостиных и даже во дворцах. Под лепными потолками, на отделанных роскошными шпалерами стенах, в свете люстр и канделябров. Вполне возможно, художник заботился о том, чтобы его картины не потерялись на фоне пестрых ковров и мебели с позолотой.

Знатоки говорят, что ночные пейзажи Айвазовского, которые нередко выглядят простовато при скудном естественном освещении или под редкими лампами, оживают, становятся таинственными и благородными, какими их задумывал художник, если смотреть на них при свечах. Особенно те картины, которые Айвазовский при свечах и писал.

BazArt

Картинки с выставки

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

水墨最為上。 ТУШЬ ПРОСТАЯ ВЫШЕ ВСЕГО⁷

Год назад я получил письмо от русиста и переводчика, профессора Нанькайского университет Гу Юя (谷羽), который сообщил мне, что перевёл на китайский язык 10 моих стихотворений. Гу Юй разыскал меня через журналистку и поэтессу Ли Цуйвэнь (李翠文), которая больше 20 лет работает в Москве. Тогда же, год назад мы с Ли Цуйвэнь познакомились вживую, встретившись в библиотеке им. Платонова на семинаре МОССАЛИТА о малых жанрах в поэзии и прозе. С тех пор мы с Ли Цуйвэнь провели целый тур выступлений на разных встречах и литературных вечерах, в которых звучали стихи по-русски и по-китайски: 6 раз в литературном клубе «Подвал №1», 2 раза в Отделе Китая Института востоковедения РАН, на Фестивале Литературного Эксперимента (ФЛЭ) у Александра Бубнова и в Союзе литераторов. В «Московском BAZARE» русско-китайские и китайско-русские стихи появились во всех двух номерах 2019 года: апрельском и октябрьском. А летом мы с Ли Цуйвэнь издали книгу. Это книга-билингва и книга-перевёртыш. С одной стороны она называется «118 стихотворений Игоря Бурдонова в переводе Гу Юя 布尔东诺夫诗147首谷羽译», а с другой стороны: «文心诗18首布尔东诺夫译 18 стихотворений Вэнь Синь в переводе Игоря Бурдонова». Вэнь Синь (文心) – это литературный псевдоним Ли Цуйвэнь.

А в сентябре 2019 я поехал в Китай. Это было третье путешествие в Китай, каждый раз 16 дней и 6 человек. А точнее, 7, потому что каждый раз нашу поездку организовывала и сопровождала нас замечательный гид и красивая женщина Мин Хайчжэнь (明海珍). Для русских она взяла себе имя Наташа. Нанькайский университет находится в г. Тяньцзинь — это 100 км от Пекина, население 14 млн. Там мы встретились с Гу Юем и его другом, профессором Политехнического университета и каллиграфом Хао Эрци. Потом было посещение могилы великого поэта Тао Юань-мина в горах Лушань в провинции Цзянси. Потом был домик великого танского поэта Ду Фу в Чэнду в Сычуани. И много другого, о чём я рассказывать сейчас не буду.

Уже зимой я написал картины и под эгидой МОССАЛИТА устроил выставку в библиотеке им. А. Платонова. Дело было так. Пекинская Наташа подарила мне прекрасную бумагу, а Гу Юй — набор остальных трёх из «четырёх драгоценностей кабинета учёного» (文房四宝): кисти, тушь и тушечницу. Там ещё была киноварь для печатей. Одна печать у меня была раньше, я сам её придумал. Сначала просто резиновый штамп, но в первой поездке в Китай мне её вырезали, как полагается, из камня в городе Гуйлинь в Гуанси-Чжуанском районе Китая. Это маленькая квадратная печать внизу картин. Другую печать, побольше и продолговатую, которая видна в верхней части картин, вырезали в сентябре 2019 в старом городе Лицзян провинции Юньнань. На ней написано: «Учусь у господина Пяти ив» — это значит «Учусь у Тао Юань-мина». Пекинская Наташа придумала такой текст. И как раз накануне вернисажа, 17 января 2020 Гу Юй сообщил, что в газете Тяньцзиньжибао опубликовано его эссе обо мне под названием (в переводе на русский) «О китайских печатях русского поэта», в котором рассказывается о моих печатях, о том, как мы с Гу Юем познакомились, приводится несколько строк мои стихов и репродукция моей картины «Гуйлинь», нарисованной ещё в первой поездке в Китай. Когда я послал Гу Юю фотографии нескольких получившихся у меня картин, он ответил: у Вас на картинах раньше была абстрактная каллиграфия, но там иероглифы не настоящие, а Вы напишите настоящие китайские иероглифы. Да, это такая старая традиция в китайской живописи. Я ответил: боюсь! И какой из меня каллиграф. Но всё же решил попробовать. И вот получилось, что получилось. Я написал на картинах строчки из моих стихотворений в переводе Гу Юя. А выставке дал название «ТУШЬ ПРОСТАЯ ВЫШЕ ВСЕГО». Это слова великого китайского поэта и буддиста Ван Вэя, мастера монохромной живописи, он входит в тройку великих поэтов эпохи Тан вместе с Ли Бо и Ду Фу.

⁷ Часть 2, продолжение. Начало см. «Московский BAZAR» № 2 (32), 2020

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Там душа человека с душою книги в руках
слушает душу музыки южного ветра.

那里人的灵魂与手中书卷的灵魂
倾听清风乐曲的灵魂。

Души китайских картин

На китайских картинах не горы,
а души гор,
не дерево с корнем кривым и серебристою кроной,
а дерева душа — печальна и стара,
не журчащий ручей с ключевой водой,
а играющая душа молодой воды.

Там душа человека с душою книги в руках
слушает душу музыки южного ветра.

Души китайских картин
хранят в особых футлярах,
сделанных мастерами
давно ушедших времен.

Из цикла *Лунный календарь*

хокку

Когда мне грустно
Смотрю на деревья
И они смотрят

当我苦闷时
我就看那些树木
树木也看我

Китайцы с давних времен
удалившись от дел
уходили в горы.

данти时代的中国人
摆脱了日常琐事
为修行进入山区。

Китайцы с давних времен»

*Из цикла "стихов на рисунках".
Но рисунок уже другой.*

Китайцы с давних времен
удалившись от дел
уходили в горы.

Вот и я не противлюсь движенью руки
державшей дрожащую кисть.

Но горы мои
всё так же вдали, вдали.

Что ж ты не спросишь:
— На каком языке тишина?

你怎么不问问:
“哪种语言最平静?”

Поэтесса у окна

Окно. Ветер. Ночь. Луна.

Что ж ты не спросишь:
— Какая страна?

Окно. Ночь. Луна. Ветер.

Что ж ты не спросишь:
— Какое тысячелетие?

Окно. Ночь. Ветер. Луна.

Что ж ты не спросишь:
— На каком языке тишина?

Тает ночь. Тает Ветер. Тает Луна. Пишет стихи у окна.
Когда-нибудь, где-нибудь, кто-нибудь
сможет прочесть письма?

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Скажи мне, что это значит?
Куда мы с тобой идём?

请问，这是什么意思？
我和你要到哪里去？

Гора Тайшань

Скажи мне, что это значит?
Куда мы с тобой идём?
Мы идём по долине Жёлтой реки,
Мы идём на гору Тайшань.
Скажи мне, зачем это нужно?
Что мы увидим там?
Это нужно нашим потерянным душам,
Это нужно туманам и облакам.
Скажи мне, где наши души?
Где потерялись они?
Наши души в долине Жёлтой реки,
Они на вершине горы Тайшань.
Скажи мне, а кто же мы сами?
Кто движет моими ногами?
Кто говорит моим ртом?
Я ничего не знаю, не задавай вопросов.
Просто двигай ногами — в сторону Жёлтой реки.
Просто гляди глазами — с вершины горы Тайшань.
Скажи мне, что будет дальше?
Скажи мне, что будет после?
А дальше уже не будет,
А после не будет вовсе.
Только туман — в долине последней Жёлтой реки,
Лишь облака — на вершине последней горы Тайшань.

После дождя пасмурным весенним днем

На душе моей печаль не светлая — темная, темная.
А земля в пустынном парке — мокрая, мокрая.
Только птицы поют невпопад!

А деревья влажными
ветвями 给我安慰的
успокаивают меня. 是树木潮湿的树枝。
И только птицы поют 偶尔传来的鸟鸣不合时宜！
невпопад!

Сосны в горах
ветер в вершинах

山上的松树——
山顶的风。

Оклик друга

*Я долго сидел на берегу горного ручья. Я подумал:
тишина природы — это великое множество
нерожденных звуков. И я вспомнил своего самого
близкого и уже ушедшего друга.*

Сосны в горах —
ветер в вершинах.
Вода на камнях —
говор быстрины.
И все кажется, будто меня
окликает друг.

Он потом домой вернется,
Нарисует горы-воды

后来他起身回家,
想要画幅山水画

В Рукуновом переулке

В Рукуновом переулке
Во дворе седого дома
Старый тополь бросил тень.
В той тени сидел китаец
Опечаленный донельзя
От того, что слишком выпил
Нехорошего вина.
Он потом домой вернется,
Нарисует горы-воды,
И в беседке над обрывом
Будет долго созерцать.
И тогда напишет гатху
На углу своей картины
Про вино и тень, и тополь
Во дворе седого дома
В Рукуновом переулке,
Где обрел он просветленья
Неожиданно совсем.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

У меня упадок сил. 我感觉力尽精疲
Вот. 哎!

Упадок сил

Я сегодня гвоздь не вбил
И траву не покосил
И посуду я не мыл
Я купаться не ходил
Даже водку я не пил
Никого не полюбил
Ничьё сердце не разбил
Уравнение не решил
И стихи не сочинил
У меня упадок сил.
Вот.

Разделить одиночество. 分享孤独。
Вечно несбыточное 永远难以实现的
желание. 心愿。

Китайские поэты

*Вообще-то это у меня была эссеистическая проза,
но Гу Юй перевёл на китайский как стихи.*

Китайские поэты.

Что больше всего любили, и от чего больше всего
страдали — одиночество.

Одиночество.

Стремление к нему и стремление от него, слитые в единое
чувство, освященное авторитетом Лао и Куна.

"Хочу, чтобы Вы остались на осень со мной».

Желание разделить одиночество.

Вечно несбыточное желание.

В дальнем селенье 远处村庄传来狗叫鸡鸣。
крик петухов и лай собак.

Путь в деревню

*Пусть соседние государства смотрят друг на друга,
слушают друг у друга пение петухов и лай собак,
а люди до самой старости и смерти
не посещают друг друга. Дао Дэ цзин, 80*

Хочу, государь мой, чтоб с грязью мирской ты плыл!
Тао Юань-мин. «За вином»

Луга, луга, и дальний лес
со стороны восходящего солнца
в утренней дымке.
Мокрой травы под ногами шелест.
Одиноких деревьев встречаю долгие тени.
Хочется остановиться, но не близок конец пути.
В дальнем селенье крик петухов и лай собак.
У старицы тихой старик-рыбак
просит меня не спешить.
Остановился: не знаю, как быть.
Дело какое ко мне у него?
Или просто добрый совет:
с грязью мирской мне плыть?

Бянь Бинь

Поэт V века Бянь Бинь, эпатирую публику, написал оду "Вши и блохи".
Во вступлении сказано: *Я живу бедно, и мой халат холщовый вот уж десять лет как не подбит ватой. Вся моя жизнь зависит от прихотей погоды, а ведь для человека это нелегко, и я часто болею. Жилище мое тесное, вся постель спуталась, одни лохмотья стали, мне и не распутать одному. А чем-то заниматься – слишком я ленив, к делам охоты нет. За своим телом не слежу и как-то упускаю время умываться. Я весь зарос, покрылся коростой, и оттого завелось в моей камышовый циновке несметное множество вшей и блох, ужасно они расплодилось...*

Под небом широким все десять тысяч вещей.
На плоской равнине стоят одиноко дубы.
Бянь Бинь по утрам отряхает циновку от вшей,
Из дома выходит и льются свободно стихи.

И время иное, и я из другой страны.
Но так же под небом все десять тысяч вещей.
На плоской равнине стоят одиноко дубы.
Печальные строки в моей отзовутся душе.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Тех, кто остался со мною
на осень, я благодарю.

谁秋天留下陪我，
我想说一声谢谢。

Дали неба

*Хочу, чтобы Вы
Остались на осень со мной.*
Ван Вэй в пер. А. Штейнберга

Под широкими далями неба
осенних лесов полоса,
дубов опустелая роща
и оставшихся птиц голоса.

Времени темные воды
уносят в прошлое многих.
Тех, кто остался со мною
на осень, я благодарю.

Сон камня

*Посвящено классическому китайскому роману
"Сон в красном тереме", известному также
под названием "История камня".*

石头做梦。梦见很多花鸟。
梦见手掌和面庞并不牢靠。
梦见溪流的水并不平静。
还梦见沉入水中的眼睛。

Сон камня
Снятся цветы и птицы
Непрочных созданий ладони и лица
Ручья незадумчивая водица
И чья-то упавшая в воду ресница
И шёлк рукавов небесшумно струится.
И кто-то глядит и увидеть боится.
Истории камня печальны и светлы страницы.
Порывистый ветер то кружит, то вдаль устремится.
Каменных снов он не может нарушить границу.
Тот, кто умер, ещё раз не может родиться.
Если он не цветок и не птица.

Из цикла *Лунный календарь*

хокку

В деревне моей	在我的乡村
То ли грусть, то ли радость	时而欣喜时而愁
Никак не пойму	不知为什么

Единственный раз в
году.
Из века в век.

一年只有这么一次。
世世代代，机遇难得一见。

Весенняя прогулка

*Разглядывая репродукцию картины Ма Юаня
"Бродячие певцы" (династия Южная Сун)*

Облачной тени бежит граница —
мне её не догнать.
О чём-то с ветром ругается птица —
мне её не понять.
Иду весёлый весенней тропой.
Люди! Дайте мне руки —
на весенней прогулке
будем петь и плясать.
Единственный раз в году.
Из века в век.

Вэнь Цзян

*Южные горы возвысились в той стороне,
Лис только бродит за самкой один в вышине.*

«Ши цзин», I, VIII, 6

*Эта дорога из Лу пролегает, гладка и ровна.
Циская наша княжна проезжает, беспечна, горда.*

«Ши цзин», I, VIII, 10

Её звали Вэнь Цзян, в девичестве Цзян-ши. Она жила в VII в. до н.э. Дочь Си-гуна, правителя царства Ци и жена Хуань-гуна, правителя царства Лу. Она считалась не только женой правителя и государственным деятелем, но ещё и развратной женщиной, вступившей в кровосмесительную связь со своим единокровным братом Сян-гуном. Об этом есть запись в Чунь-цю – «Вёсны и осени» – летописи царства Лу, составленной Конфуцием. А, между тем, этой женщине посвящены 3 из 305 стихотворений Ши цзин – «Канона Стихов», отобранных Конфуцием. Выше приведены первые две строки первого стихотворения и последние две строки третьего стихотворения.

Супруга правителя царства Лу
Встречалась с правителем царства Ци.
Об этом имеется запись
В хронике «Вёсны и осени».

鲁国君主的夫人
跟齐国的君主相遇。
古籍《春秋》有记载，
曾经记录了这件事。

Была ли она красива,
Когда была маленькой девочкой,
Когда стала юной невестой,
Та госпожа Цзян-ши?
Об этом отсутствует запись
В хронике «Вёсны и осени».

Об этом отсутствует запись
В хронике «Вёсны и осени».

Любила ли утром ранним
Бежать по отцовскому саду,
Ступая босыми ногами
По свежесвыпавшим лепесткам?
Об этом отсутствует запись
В хронике «Вёсны и осени».

Была ли она счастливой
В браке с супругом своим,
Та госпожа Вэнь Цзян
Родом из царства Ци?
Об этом отсутствует запись
В хронике «Вёсны и осени».

Когда колесница стучала
Колёсами по дороге,
Срывались ли капли с ресниц,
По пудре текли ручейки?

Смотрела ли звёздной ночью
Как светит звезда Тай Цзы
Над северным царством Ци,
Та госпожа Вэнь Цзян?
Об этом отсутствует запись
В хронике «Вёсны и осени».

Тао Цянь – другое имя великого китайского поэта Тао Юань-мина (365—427). Выдающийся русский советский филолог-китаист, переводчик китайской литературы и поэзии академик Алексеев писал, что Тао Юань-мин оказал на китайскую поэзию такое же влияние, как Пушкин – на русскую поэзию.

云层中出现了太阳
它像一枚朱砂红图章。
印在那里，远方和右边。
夜晚过后。
像签名一样。

У Чёрного озера с Тао Цянем 青湖畔陪伴陶潜

Там, у Чёрного озера, есть подходящее место.
Там можно молчать и глядеть вдаль.
— Пойдёмте? — Тао Цянь промолчал.
Мы спустимся по тропинке
мимо сосен прямостоящих по обе стороны и в высоту.
Внизу среди трав можно встретить цветы,
пусть неброские, но нежные. И аромат.
— Вы чувствуете? — Тао Цянь промолчал.
Выходим к берегу,
слева и справа деревья уходят вверх,
а кусты уходят вширь.
У берега в воде видны и водоросли и кубышки жёлтые.
— Не правда ли, уютно? — Тао Цянь промолчал.
А дальше смотрим вдоль воды, скользя по ней.
Вот островок. Два дерева или три. Мысок. На нём
тростник.
— Он будто шепчет, слышите? — Тао Цянь промолчал.
Там, дальше, за островком опять вода и даль,
и дальний берег будто бы в тумане.
А после взгляд уходит в небо.
— А небо белое, не так ли? — Тао Цянь промолчал.
Здесь можно ничего не говорить.
Я прихожу сюда, чтоб ничего не говорить.
И каждый раз мне хочется туда уйти.
Стоять на том мыске среди тростника.
— Вам тоже хочется? — Тао Цянь промолчал.
А, постояв, уйти ещё дальше, к другому берегу,
и дальше, будто за туман.
Ведь что-то есть, наверное, за туманом.
— Как думаете Вы? — Тао Цянь промолчал.
Уж вечер близится. Ложатся тени.
Сначала бледные, потом они всё гуще.
И ветер стих. И тихо.
— Мы помолчим? — Тао Цянь промолчал.
Закат.
Из облаков выходит солнце
Оно похоже на киноварную печать.
Там, вдалеке и справа.
После ночь.
И подпись.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Кожа рваных барабанов

Приготовь мне лекарство
по древним китайским рецептам.

Истолки в порошок
этот яшмовый звук
из небесной свирели.

Кожу рваных земных барабанов
сожги и развей.

И на свитке воды
напиши иероглиф судьбы
наконечником падшего ветра.

И закрой мне глаза и шепни,
что ты любишь меня.

把药捣成粉，
这玉石之声
实数天籁之音。
把地上的败鼓皮
烧毁并洒落。

Любовь к древнекитайскому

Я хотел бы работать грузчиком
в винно-водочном магазине,
натянув халат тёмно-синий,
ворочать тяжёлые ящики,
потеть волосатой грудью,
материться охрипшей глоткой,
и курить сигареты без фильтра,
сплёвывая в проход.

И не знать ничего на свете!
Но не пить ни капли вина.

И домой приходя с работы,
на засов запирая двери,
облачившись в халат с кистями,
под жёлтой настольной лампой
склонившись над чёрными знаками
древних китайских книг,
пить чёрный имперский чай!

下了班回到家里，
插上门自我封闭，
浑身筋骨放松，
在昏黄的灯光下
俯下身子读中文古籍
品一口帝国红茶
钻研密密麻麻的黑色笔迹！

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Конфуций был, по сути, самодуром:
хотел того, чего не может быть.

实际上孔夫子很笨：
他想做不可能做成的事情。

УЧЕНИК КОНФУЦИЯ (99 строк)

Когда я был его учеником,
в бамбуковых лугах ещё скользили
тени водяных драконов.
И лунный свет
настаивался на воде и чайных веточках.
Напиток был непрепок,
да и не вкусен,
но в душу проникал.
Тогдашние поэты добавляли лепестки хризантем,
но мой учитель не одобрял подобной вольности.
Потом он умер, прошли века и я родился.
Теперь вот,
когда уже пора задуматься о переходе,
я иногда стою у ветки, на которой
маленькие почки
и зеленеют и раскрываются...
и ни о чём не думаю.
Конфуций был, по сути, самодуром:
хотел того, чего не может быть.
И заставлял учеников хотеть того же.
Я говорил ему: нельзя быть таким глухим
к новациям эпохи.
А он лишь палкой колотил мне по спине.
Теперь вот все новации засохли,
как листья,
что летали над крышей императорского
дворца.
И в тушечнице тушь засохла.
А иероглифы — они теперь повсюду,
куда ни взглянешь — видишь имена.
Взглянул я на бамбук — увидел лишь
бамбук,
взглянул на чай — увидел только чай,
и даже:
взглянул на небо — и, кроме неба, не
увидел ничего.
Теперь и я уже заметил,
что та девица,
хоть и не с полными ногами,
но изменилась так, что не узнать.

Сегодня солнце светит,
умирает снег.
Топ-менеджеры все ушли в запой.
А дядя Ваня вышел из запоя:
и щурится на солнце,
как моя кошка.
Кстати, я её кормил сегодня?
Не помню.
Помню, как Конфуций говорил,
что надо бы исправить имена.
Похоже, не усвоил я урок,
и за всю жизнь
ни одного
имени
не исправил.
Лишь забавлялся ими, как ребёнок,
крутил и так, и эдак,
составлял
цепочки кружевные и решётки.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Жена сказала: мне кажется
я сплю с Конфуцием, а не с тобой.
Мы с дядей Ваней выпили поллитру,
и тени заскользили по траве
бамбуковой,
а может быть, крапивной.
Потом я тушечницу долго отмывал
от старой туши,
и лес кистей похоронил.
Сегодня снова кто-то умер.
И это был не снег.
Задача, по сути, чисто математическая:
проникнуть в смысл процедуры
рождения смерти.
И доказать существование,
или несуществование,
что, впрочем, без разницы.
Маленькие почки
всё равно зеленеют и раскрываются.
На танцплощадке в парке
пенсионеры кружат парами.
Раньше были такие шкатулки:
откроешь, а там кружатся.
А есть люди, которые так и думают:
мир — шкатулка Бога.
Но мой Конфуций
лишь бородой трясёт.
Когда-нибудь и я
отращу себе бороду
или живот,
и поумнею.
Если, конечно, до этого
не улечу как крыша
императорского дворца.
В Крыму опять рубли,
в Гвинее франки,
а вот каури — уже не деньги,
не прошло и нескольких тысячелетий.
Хочется затопить печку,
заварить чаю,
закрыть тетрадку,
и
затосковать.

омута темного муть 深潭的水幽暗

Читаю «Дао Дэ цзин»

Из «Уральского цикла»

*Однажды к вечеру разразилась
большая гроза с градом и
сильным ветром. Молния
ударил где-то неподалеку —
был слышен треск. Ночью долго
кричала какая-то птица. Утром
я закончил чтение "Дао дэ цзин".*

Птицы ночной крик,
облаков через небо бег,
омута темного муть,
или воздух после грозы, —
вот в чем я вижу суть
учения Лао-цзы.
И как же может не быть
правильным этот путь?

Белая Гора, что выше солнца

太阳之上的白山

Белая гора

Это единственное стихотворение из 25 отобранных для картин, которое Гу Юй не переводил.

Как утренний дымок над крышей дома,
что треплет ветер,
как солнца зимнего тепло,
как тень и запах -

такой представилась мне жизнь.
И воды времени текли меж берегов,
заросших ивами и камышом.

Мы, бросив весла, пили чай из фляги.
И кто-то говорил, что впереди
есть Белая Гора, что выше солнца.
И думалось мне - там конец пути.

Тайна Гу Кайчжи 顾恺之的秘密

Цао Чжи (или Тайна Гу Кайчжи)

*Белоснежную шею изогнула фея,
взор ко мне обратила,
с губ слетают слова печально, —
объясняет она дружбы великий принцип.
Сожалела она о различье путей
человека и духа... Цао Чжи*

У меня есть альбом живописи из императорского дворца "Гугун". Он открывается репродукцией с картины великого Гу Кай-чжи на мотивы стихов Цао Чжи. 1800 лет назад Цао Чжи создал поэму "Фея реки Ло". Через 200 лет Гу Кай-чжи написал картину на мотивы стихов Цао Чжи. А 30 лет назад художник Валера Красильников написал картину «Тайна Гу Кай-чжи».

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Седые травы после дождя,
Сиреневое пламя иван-чая.
Вот Цао Чжи среди дубов пройдет
За феей Ло, исчезнувшей в тумане.

Простой сюжет страны чужой
Сквозь все века волнует не напрасно,
И время нас не зря кружит.
Знакомый мой, художник пишет маслом
Картину "Тайна Гу Кай-чжи".

На фотосессии в горах, 在山上连续拍照,
где бродят овцы на лугах 那里羊在草场吃草

На фотосессии под снежной вершиной горы Нефритового дракона в Юньнани

Из цикла «китайские зарисовки»

На фотосессии в горах,
где бродят овцы на лугах,
и скрылся в белых облаках
вершин заснеженных
 нефритовый дракон,
и холодно, и ветер моросит,
невеста в белом неподвижна,
жених задумчивый стоит,
трава высокогорная,
деревья мхом покрытые,
фотографы под чёрными зонтами
и в красных прорезиненных
 плащах,
невеста в белом неподвижна,
жених задумчивый стоит,
и холодно, и ветер моросит,
и скрылся в белых облаках
вершин заснеженных
 нефритовый дракон,
и бродят овцы на лугах,
невеста в белом неподвижна,
жених задумчивый стоит.

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

РЕПЛИКА

Только переступив границу возраста, обозначенного словом «зрелый», я смогла подтвердить самой себе: мое этическое и эстетическое восприятие мира дозрело до объемности и полихромии. Правда, появились капризы и жадность – хочется, например, рассмотреть как можно больше живописных полотен с расстояния не более метра от оригинала. Поэтому в городах и странах, где бываю, стараюсь попасть в художественные музеи и галереи.

Несколько лет назад в Королевском музее Амстердама при приближении к «Натюрморту с цветами» одного из «малых голландцев» сработала внутренняя система распознавания «свой – чужой». На запрос пароля получила правильный отзыв: «Это твое». Ничего особенного: букет цветов на столе, ящерка рядом, улитка вот-вот сорвется с края стола, свет из окна на белых тюльпанах с красными прожилками. Но оторваться невозможно – как будто меня заколдовали. Так бы и стояла до закрытия, но смотрительница выдавила меня в соседний зал, по шажку, с поджатыми губами и недоверием в глазах, приближаясь к нам с картиной. Мы расставались, возможно, навсегда. Поэтому, идя к выходу через сувенирный магазинчик музея, я сделала небывалое – купила открытку-постер с репродукцией моей только что обретенной любви.

Ханс Гиллис Болоньер.
Натюрморт с цветами. 1639 г.

Они случайно оказались рядом на столе – подаренный в начале весны букет тюльпанов и репродукция в фоторамке. Разместившись в вазе, тюльпаны поначалу скромничали, прятались в бутонах, притворялись однотонными. А через день раскрылись. И оказались теми самыми – белыми с красными прожилками – полосатыми, или «сломанными», как называли их в Голландии XVII века. Перехватило дыхание. Передо мной стояла реплика – эхо 1639 года, когда был написан «Натюрморт с цветами». Но в этот момент – в 10-х годах XXI века – автор картины Ханс Болоньер перестал быть для меня каким-то абстрактным художником, а стал живым, конкретным человеком, с которым мы одинаково восхищены совершенством природы. Я его чувствую, ощущаю так же, как современников вокруг. Четыре века не разделяют, а связывают нас. Мы листья одного дерева. Только его зима уже наступила, а моя еще впереди.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

авторская рубрика

Елена Галустова

(МОССАЛИТ, Москва)

ЧАПАЕВСКИЙ ПЕРЕУЛОК

АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

Фото автора

Сокол, пожалуй, один из немногих районов Москвы, который до сих пор привлекает к себе пристальное внимание историков, краеведов, архитекторов и, разумеется, его жителей. Казалось бы, о селе Всехсвятском, на территории которого и вырос современный Сокол, о героях Первой мировой войны, что покоятся на бывшем Братском кладбище, о Ходынском поле, где зарождалась история русской авиации, сказано все, но и сегодня нет-нет да и появляются новые сведения, порой фантастические, больше похожие на байки, со временем обрастающие слухами и возведенные в ранг районной легенды. Так рождается альтернативная история старого района Москвы (не только Москвы, любого населенного пункта) – пусть вразрез с официальными источниками, – но она также имеет право на существование по крайней мере потому, что основана на рассказах и воспоминаниях жителей района.

Конечно же, не всем историям можно верить безоговорочно. Сразу уточню, что мои суждения также не претендуют на звание окончательной истины. Многое, о чем пойдет разговор ниже, почерпнуто из рассказов бабушек и дедушек, мамы, папы, их приятелей, знакомых, соседей. Очевидцем некоторых событий являлась я сама, а что-то рассказали друзья, однокашники и знакомые краеведы.

Имени начдива

Чапаевский переулок, на мой взгляд, заслуживает не меньшего внимания, чем главные улицы Сокола – Ленинградский проспект и Новопесчаная, хотя бы потому, что он один из немногих улиц патриархального села Всехсвятского сохранился к XXI веку практически в первозданном виде.

Чапаевский переулок (начало)

Чапаевский переулок

Существовавший до революции как Гимназический, в 1930 (по другим сведениям – 1931-м) году переулок получил имя в честь командира дивизии времен Гражданской войны Василия Ивановича Чапаева и стал именоваться как Чапаев переулок. Современное название – Чапаевский переулок – он обрел только в 1939 году.

Еще в 1990-е годы мне доводилось слышать о том, что Чапаевский переулок был назван так потому, что здесь проживали родственники легендарного начдива. Но это не более чем совпадение, что подтверждает правнучка Василия Ивановича Евгения Чапаева, которая живет в угловом доме на пересечении 2-й Песчаной и Чапаевского переулков. По словам Евгении Артуровны, ее бабушка, Клавдия Васильевна Чапаева, прожила в этой квартире более сорока лет (примечательно, что сын комдива, Александр Васильевич, тоже «соколянин» – он жил в «генеральском» доме на

Ленинградском проспекте), очень трепетно относилась к памяти отца, дружила с чапаевцами и мечтала открыть музей-квартиру. По всей видимости, этой ее мечте уже не сбыться.

Существует версия, что Чапаевским переулком стал из-за того, что якобы здесь находились летние военные лагеря от 1-й Объединенной командной школы, обучение в которой после революции проходил Чапаев. Доподлинно это неизвестно и никакой подтверждающей информации на этот счет нет. До революции военные лагеря на территории Малой Всехсвятской рожи (будущего Чапаевского парка) действительно были, был здесь и летний офицерский клуб «Кукушка», где устраивались домашние концерты и вечера, пикники и игры в преферанс. Вполне возможно, что красные командиры что-то и использовали для своих армейских нужд, но, повторюсь, официально об этом нигде не упоминается.

Как бы то ни было, Гимназическим переулком оставаться никак не мог: слишком буржуазное у него было название.

Гимназический от слова «гимназия»

Гимназический переулок, шедший по излучине реки Ходынки от Петербургского шоссе в сторону Ходынского поля, был в длину меньше километра – 930 метров. Такова протяженность и современного Чапаевского переулка. Свое первоначальное название получил по располагающейся здесь гимназии, которая открылась в 1909 году.

Село Всехсвятское было излюбленным местом отдыха состоятельных москвичей. Деревянные кружевные усадьбы с ухоженными клумбами, с романсами под гитару и купеческим чаепитием из самовара в тени лип и яблонь – все это приметы дачного поселка Песочный, что раскинулся неподалеку от Санкт-Петербургской дороги. Для маленьких дачников Песочного и была построена гимназия. Это уже было четвертое учебное заведение

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

после двух земских училищ и церковно-приходской школы, открывшихся во Всехсвятском чуть ранее.

В новой гимназии был просторный зал, который использовался как концертный или балльный, по периметру здания располагались классные комнаты. Помимо образовательной программы в учебном заведении большое внимание отводилось и культурному воспитанию: гимназисты и гимназистки посещали Исторический и Политехнический музеи, Третьяковскую галерею, ездили на экскурсии в Москву и устраивали местные краеведческие прогулки. Обучение в гимназии по тем временам было недешево – 50 рублей в год.

После революции в здании гимназии расположилась школа-семилетка, которая просуществовала до 1930 года. В том же году по соседству возвели новое здание школы по проекту архитекторов М. И. Мотылева и А. И. Палехова. Название учебного заведения было в духе первых пятилеток – 1-я Ударная.

В первые месяцы Великой Отечественной войны здание новой школы было отдано под штаб 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии (в дальнейшем ее переименовали в 130-ю стрелковую дивизию и в 53-ю гвардейскую стрелковую дивизию). В феврале 1942 года, после того как воинское формирование отправили на Калининский фронт, в школе разместился госпиталь для раненых.

В 1944 году в Чапаевский переулок переехала 1-я школа ВВС, которая первоначально располагалась на Шлюзовой набережной. В первый год войны здание на Шлюзовой было разрушено попаданием фугасной бомбы. Бомбовому удару подверглись и два других здания авиашколы – на Озерковской набережной и в Лаврушинском переулке. Вернувшиеся из эвакуации курсанты обрели свой новый дом на Соколе.

Школа летчиков просуществовала до 1955 года. За 15 лет (школа была основана в 1940 году) она выпустила более 5000 человек. В числе преподавателей был Герой Советского Союза Алексей Петрович Маресьев, среди выпускников: летчики-космонавты дважды Герой Советского Союза Владимир Комаров и Герой Советского Союза Лев Демин, заслуженный летчик-испытатель Юрий Крылов и авиаконструктор, один из создателей «Бурана» Геннадий Дементьев.

1 сентября 1955 года в здании учебного заведения ВВС открылась общеобразовательная школа – 3-я немецкая. Она была одной из первых языковых школ в Москве (после 1-й английской в Сокольниках и 2-й французской на проспекте Мира) и фактически первой московской школой с углубленным изучением немецкого языка. В советское время учебное заведение носило имя немецкого коммуниста Отто Гротеволья, в настоящее время – средняя школа № 1249 с углубленным изучением немецкого языка. В разные годы выпускниками немецкой школы были: историк и политолог Наталья Нарочницкая, писатель Юрий Трифонов,

Здание бывшей гимназии

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

режиссер Валерий Суриков, журналист Агриппина Васильева (более известная как писательница Дарья Донцова), журналист и телеведущий Максим Шевченко.

«А что же стало со зданием гимназии?» – спросите вы. После ликвидации семилетки в 1930 году здесь расположилась партшкола Краснопресненского района. Также по этому адресу числились районные детская и взрослая библиотеки, которым в 1936 году в 25-летнюю годовщину со дня смерти Дмитрия Фурманова было присвоено имя художественного биографа Василия Ивановича Чапаева. В конце 1940-х библиотека переехала в только что отстроенную «сталинку» на Беговой улице, а бывшую гимназию отдали в ведение тогдашней средней школы № 144.

Здание сохранилось до наших дней. Правда, в 1990-е его немного перестроили и дополнили вторым этажом. Окна забрали фигурными решетками, а со стороны дороги вставили стеклопакеты. Та часть здания, что примыкает к немецкой школе, отдана во владение учебного заведения, а противоположное крыло занимает очередная коммерческая организация.

Еще до войны

Активная застройка Чапаевского переулка началась еще перед Великой Отечественной войной. В 1938 году была заложена, а весной 1941 года открыта районная поликлиника. Это разноуровневое здание в виде буквы «П». Центральная часть – в три этажа, боковые флигели – двухэтажные. В годы войны, как и соседнее здание школы, поликлиника была отдана под военный госпиталь. Клиническое отделение сохранялось здесь вплоть до конца 1960-х.

Гостиница «Сокол» – дом-самолет

*Поликлиника
(в годы войны была военным госпиталем)*

Не менее примечателен дом номер 12. Если посмотреть на него сверху, то он не только похож на заглавную «Т», но четко повторяет контуры самолета. Такое решение вполне закономерно – здание было построено в 1934 году как общежитие для слушателей Военно-воздушной академии. Также здесь размещали приехавших по делам службы командированных в Москву летчиков. В одном из номеров проживала семья коменданта Александра Смирнова. Его сын, Роберт Александрович, по праву считается одним из лучших краеведов Сокола.

Мой дед впоследствии вспоминал, как впервые он посетил столицу в 1938 году, и его знакомство с Москвой началось именно с Сокола. Он, только что вернувшийся из Китая, где шли боевые действия, приехал в столицу для получения награды в Кремле. Его, как и многих других летчиков, воевавших в составе интернациональных бригад, разместили в этом общежитии. Номера были двухместными (по крайней мере, в его случае), что по тем временам считалось роскошью. Спартанская обстановка (две кровати, две тумбочки и шкаф на двоих) вполне соответствовала военному быту сталинских соколов. Душевые, естественно, были на этаже. Столовая располагалась на первом этаже, в «хвосте» дома-самолета.

Когда в середине 1960-х на соседней 1-й Песчаной улице были построены два корпуса офицерских общежитий, здание в Чапаевском переулке было перепрофилировано в гостиницу МО СССР.

В 1990-е годы Минобороны вынуждено было передать часть жилого фонда в ведение государства, пришлось расстаться и с помещением в Чапаевском переулке. Гостиницу отремонтировали, двухместным номерам придали европейский лоск. В настоящее время это неплохой трехзвездочный отель «Сокол». Уютная обстановка, недорогие номера, в шаговой доступности метро – все это, несомненно, привлекает потенциального клиента. «Сокол» популярен не только у иногородних, но и у местных жителей: многие пользуются его услугами во время ремонта в городской квартире.

Еще одна довоенная постройка Чапаевского переуллка – дом номер 14. Он заметно выделяется на фоне не только послевоенных «сталинок», но и немногочисленных строений 1930-х годов. По воспоминаниям старожилов района, дом номер 14 был построен в 1934 году для высшего командного состава. Квартиры дома располагались по коридорной системе, на этаже было всего две кухни и два санузла, что значительно усложняло жизнь обитателям заветных метров. Будучи по сути коммуналками, они мало подходили для людей такого ранга. Однако жилым дом оставался вплоть до начала 1970-х годов. Затем жильцов выселили, а их место занял Центральный научно-исследовательский институт информации и технико-экономических исследований приборостроения, средств автоматизации и систем управления. В начале двухтысячных НИИ прекратил свое существование, после ремонта здания в нем расположился бизнес-центр «Сокол-плейс».

По проекту Розенфельда

В конце 1940-х – начале 1950-х годов строительство в Чапаевском переулке возобновилось. По генеральному плану застройки Песчаных улиц второй и третьей очереди, здесь появились дома улучшенной планировки, так называемые «сталинки». Возведением новостроек занималась группа архитекторов под руководством Зиновия Розенфельда, которая одновременно вела строительство на соседней Новопесчаной улице.

**Архитектурные формы
домов Розенфельда**

По задумке архитекторов Зиновия Розенфельда и Георгия Павлова, дома обеих улиц должны были организовать единый жилой ансамбль с собственным двором, детской площадкой, фонтанами. И если от последних решено было отказаться, то внутриворонья территория и сегодня поражает своими размерами: в настоящее время здесь размещаются целые детские городки, десятки лавочек и огромные цветочные клумбы. Но и в начале 1950-х дворы отличались своей ухоженностью и цветочным изобилием. В каждом дворе в огромных гипсовых вазонах росли бархатцы, анютины глазки, незабудки, садовые ромашки.

Благодаря архитектору Павлову жильцы получили просторные лестничные площадки, в основу планировки которых были положены четырехквартирные секции. Также Георгий Павлович принял участие в разработке комплексной серии секций кирпичных домов высотой в десять и более этажей с внутренним железобетонным каркасом.

И если бы не песчаный грунт Сокола, который изначально не был рассчитан на многоэтажную застройку, может быть, и в Чапаевском переулке появились первые на тот момент небоскребы с двумя лифтами? Как знать.

Уже в конце 1940-х в Чапаевский переулок переехали первые новоселы. В разные годы здесь жили: Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Иван Холодов, физик Яков Терлецкий, футбольный вратарь Лев Яшин, подпольщица из «Молодой гвардии» Валерия Борц. Многие соседи отмечали, что Валерия Давыдовна ходила исключительно в военной форме. Это обстоятельство вполне объяснимо: Борц, выпускница Военного института иностранных языков, долгое время работала переводчиком-референтом, демобилизовалась в звании подполковника. Ее часто приглашали на встречи с молодежью и ветеранами, отсюда такое коллективное воспоминание о мундире. Мало кто знает, что Валерия Давыдовна была мастером спорта по автомобильному спорту.

В начале 1950-х в Чапаевский переулок переехала многократная чемпионка СССР по плаванию Капитолина Васильева. После разрыва с фактическим мужем Василием Сталиным Васильевой пришлось освободить особняк на Гоголевском бульваре и подыскать квартиру попроще. Капитолине Георгиевне пришлось согласиться на предложенный вариант. О чувствах, которые испытывала женщина, глядя из окна на стройку, развернутую в Чапаевском парке уже бывшим ее мужем, остается только догадываться.

В Чапаевском переулке проживает прославленный спортсмен-тяжелоатлет, Заслуженный мастер спорта писатель Юрий Петрович Власов. Он стал первым советским олимпийским чемпионом в супертяжелом весе, а по окончании спортивной карьеры проявил себя в писательском ремесле. Хочется рассказать о малоизвестном факте из его биографии. Когда Сергей Федорович Бондарчук приступил к съемкам эпопеи «Война и мир», то в роли Пьера Безухова он видел исключительно Власова, о чем тут же сообщил тридцатидвухлетнему спортсмену. Но Юрий Петрович от предложения режиссера отказался, сославшись на

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

отсутствие актерского образования. В итоге Безухова сыграл сам Бондарчук. А если на минуточку предположить, что Власов тогда ответил бы согласием режиссеру, может быть, у нас появился бы еще один талантливый актер? По словам близких, восьмидесятичетырехлетний Власов и сегодня находится в отличной форме.

Сирень на улице Луиджи Лонго

Елка, квас и детский сад

Строительство велось ударными темпами, постепенно вытесняя деревянные домики с огородами и личным хозяйством. Здесь были в основном одноэтажные, реже – двухэтажные дома, рассчитанные на несколько семей, в народе их прозвали «бараками». Они еще несколько лет соседствовали с кирпичными красавцами. До сих пор многие с теплотой вспоминают обитателей барачков, которые с утра пораньше приносили к окнам новоселов свежие молоко, творог, яйца. Все это было необыкновенно вкусным и стоило недорого.

Окончательно деревянные сооружения были ликвидированы в начале 1960-х годов в связи со строительством офицерских общежитий – для слушателей Военно-инженерной академии имени Жуковского – и детского сада. В настоящее время в помещении детского сада располагается местное отделение полиции района Сокол.

Центральный вход детского сада располагался со стороны 1-й Песчаной улицы, которая в 1981 году была переименована в честь главы итальянской компартии Луиджи Лонго. Летом здесь, в проулке около дома номер 11 по Новопесчаной улице, прозванного за башенку на чердаке «домом с мезонином», стояла бочка с квасом. Уже с утра к бочке выстраивалась очередь из детворы, а взрослые тем временем шли за бидонами, реже – банками. Бидоны были практически в каждой семье: летом в нем носили квас, весной и осенью – деревенское молоко с Ленинградского рынка. Была у бидона еще одна отличительная черта, которую знали все советские дети, – крышка. Если попросить тетю Машу, Катю, Зину (продавщиц, как правило, знали все местные жители и звали по имени), то она щедро плеснет в нее холодного кваса. Крышка была незаменимой тарой против общественного стакана, из которого во избежание инфекций запрещали детям пить все без исключения мамы и бабушки.

В детский сад в Чапаевском переулке меня отдали года в три. Воспоминания о нем у меня весьма смутные. Помнится, что наша младшая группа занимала второй этаж, на который вела очень крутая лестница. Еще у меня был шкафчик с красной деревянной дверью (у мальчиков – с синей), на которой была прибита дощечка с весьма символическим изображением елки (Елена – Лена – Аленка – Елка), а мне хотелось романтики в виде белочки или лисички. Друзей в этом саду (потом были и другие) у меня не случилось: детсадовскую

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

детвору составляли в основном дети военнослужащих, которые из-за переездов взрослых подолгу здесь не задерживались. Не помню я и имен воспитательниц, которые, в основном были женами слушателей академии. Они также сменялись бесконечно.

Для удобства семей военнослужащих на первом этаже нового общежития была открыта кулинария, по соседству заработала домовая кухня. В кулинарии всегда можно было купить столь любимые мной мясные котлеты по 12 копеек за штуку. В 1990-е домовая кухня закрылась, ее место занял магазин парикмахерских принадлежностей «Золингер», пышное открытие которого сопровождалось приездом телевидения и начинающего стилиста Сергея Зверева. Ставки, сделанные на «Золингер», себя не оправдали: мало кого в те годы интересовали профессиональные расчески и ножницы. Он еще просуществовал какое-то время, периодически сдавая помещения под мелкорозничную торговлю, пока окончательно не закрылся. В настоящее время здесь располагаются несколько сетевых продуктовых магазинов и кафе кавказской кухни.

Магазины «ненаглядных» товаров

Магазинов как таковых в Чапаевском переулке не было. Да и зачем, если на соседней Новопесчаной есть «Мясо», «Гастроном», «Универмаг», а за углом, на 2-й Песчаной, ставшей в 1970-е улицей имени румынского коммуниста Георгиу-Дежа, расположились булочная и овощной?

В советское время была четкая система планирования городской инфраструктуры: в те годы навряд ли можно было встретить подряд три аптеки и две булочных. И хотя розенфельдовские дома в Чапаевском переулке мало чем отличались от своих собратьев с Новопесчаной и, как и у последних, нижние этажи были нежилыми, от магазинов пришлось отказаться. Первые этажи Чапаевского переулка заняли районный центр соцзащиты, детская поликлиника, заочный институт советской торговли, многочисленные ЖЭКи с красными уголками.

Счастливым исключением стали два магазина – хозяйственный и мебельный, которые можно отнести к Чапаевскому переулку с большой натяжкой. Оба располагались в угловых домах, хозяйственный в начале улицы, мебельный – в конце, и чаще адреса называли так: Ленинградский, 63, и 2-я Песчаная, 1. Но все-таки в памяти соколян они остались частью Чапаевского переулка.

Каждый из этих магазинов заслуживает отдельного рассказа. И начну я, пожалуй, с хозяйственного.

Он завораживал уже своей лестницей. Там было не более семи-восьми ступеней, но в детстве она казалась бесконечной: приятно было почувствовать себя принцессой, поднимающейся к дверям дворца. Правда, за стеклянной дверью совсем не царские дары, скорее утварь для золушек.

Мне очень нравилось ходить между ящиками с гвоздями и пирамидами оцинкованных ведер, любоваться аккуратными стопочками хозяйственного мыла, пока мама стоит в очереди за каким-то дефицитом. Здесь можно было купить детскую зубную пасту «Чебурашка» или «Ягодка», а если повезет, то и индийский стиральный порошок «Тайд» (тогда название писали по-русски) и гэдээровский «Лоск», а еще всякой всячины – от колец для ковра до мази для лыж.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

В те годы выбор масляных красок не отличался разнообразием, но сурик в продаже был всегда. Если в белую эмаль добавить столовую ложку коричневой краски, то получался благородный беж.

Еще в углу стояла большая садовая лейка практически с меня тогдашнюю ростом. А рядом – вереница прилавков, на которых были разложены «ненаглядные» предметы. Ненаглядные в том смысле, что мне всегда не хватало времени их все рассмотреть: очередь, по моему мнению, шла ужасно быстро. Думаю, многие меня поймут.

Почему-то запомнился одеколон «Саша» с ужасно сердитым дядькой на картинке. «Неужели его кто-то купит?» – думалось тогда. А не так давно в сети мне попалось изображение того советского одеколona. «Дядька» действительно был суров, неуловимо напоминающий молодого Томина-Каневского. Может оттого и «Саша»? Затем дизайн картинки не раз менялся, как и фото «Саши». Одеколон выпускается до сих пор, но вот тот, «семидесятник», сразил навсегда.

Когда в 1990-е магазин закрылся, то сожалению жителей района не было предела: с ним прощались, как с хорошим другом, переезжающим в другой город. Помню, как сосед хвалился тем, что стал последним покупателем хозяйственного магазина. Собрался он в квартире делать ремонт, закупил тут краски, но, видимо, не рассчитал и пришлось идти обратно в магазин за очередной банкой. Каково же было его удивление, когда через два часа после первой покупки, он обнаружил вывеску «Магазин закрыт». Краску пришлось покупать уже в другом магазине.

Долгое время помещение хозяйственного магазина практически пустовало (маленькие фирмочки и конторки, сменяющее друг друга в течение нескольких лет, не в счет), пока пять лет назад здесь не открылся ресторан итальянской кухни. Теперь по лестнице не ходят маленькие фантазерки – их сменили молодожены и степенные юбиляры.

Первый этаж углового дома 18/1 с самого начала занимал мебельный магазин. Это был настоящий подарок для новоселов! Переезжали, как правило, с одним чемоданом и стопкой книг, реже со шкафами и кроватями. Покупка мебели была значимым событием для каждой семьи.

Надо отметить, что в 1950-е годы не было особой проблемы купить отечественные диван или книжную полку – они были в свободной продаже, но привозили их в небольшом количестве, понятно, что на всех не хватало, да и финансовые возможности граждан не всегда позволяли купить все и сразу – приходилось откладывать.

В очереди за обстановкой для новой квартиры заводились приятные знакомства, которые перерастали в долгую соседскую дружбу: еще бы, сегодня один сосед помог другому донести зеркало, а завтра оба несут в квартиру третьему стол. Знакомцу из «мебельной» очереди радовались как доброму родственнику.

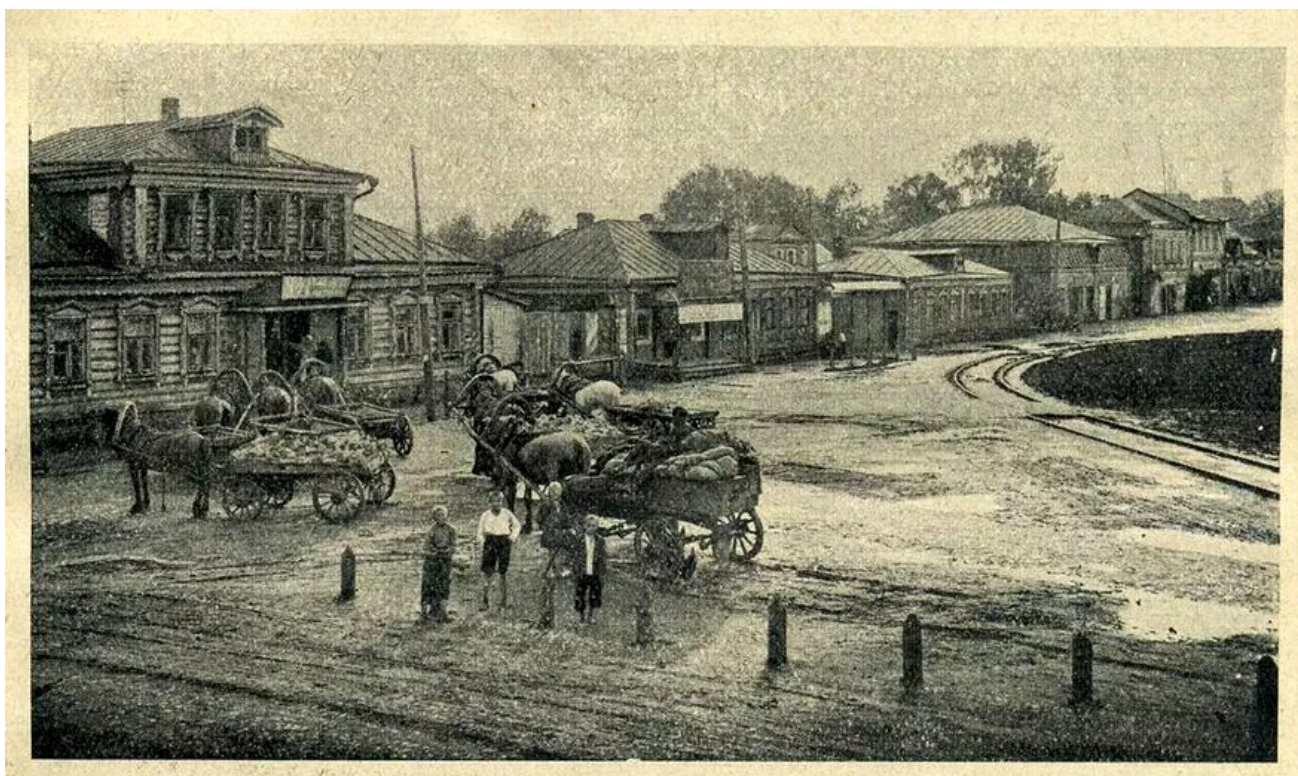
Бывший хозяйственный магазин

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Хорошо помню фантастический (а каким еще он может быть в детстве?) запах свежего дерева и мебельного лака: на нижнем этаже (нулевые этажи магазинов в качестве торгового зала в советское время были редкостью, обычно их использовали под склады) была реставрационная мастерская. Услуги мастерской стоили немало, но заказы периодически случались. Здесь же был отдел импортной мебели, на которую можно было только любоваться, выставочные образцы не продавались. Получить заветную стенку или гарнитур можно было по открытке – заказу, оформленному на будущее. Приходилось ждать не один год.

А вот первый этаж был куда проще и интереснее: здесь стояли мягкие пуфики, прикроватные тумбочки с деревянными ручками-«бамбушками», кухонные табуреты и шкафчики. Почему-то запомнилась настенная вешалка со львом. В пасти льва была цепь, к ней прикреплена дощечка с крючками, на которые предполагалось вешать шляпы. Очень уж она мне тогда понравилась. Подумала, вот вырасту и куплю себе такую. Выросла, а магазина уже нет. Видимо, очередной сетевой продуктовый куда рентабельней, нежели старый, заслуженный мебельный.

В детстве всегда так: думаешь, зачем записывать, я и так все запомню. Но проходит время, стираются из памяти сначала имена, потом лица, затем даты (даты я всегда помнила хорошо), но район, где прошло детство, будет со мной всегда, ведь старых друзей не бросают, даже если их меняет время.

Уголок села Всехсвятского. Отцовская площадь с дореволюционной застройкой. 1926 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Адела Василю

(Кишинев, Молдова)

СЮЖЕТНЫЕ СКОРОГОВОРКИ

О кроликах, троллях и карликах

Кролики кролем
проплыли в кораллы,
Крались на роликах
тролли на ралли,
Карлики роли
играли для крали,
Горло не драли,
граали не крали!

Три тролля из Триполья

Три роли для троллей
придумали кроли,
Построив троим
по три Трои в Триполье.
Прикольные кролики
ржали до колики:
Все тролли в Триполье –
по имени Толики.

Скоморохи

Сели дети в карусели,
Сорок карамелей съели,
И спросили у сороки
Где слонялись скоморохи.
Стрекотала им сорока:
– С ними нам одна морока,
Всюду мы с утра сновали,
Скоморохов не встречали!

Про пятак и пять опят

Стоя пять опят не спят,
Пятачками врозь сопят.
Первый, выпятив пупок,
Пятаками пихнул пенёк,
А второй под пнём – пятак
Пятачком наскрёб, чудак.
Третий же пенял на пень:
– Нету сна который день!
И пятой его пинал:
– Прятал я пятак в пенал!
Попенял четвёртый вслух:
– Не пинай пенёк, пентюх!
Пятым пискнул, просто так:
– Проржавел пенал, простак!

Посуда для попугая

Говорила Глаша Даше:
 – Нету птичек Кеши краше!
 Покроши в кроссовку крошке
 Кошкин вискас и окрошки!
 – Лучше бы в галошу, Глаша,
 Кажется, в кроссовке каша!

Говорушки

Говорили говорушки:
 – Нам Гаврюшка дал ватрушки,
 Подарил свинушке грушки,
 А Варюшке дал игрушки...
 Говорушки говорилки
 Сочинили для Гаврилки!

Сосны и совы

В сосняке соснули сосны,
 После сна они несносны!
 Осовелая со сна,
 Косится на сов сосна!
 Сердится, скрипит сурово:
 – С сосен убирайтесь, совы,
 Сосны вам не софки,
 Ухайте на сопке!

О сороке

Сорочий Синод
 из местечка Сороки
 Сто сорок затрещин
 отвесил сороке,
 За то, что сорока
 сто сорок сорочек
 Стащила для сына
 и дочек-сорочек.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Алексей Казарновский
(Балашиха, Моссалит)

Шли по морю два верблюда

Шли по морю два верблюда,
Шли неведомо откуда.
Говорит один верблюд:
– До чего нелегкий труд
По морям ходить, ей-богу!
Не найти нам здесь дорогу!
Отвечал верблюд другой:
– Не волнуйся, дорогой!
Спросим мы кого-нибудь,
Как найти нам нужный путь. –
И спросил у рыбы строго:
– Где в пустыню тут дорога?
Сил бродить уж больше нет,
Обошли весь белый свет!
Рыба жабрами качала
И верблюду отвечала:
– Нет, не знаю я пути,
Но зачем туда идти?
Далеко ли до беды,
Ведь в пустыне нет воды!
Тут верблюд от возмущенья
Закричал: – Прошу прощенья!
Что еще за ерунда!
И в пустыне есть вода.
От колодца до колодца
И ленивый доберется!
День другой всего пути,
Неужели не дойти?
Но важней другая штучка:
Там, в песках растет колючка!
Знают все (и даже дети):

Нет ее вкусней на свете!
Рыба ж – вот какое дело –
Соглашаться не хотела:
– Нет, любезный! Извините!
Что за чушь вы говорите!
Без воды прожить два дня?
Не смешите вы меня!
Да еще колючку кушать!
Не хочу вас даже слушать!
Это просто моветон!
Лично я люблю планктон.
Не сдержал верблюд наш стона:
– Ну а я не ем планктона!
И не буду никогда!
Это вовсе не еда!
Так с верблюдом спорить рыбы
До скончания дней могли бы,
К счастью, только в этой сказке
День за днем и без опаски
По морям верблюды бродят.
Это против их природы!
Всем известен факт банальный,
Что в глуши континентальной
Средь пустынь живет верблюд,
Там нашел себе приют,
Никого не обижает
И колючку обожает,
Но, увы, не слышал он
Про моря и про планктон!

Про девочку Улю, шиншиллу Шишу и кошку Фросю

Капает дождик на город знакомый,
Мокрые люди бегут по дорожке,
Что за погода! Не выйти из дома
Девочке Уле, шиншилле и кошке!

Дождь завертелся в таинственной пляске,
Каплями мягко ударил по крыше
И зашептал, оживая, как в сказке,
Уле с подружками Фросей и Шишей.

Что же он шепчет, стихи или песни,
С серых небес нисходя понемножку?
Не разобрать этот говор чудесный
Уле, пушистой шиншилле и кошке.

Туча пройдет, открывая просветы,
Дождик над городом тише и тише.
Смотрят втроем из окошка на лето
Уля и звери: Фрося и Шиша.

Про омара и букву «к»

В океане жил омар,
Жил на дне, не зная бед,
Был не молод и не стар,
Ел моллюсков на обед.

Как-то раз на склоне дня
Он поймал большого слизня.
Тот кричит: «Не ешь меня!
Выкуп дам я ради жизни!»

Удивился наш герой
(Не слышал такого сроду!):
– Ну-ка, мне секрет раскрой,
Чем заплатишь за свободу?

У того дрожат бока,
Он кричит у края бездны:

– Если хочешь, букву «к»
Подарю тебе, любезный!

– Букву «к»? Вот это да!
Нос утру я всем омарам!
Это вам не ерунда!
Отпущу тебя не даром!

В нарушение всех правил
Примеряет букву «к»,
Только лишь ее приставил,
Как взлетел под облака.

И теперь летит комар
И поет себе в полете,
Прославляя слизня дар
На лугу и на болоте.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Наталья Абрамцева
(Москва)

ГОЛУБАЯ СКАЗКА

Небо было голубым. Просто голубым.

– Вы неплохо выглядите. Вам к лицу голубой цвет, – обронило ослепительно-золотое солнце.

– Благодарю. – Небо расправило складки своего голубого наряда и замерло в ожидании новых похвал.

Но их не последовало. Солнце уже беседовало с какой-то далекой звездой.

– Вот как... – Небо растерялось. – Может быть, мои голубые одежды кажутся роскошному солнцу чересчур скромными? И солнце, похвалив меня, просто посмеялось? Напрасно... Ведь я все-таки небо!

Небо гордо расправило свою голубизну и велело явиться портному. Ветер, он с давних пор служил небу портным, прилетел тотчас.

– Мне бы хотелось выглядеть несколько... ну... знаете ли... уважаемый портной... – небо подбирало нужное слово, – несколько интересней.

– Интересней... – повторил ветер. – Не очень ясное пожелание, но попробую что-нибудь придумать.

Ветер взял охапку белоснежных маленьких пушинок-облачков и невидимой нитью сплел их в нежную, почти прозрачную накидку. Укрыв заказчика чудесной облачной шалью, ветер отлетел, посмотрел на свою работу со стороны, поправил два-три облачка и слегка подул.

– Что же, о небо, вы довольны? – почтительно спросил ветер.

– Да, спасибо, думаю, это подойдет.

Небо снова взмахнуло шалью, пушинки-облачка побежали быстро-быстро. Небо само себе понравилось! Но солнце молчало.

– Придется, – нахмурилось небо, – снова позвать портного.

Прилетел ветер.

– Новый наряд не понравился? – удивился он. – Слишком воздушно? Легко? Даже, может быть, легкомысленно?

– Возможно. – Небо недовольно сбросило облачную шаль.

– Не волнуйтесь, – заторопился ветер, – попробуем другой вариант, элегантно-строгий.

Ветер взмахнул одноцветным густо-серым полотнищем плотной облачности, набросил его на небесный свод, затем достал множество серебряных нитей дождя и, резко дунув, пустил их наискось. Получилось строго и нарядно.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Небо трянуло нитями дождя и украдкой взглянуло на солнце. С надеждой взглянуло. Но золотое солнце то ли потускнело, то ли погрустнело. Так и эдак встряхивало небо блестящими дождевыми нитями, но печальное солнце молчало.

– Странно, – небо недовольно сбросило серебряные украшения, – неужели нельзя придумать что-нибудь необыкновенное?!

– Минуту, еще минуту, – заволновался ветер-портной, – я придумал для вас, о небо, великолепно эффектный наряд.

Ветер задул изо всех сил, пригнал тяжелые лиловые тучи, скроил из них величественное одеяние с золотыми пряжками-молниями.

Рассерженное небо осталось довольно работой портного. «Теперь солнце, конечно же, восхитится моим нарядом», – решило оно. Но солнце закрыло глаза, лучи его задрожали и поникли. Казалось, ему отчего-то больно.

– Не знаю, в чем дело, – удивилось, почти возмутилось грозное небо, – этому золотому зазнайке ничем не угодить! Я так стараюсь, так стараюсь ему понравиться, а от него ни слова доброго.

Разгневанное небо сбросило чудесный с золотыми молниями наряд и осталось в своих обычных голубых одеждах.

«Пусть так, – думало небо. – Не буду больше наряжаться. Так и останусь просто голубым. Всё! Хватит!» – сердилось оно.

Сердилось, сердилось, сердилось и вдруг слышит:

– Вы прекрасно выглядите. Вам к лицу голубой цвет.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Ольга Флярковская
(Москва)

Сядем рядом на диване...

Сядем рядом на диване –
Почитаешь книжку мне,
Как тюлень тоскует в ванне
Об арктической луне,

Как верблюд к пескам Сахары
Устремляется в мечтах,
Как вздыхает ослик старый
О молоденьких листках.

Вот красивая лошадка
На манеж глядит пустой,
И зеваёт сладко-сладко
В клетке кролик городской...

Почитаем, полистаем,
На картинки поглядим...
Никому не помешаем,
Если рядом посидим!..

Песенка-малышка

Народилась песенка
В нотной колыбели,
Весело на лесенке
Нотки шелестели.

Тронула оконце
Звучком, как лучом –
Ласковое солнце
Зайчиков печет!

Распахнув окошко
Настежь, до предела,
Вслушалась немножко
и сама – запела!

А устав, присела
Прямо на пюпитр,
Потому что нужен
Песням композитор.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

СКНЯТИНО. ИСТОРИЯ ИСЧЕЗНУВШИХ ГОРОДОВ

В Википедии в статье под названием «Скнятино» можно прочитать следующее: «Населенный пункт в Калязинском районе Тверской области. Входит в Нерльское сельское поселение».

Станция Скнятино. 1950-е гг.

Сейчас это небольшая деревенька и остановка поезда на маршруте Савёлово – Сонково. То же название носит Скнятинское охотничье хозяйство военно-охотничьего общества и рыболовно-спортивная база «Скнятино». С этой станции можно добраться до огромного количества деревень. В деревнях давно живут в основном дачники, местные остались только в бывшем совхозе в Капшино. А вот названия деревенок сохранились: Красная Горка, Селищи, Провалино, Грибачево, Раменье, Волнога, Богданово, Рог, Коротково.

Станция Скнятино. Начало 1980-х гг.

Во времена СССР Скнятино было почтовым отделением, которое обязательно указывалось в адресе получателя, например так: Калининская область, Калязинский район, п/о Скнятино, деревня Селищи, Иванову Ивану Ивановичу. Теперь адрес звучит совершенно иначе. Почтовое отделение давно ликвидировано, исчезло здание станции, где в буфете можно было купить лимонад и карамельные конфеты, – сгорело в 2011 году, однако прекрасная природа сохранилась, и Скнятино по-прежнему привлекает туристов – прежде всего

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

огромным водоразделом. В Скнятино стекается много рек и речушек, питающих Волгу: Волнушка, Нерль, Печухня, Медведица, Брыль. Само Скнятино расположено на полуострове, в месте впадения реки Нерль в Волгу. От общей поймы слившихся в результате строительства Угличского водохранилища рек Волнушки и Нерли Волгу отделяет цепь островов, самый большой из которых также носит название Скнятино.

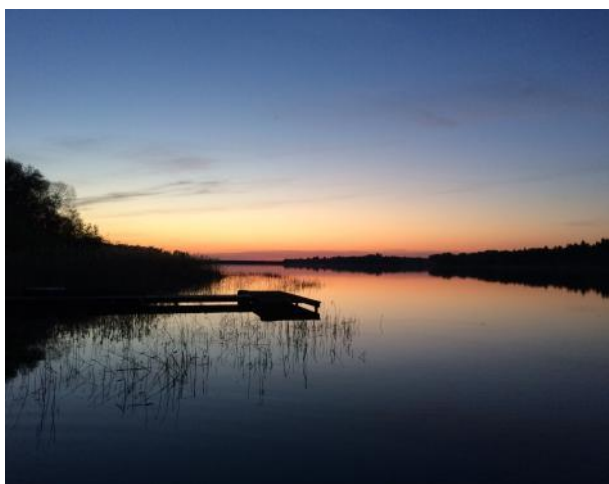
А когда-то на этом месте стоял хорошо укрепленный город-крепость Кснятин. Кснятин (Константин, Скнятин) был построен в 1134 году на границе Владимиро-Суздальского княжества и Новгородской земли князем Юрием Долгоруким, так что в некотором роде это старший брат Москвы. В том же году была заложена церковь. Это был период, когда князь остро ощутил незащищенность своих границ на западе, и строительство укреплений стало важнейшим направлением деятельности Юрия Долгорукого. Первым из этих городов-крепостей стал именно Кснятин, возведенный в устье Нерли Волжской. Город называли в честь сына Юрия, Константина. Однако, вероятно, из-за сложности произношения, город из Константина превратился в Кснятин, а затем в Скнятин. В Никоновской летописи за 6642 год (1134) сказано: «Юрий Володимерич Манамаш заложи град на усть Нерли на Волзе, и нарече ему Константин, и церковь в нем созда». Город Кснятин представлял собой хорошо укрепленную крепость, закрывшую дорогу новгородцам на Переславль и Ростов.

В XIII веке Кснятин стал значительным городом Переславль-Залесского княжества. Этому способствовало удобное расположение и близость торговых волжских путей между Новгородской и Суздальской землями. В 1216 году Кснятин был разграблен псковичами и смолянами, однако горожане восстановили фортификационные сооружения, но уже через двадцать два года, в 1238 году, войска монголо-татар во главе с ханом Батыем взяли город и снова разрушили. И на этот раз жители восстановили город, и в XIV веке он становится важнейшим по значимости городом Кашинского удельного княжества.

С утерей Кашинским удельным княжеством значимости и Кснятин теряет свою значимость, этому способствовало также развитие самого города Кашина и Макарьевского монастыря, и в 1459 году Кснятин упоминается как село, а к XV веку уже под именем Скнятин.

К началу XX века Скнятино было достаточно большим селом с церковью Рождества Богородицы. Согласно тверскому епархиальному статистическому сборнику, в приходе села Скнятино было 277 дворов, 803 мужчины и 999 женщин.

Село существовало вплоть до конца 30-х годов XX века.

Вечерняя гладь. Река Волнушка

Скнятинские просторы

Зимняя дорога по замерзшей Волнушке

14 сентября 1935 года постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР было принято решение «О строительстве гидроузлов в районе Углича и Рыбинска». 8 декабря 1940 года был торжественно запущен первый гидроагрегат. Реки Волнушка и Нерль вышли из берегов и затопили всю округу. Древнее село Скнятино ушло под воду. Церковь Рождества Богородицы была разобрана, кирпич впоследствии использовался для строительства Савёловского машиностроительного завода.

ИСТОРИЯ В ДЕТАЛЯХ

В Скнятине когда-то было «два монастыря и много церквей»⁸. Один из монастырей находился непосредственно в самом селе и назывался Савин монастырь. Упоминания о нем встречаются в различных исторических источниках. Так, в Кашинской писцовой книге 136–137 за 1628–1629 годы сказано: «Савина монастыря что во Твери в вотчине погост на монастырской земли на реке на Волге усть реки Нерли а в нем церковь Рожество Пречистые Богородицы строение монастырское а на церковной земле во дворе поп Пантелей Мамонтов, во дворе дьячок Сенка Иванов сын попов, во дворе пономарь Ерофейка Сидоров келья просвирница...»⁹. В Клировой ведомости за 1796 год речь идет уже только о церкви. Вероятно, Савин монастырь был упразднен Екатериной II.

Еще один монастырь, Ильинский, располагался на высоком месте, на берегу реки Волнушки. Упоминаний об этом монастыре крайне мало. Известно, что этот древний монастырь был разграблен и сожжен поляками в 1609 году. По преданию, во время нашествия поляков в монастырь сбежалось огромное количество людей со всех окрестных деревень. За монастырскими стенами люди пытались найти укрытие. Монастырь полностью разграбили и сожгли поляки, все люди были убиты. На месте монастыря позднее появилась деревня Ильинское, входящая в Скнятинский приход.

В 1930-е годы, перед затоплением при строительстве Угличского водохранилища, деревню перенесли на новое место. В 1970-е годы в связи с ремонтом железнодорожного моста на месте бывшей деревни и монастыря образовался карьер, в котором при выемке песка обнаружили древнее массовое захоронение. На место прибыли археологи, однако по неизвестным причинам работы достаточно быстро свернули. Работу археологов завершили их «черные» коллеги. Несколько лет подряд они приезжали на место кургана и тщательно

⁸ «Архив исторических и практических сведений, относящихся до России», Николай Калачев. С.- Петербург, статья протоиерея Иоанна Белюстина «Записки о городе Калязине», 1861 г.

⁹ Кашинская писцовая книга 136–137 за 1628–1629 гг. начиная с листа 1603, за № 800.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

обследовали место захоронения. Все ценные предметы, найденные на месте раскопок, оказались в частных коллекциях. А местные парни еще долго пугали девчонок, вешая на забор черепа.

К сожалению, ни перезахоронения останков, ни очистки территории от частей человеческих скелетов не проводилось, довольно долго они просто валялись в оврагах. Сейчас это место называют Ильинская горка, в 2005 году дачники на месте монастыря и деревни установили памятный

Церковь в селе Капшино

крест, освященный православной церковью.

С Ильинской горкой связано много легенд. Говорят, что где-то зарыт клад, в котором собраны все сокровища монастыря, спрятанные монахами во время польской осады. Вот только где искать клад, никто не знает. Возможно, он спрятан под водами разлившейся после строительства водохранилища реки Волнушки. А может, его давно нашли. Эти легенды до сих пор не дают покоя «черным археологам», которые каждое лето здесь появляются.

Третий монастырь, Знаменский, также упраздненный Екатериной II, находился в деревне Капшино. Деревня и сейчас существует, в ней сохранилась церковь, оставшаяся от монастыря. В советское время церковь закрыли, и к началу XXI века она пришла в упадок, здание практически разрушилось. Несколько лет назад церковь восстановили благодаря частному инвестору и пожертвованиям местных жителей и дачников. Сейчас время от времени в ней проходят службы.

От храма, стоявшего в селе Скнятино, к сожалению, ничего не осталось, даже фотографий. Есть лишь подробное описание, сделанное Иваном Федоровичем Никольским, основателем краеведческого музея Калязина, уроженцем села Скнятина. Непосредственно перед затоплением храм был разобран. Известно о церкви следующее.

Долгое время церковь была деревянной, и только в начале XIX века наконец становится каменной. «Церковь Богородицерждественская, построена в 1801 г., каменная, престолов 3: в холодном – Рождества Пресвятой Богородицы; в теплом – правом Иоанна Богослова, левом – Святителю Николаю»¹⁰. Это был большой и красивый храм. Звон колоколов разносился на всю округу, говорят, что звенели колокола в том храме по-особому.

По воспоминаниям очевидцев, среди которых была и моя бабушка, Кашицина Мария Васильевна, разборка храма проходила при огромном стечении народа. Некоторые пришли просто поглазеть, но для многих это стало огромной личной трагедией. Храм оцепили красноармейцы, и под гул толпы трое добровольцев полезли на купол, чтобы снять кресты. Люди пытались прорваться сквозь оцепление, однако были остановлены. Оставалось только молиться и посылать проклятие тем, кто у них на глазах рушил святыню. Это была последняя,

¹⁰ Тверской епархиальный статистический сборник за 1901 г.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

самая трагичная молитва, вознесенная прихожанами церкви Рождества Пресвятой Богородицы в Скнятине.

Проклятие ли подействовало или это было стечение обстоятельств, но один из рабочих сорвался и погиб на месте. А двое других, завершивших работу и сбросивших кресты на землю, умерли в течение года не своей смертью: один утонул, другой был убит.

Верующие пытались спасти все, что можно. Люди надеялись, что однажды храм будет восстановлен и сохраненные раритеты вернуться на место. Так, в сундуке моей бабушки до сих пор хранятся обгоревшие свечи и лампадки. Все церковные книги позднее, при ремонте крыши, конфисковали местные органы Советской власти.

Священником скнятинской церкви был Владимир Введенский. По воспоминаниям, это был отзывчивый, добрый человек, пользовавшийся у прихожан уважением и любовью. 7 октября 1937 года он был арестован и заключен в кашинскую тюрьму, где его допрашивали трое суток. В качестве свидетелей были вызваны учитель и завскладом станции Скнятино, которые свидетельствовали об антиколхозной агитации и о религиозной пропаганде священника Введенского. Несмотря на то что отец Владимир не признал своей вины, тройкой НКВД он был приговорен к расстрелу и 3 ноября 1937 года расстрелян. Отец Владимир причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских на юбилейном Архиерейском соборе Русской православной церкви в августе 2000 года для общецерковного почитания. Дни памяти: 29 января (новомуч.), 21 октября (по старому стилю).

В книге «Об остатках древности и старины в Тверской губернии» о Скнятине сказано следующее: «В этом селе есть городище, на котором, и по соседству, находят много каменных орудий и других предметов древности». В 1887 году в селе провели раскопки и обнаружили множество женских украшений, таких как бусы и браслеты, обломки каменных и железных ножей, каменные стрелы, бронзовые пластины с орнаментом и другие артефакты. Все они были переданы в тверской музей.

Опоры старого моста

Железнодорожный мост

В 1897 году археологические работы велись непосредственно в городище, имевшем форму эллиптической насыпи. По преданию, именно там стоял Савин монастырь. «Об этом городище у крестьян имеется несколько преданий. Одни говорят, что тут был монастырь и что здесь в полночь появляется монах, другие говорят, что в нем зарыт большой клад, и что найдет его человек, вдовевший 30 лет и приехавший в половодье на соминке¹¹»¹².

До того как село Скнятино ушло под воду, оно входило в один из туристических маршрутов по Волге. В экскурсионном сборнике 1928 года Скнятино стоит в туристическом маршруте № 6 «Экскурсия от г. Кимры до Калязина. Кимры – Скнятин – Калязин – Кашин»¹³. В Скнятине была пристань, где останавливались экскурсионные пароходы. Вот что сказано в описании экскурсии: «Около села в 1 версте есть стоянка каменного века и дюны с соснами с ветровыми формами крон, в виде флагов. У самого селения на берегу р. Нерль сохранился курган»¹⁴.

Через Скнятино проходила железная дорога на Кашин. Железнодорожный мост через Нерль начали строить в 1914 году, в качестве строителей использовали пленных чехов, венгров и австрийцев. В строительстве участвовали и местные жители, и всем вменялось в обязанность поставлять для насыпи определенное количество песка: детям с двенадцати до шестнадцати лет по полкуба, а всем остальным по одному кубу. Все эти работы оплачивались. Мост состоял из металлических ферм, а опоры облицованы обтесанными камнями.

¹¹ Один из видов волжских судов.

¹² «Об остатках древности и старины в Тверской губернии (Объ остаткахъ древности и старины въ Тверской губерніи)» В. А. Плетнев, Типография губернского правления 1903 г.

¹³ «Дальние экскурсии по Тверской губернии под редакцией А. Н. Вершинского», Тверь, 1928 г.

¹⁴ «Дальние экскурсии по Тверской губернии под редакцией А. Н. Вершинского», Тверь, 1928 г.

После революции в Скнятине был образован колхоз. Почти все частное имущество крестьян конфисковали в пользу колхоза. Зажиточных крестьян раскулачивали, многих впоследствии репрессировали. Занимался раскулачиванием так называемый комбед (комитет бедноты), состоявший в основном из пьяниц. Вещи выносили из домов и тут же раздавали или продавали, себе же комбедовцы забирали самое лучшее.

Строительство Угличского гидроузла привело к затоплению огромных площадей и невозполнимым культурным утратам. Ушло под воду и древнее село Скнятино. Старый железнодорожный мост был разобран, от него остались лишь каменные опоры. Новый железнодорожный мост строился силами заключенных, отбывавших наказание в лагере, существовавшем до 50-х годов XX века. Среди них было много политических заключенных. Строившие мост жили в палатках непосредственно на месте строительства. Однажды осенью, в октябре, на строительство пригнали узбеков. По воспоминаниям очевидцев, все узбеки носили лишь халаты и очень скоро стали умирать от холода. Умерших хоронили на кладбище около деревни Красная Горка и на правом берегу Нерли, рядом с деревней Устиново. Мост был построен в 1940 году ценой невероятных усилий и огромных человеческих жертв. В годы войны заключенные занимались лесозаготовками, а мост тщательно охранялся как стратегический объект.

История Скнятина неразрывно связана с историей России. Этот небольшой населенный пункт стал отражением трагических событий, происходивших в России. Хотя фашистские войска не дошли до Скнятина, война нанесла тяжелый урон этим местам. Большинство мужчин, ушедших на фронт, к сожалению, не вернулось. Вся тяжелая колхозная работа легла на плечи женщин и детей. Немецкие самолеты летали через Скнятино на Калязин, сбрасывая бомбы. Летом 1941 года при налете немецкой авиации одна из бомб лишь чудом не попала в мост и разорвалась рядом.

После войны все многочисленные колхозы вошли в состав совхоза «Капшинский». Почти в каждой деревне был клуб, а в селе Нерль даже театр. В Капшине была семилетняя школа, в которую ходили дети из всех деревень. Электрификация дошла до Скнятина в 1966 году. До этого люди жили при керосиновых лампах.

Как и во всей стране, скнятинские (капшинские) колхозники до 1974 года не имели паспортов, отлучаться можно было не более чем на 30 дней, да и то с разрешения председателя колхоза. После выдачи паспортов многие колхозники уехали из своих деревень в города в поисках лучшей жизни. К 90-м годам XX века в деревнях почти никого не осталось, совхоз прекратил свое существование. При развале совхоза многие получили наделы земли, однако они были быстро скуплены у колхозников за гроши. В результате люди остались и без земли, и без денег, которые в те смутные годы обесценивались буквально на глазах. Большинство домов было продано дачникам, в основном москвичам.

Позднее жизнь постепенно стала возвращаться в эти места. Появлялись так называемые фермеры. Судьба многих из них также оказалась трагичной. Не имевшие опыта работы на земле, они разорялись, будучи не в состоянии вернуть кредиты. Были и такие, кто стал жертвой бандитских разборок. Тем не менее в Скнятине появились и крепкие хозяйственники, живущие исключительно крестьянским трудом. Сейчас здесь можно купить свежие натуральные сельскохозяйственные продукты.

Недалеко от моста появился агрохолдинг «Лесной скит» (Бухарово), где можно не только купить свежие продукты, но и остановиться в уютном домике в стиле шале. Отдохнуть и поохотиться можно и в Скнятинском охотхозяйстве, а порыбачить на рыболовно-спортивной базе.

Скнятино осенью

Сегодня Скнятино – любимое место туристов, которые расселяются на островах и по берегам рек. На островах существуют целые палаточные городки, в которые завсегда этих мест приезжают из года в год. Здесь они встречают старых друзей и живут вдалеке от цивилизации, не имея ни электричества, ни воды, готовят на костре, а вечерами собираются вместе. Те же, кто предпочитает комфорт, покупают дома в коттеджных поселках и деревнях. К сожалению, большая часть земель продолжает застраиваться, а непроданные поля постепенно превратились в лес.

Скнятино – волшебное место. Оно влюбляет в себя и уже не отпускает никогда. Тот, кто однажды был им очарован, будет возвращаться вновь и вновь.

ИЗВЕСТНЫЕ СКНЯТИНЦЫ

Среди известных скнятинцев пролетарский писатель Михаил Иванович Волков (1886–1946). Михаил Иванович с восторгом принял революцию и был ее идейным последователем. Его рассказы, не лишённые юмора и живости повествования, иногда переходящие в сказки, с тонким живым описанием природы, к сожалению, остались в литературе исключительно как антирелигиозные произведения. Основной темой его сказок и рассказов стала борьба с религиозными предрассудками крестьян, высмеивание деревенской темноты. Это сказки «Ефрейтор в раю», «Господь спит», рассказы «Безбожница», «На Волге», «Чудо», «Червяк», «Петушок».

Николай Васильевич Струнников (1886–1940) был известным российским конькобежцем, чемпионом мира и Европы 1910 и 1911 годов, рекордсмен мира (1911 – 5000 м) и неоднократный рекордсмен России (1909–1911) по конькобежному спорту.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Чемпион России 1909 года по велоспорту. 4 февраля 1911 года Струнников выступил вне конкурса на матче Норвегия – Швеция в Кристиании (Осло) на дистанции 5000 м. Целью было побить мировой рекорд Яапа Эдена, установленный в 1894 году – 8.37,6. К этому результату никто не смог даже приблизиться. Струнников показал результат 8.37,2. Однако из-за того что Струнников бежал вне конкурса, рекорд не был признан Международным союзом конькобежцев, только в 1967 году его утвердили как мировой рекорд. Николай Струнников – единственный в истории России и СССР конькобежец, владевший лучшими результатами абсолютно на всех дистанциях классического многоборья.

Отдельно хочется рассказать об Иване Федоровиче Никольском (1898–1979), создателе Калязинского краеведческого музея, который сейчас носит его имя. Никольский руководил музеем пятьдесят два года. Музей был создан в 1920 году и расположился в стенах Троицкого мужского монастыря. При строительстве Угличского гидроузла монастырь попадал в зону затопления.

Затопленный Троицкий Макарьев монастырь

Никольский всячески пытался отстоять монастырь, предлагал разные варианты сохранения исторического культурного памятника, в частности обваловывание монастыря. Однако президиум ВЦИК принял решение его разобрать. Никольский сделал все, чтобы спасти культурные ценности монастыря. Вместе с группой художников-реставраторов под руководством П. И. Юкина Никольский занимался снятием бесценных фресок, однако из одной тысячи квадратных метров фресковой живописи удалось снять лишь сто пятьдесят квадратных метров. Наталья Алексеевна, жена Ивана Федоровича, сделала много фотографий уничтоженных впоследствии фресок, внешнего и внутреннего убранства монастыря. Именно благодаря этим снимкам мы можем представить, как выглядел монастырь. Эти фотографии хранятся в Калязинском музее, как и фотоаппарат семьи Никольских.

Понимая, что утрачиваются бесценные предметы искусства, Никольский работал круглые сутки. Он составил подробное описание всего комплекса зданий, различных архитектурных деталей и конструктивных особенностей Троицкого собора, трапезной, жилого «царского» корпуса и Петровского дворца, а также стен, башен, ворот и старой колокольни монастыря, детально описал фрески и все иконы.

И. Ф. Никольский

После выделения музею нового помещения Никольский лично перевозил все экспонаты на санках через замерзшую Волгу.

Всю жизнь он занимался изучением родного края, собирал легенды и народные сказания, изучал архитектуру Калязинского района, повсюду собирал для музея церковную утварь, монеты, живопись, археологические и этнографические находки. В музее хранится более семи тысяч экспонатов, собранных Никольским. Это был человек, безгранично преданный своему делу и своему народу. Скромный в жизни, он слыл среди земляков чудаком. Умер Никольский в доме престарелых во Ржеве совершенно одиноким человеком.

ТРАДИЦИИ И ОБРЯДЫ СКНЯТИНЦЕВ

С древних времен на этих землях жили представители финно-угорских племен веси и меря, позднее из Польши сюда пришли славянские племена кривичей и вятичей. Около 1500 года в этих местах стали появляться селения. Вероятно, названия селений связаны с языком обитавших здесь племен. Так, Кулигино, скорее всего, происходит от *кулига* – *осиновый лес*, Селищи – *селение*, Раменье (Рамено) – *деревня на берегу реки*. До революции каждая деревня была самостоятельным центром со своими обычаями и традициями.

В Скнятине работала четырехклассная школа, куда ходили дети из близлежащих селений, был храм, приход, где люди собирались на службы. Лечением, как правило, занимались бабки-знахарки, причем денег за это не брали, а в селе Скнятине врачеванием занималась барыня Дымова. Она даже бродяг лечила, а не только крестьян. Среди местных жителей пользовалась огромным уважением, и это спасло ее от раскулачивания. Умерла она в 1938 году.

Скнятино. Групповой снимок. Конец 1960-х гг.

На острове на Волге

Каждая деревня занималась различными промыслами и имела особую историю. В здешних местах было много сапожников, которые шили обувь и поставляли в города: сначала лапти, а с 1870 года – сапоги и даже туфельки. Сапожники оставались здесь вплоть до 70-х годов XX века.

Многие занимались пчеловодством. В Селищах почти каждый житель имел свою пасеку, собирали и дикий мед, которого было столько, что его никто уже не ел. В ходу даже была присказка: «Наша невестка все трескает, вот уж мед и тот жрет».

Детей воспитывали следующим образом: мальчики с шести лет плели корзины, с восьми валяли валенки и запрягали лошадь, а к десяти годам уже делали всю взрослую работу; девочки с четырех-пяти лет были няньками, а к десяти делали всю женскую работу по дому: топили печи, готовили, убрали и мыли, доили коров.

На случай голода или неурожая в деревне был общественный амбар – «магазея», в который каждая семья сдавала по пуду зерна. По осени старое зерно раздавали и пополняли запасы новым. Для возможных погорельцев строились специальные кошмы, срубы без крыши, стоявшие на окраине деревни. С образованием артелей многие мужики подались в город на подработки. Интересно, что для предотвращения пьянства у мужиков отнимали штаны, а выдавали только по выходным и праздникам, и они вынуждены были работать в кальсонах «от темна до темна». Тех же, кто все равно пил, пороли и отправляли назад в деревню, грязными и вшивыми. Это был страшный позор.

В каждой деревне существовало два собственных престольных праздника, связанных с днем почитания какого-либо святого. Например, в Селищах праздник выпадал на Иванов день

(7 июля) и день святого Макария (22 октября), а в Короткове – Ильин день. Готовились к праздникам заранее, варили пиво и медовуху, водка была не в чести. В дни праздников мужики надевали косоворотки и подпоясывались поясами.

В гости никого не звали, все – родня и знакомые – приезжали сами, из ближайших деревень на день, а из дальних на два.

На Волнушке

Хозяин прогуливался по деревне с гостями, чтобы все видели. На берегу разводили огромный костер и на большой сковороде жарили рыбу и заливали яйцом. Женщинам пить не полагалось, они праздновали отдельно, ставили пятиведерный самовар и пили чай с пряниками. Ну а заканчивался праздник по традиционному русскому обычаю драками на кулаках. Хотя, бывало, в ход шли и колья.

Окно в старом доме

Свадебные обряды проходили так. Сватать жениха начинали, когда ему исполнялось шестнадцать лет. Причем невеста часто была значительно старше. К выбранной девушке засылали сваху, мать жениха внимательно приглядывалась к ней, невесту выбирали здоровую, пригодную для деторождения. Затем родные невесты ехали к жениху, смотрели дом, пьющая семья или нет. Если всех все устраивало, назначали день свадьбы. А до дня свадьбы – девичник и мальчишник.

За день до свадьбы в дом жениха привозили в сундуках приданое невесты. Везли, как правило, подружки невесты, а лошадью правил обязательно холостой парень. На подводе или, если дело происходило зимой, на санях везли два сундука, сверху перина, которую застилали кружевной простыней, поверх лоскутное одеяло и гора подушек в красивых кружевных наволочках. Готовили приданое заранее, когда будущей невесте исполнялось пять лет. Молодые девушки и девочки с десяти лет собирались у кого-нибудь в избе, пели песни и пряли, на ручном станке ткали льняное полотно, которое раскладывали в марте на снегу и отбеливали. Так получались простыни, наволочки и полотенца. Готовые изделия украшали кружевами и мережкой. Одеяла шили ватные, подушки набивали гусиным пухом, а кто победнее – пухом от рогоза. Правда, такие подушки быстро приходили в негодность.

На следующее утро, после того как привозили приданое, молодые шли под венец. После венчания жених и невеста входили в дом, тесно прижавшись друг к другу, «чтобы мышь не проскочила», а специальные мальчишки пытались между ними пролезть. Горе, если мальчишкам это удавалось: счастья и лада в семье не будет. В середине дня начинались свадебные гуляния, продолжавшиеся три-четыре дня. Два дня у жениха, а потом ехали к невесте, по дороге раздавали выкуп – пиво и пряники. Ну а заканчивалась свадьба, конечно же, драками, а нет мордобития – и счастья у молодых не будет.

После революции свадебные обряды немного изменились и проходили уже без смотрин, да и жених с невестой выбирали другу друга сами, без сватов. Но сам обряд сохранялся практически до 50-х годов XX века.

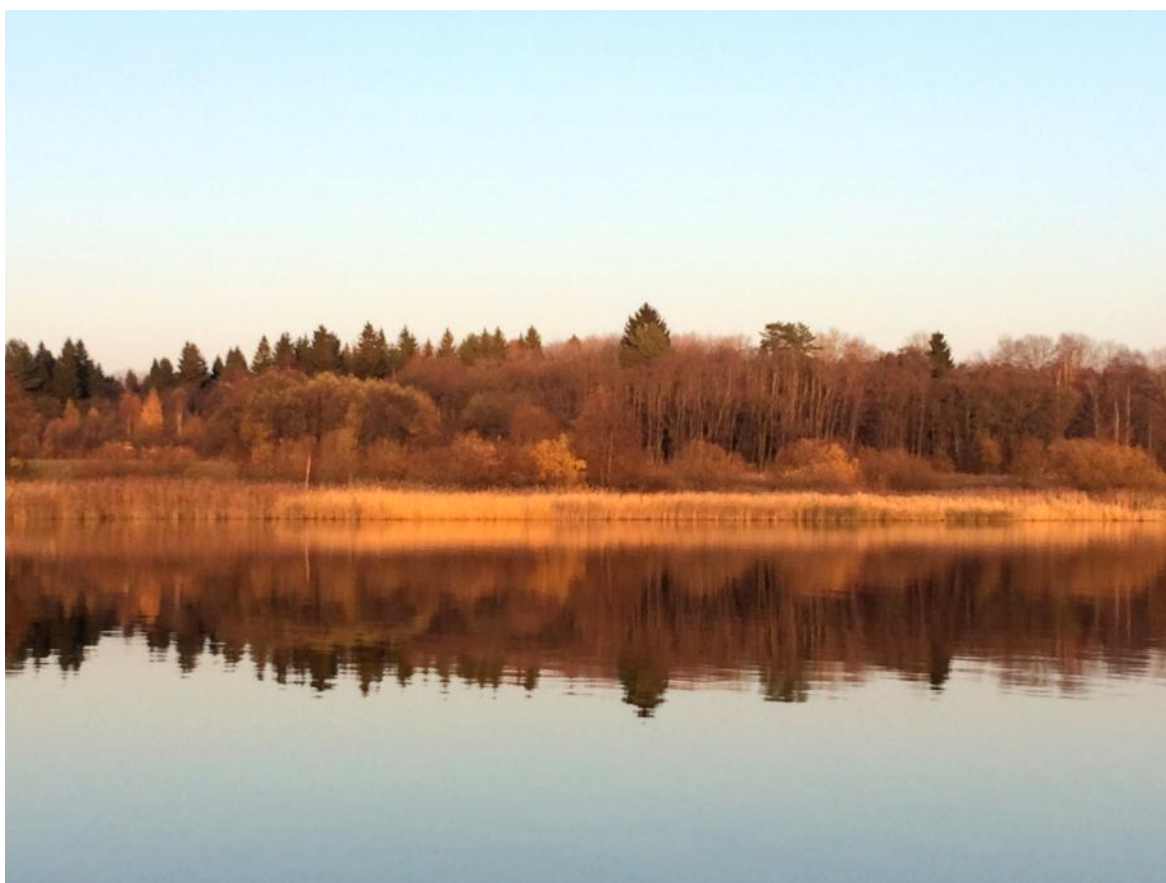
Революция внесла коренные изменения в жизнь крестьян. Весь прежний уклад жизни был сломан и изменен, что привело к бегству крестьян с земли и умиранию деревень.

Московский BAZAR № 3 (33) 2020 г.

Угличское водохранилище уничтожило огромный культурный пласт, под воду ушли целые деревни, сёла, города; старинные монастыри и церкви с ценнейшими фресками были разобраны и затоплены, купеческие дома и усадьбы взорваны или сожжены, старинные кладбища, неисследованные места стоянок древних людей и древние курганы оказались навсегда скрыты под водой. Бесценные иконы, церковная утварь, библиотеки и уникальные коллекции барских усадеб бесследно исчезли или осели в частных коллекциях.

Иногда вода в водохранилище опускается ниже критического уровня, ненадолго отступает, и тогда можно пройти по мостовым исчезнувших городов, найти старинные монеты и осколки посуды. Время, вода и песок сделали свое дело, навсегда уничтожив не только историю городов, но и историю людей.

Редакция журнала «Московский BAZAR» отдельно благодарит известного скнятинского краеведа и исследователя местных традиций и обрядов Соловьева Николая Яковлевича. В статье использованы предоставленные им материалы.

Осенняя песня

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2020